

М. Державинъ.

А. С. ПУШКИНЪ

И

Юбилейная литература.

(БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА).

Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

—
1904.

Дозволено цензурою.
Варшава, 14 декабря 1904 г.

Александр Пушкин

А. С. ПУШКИНЪ

и

Юбилейная литература.

(Библиографическая справка).

Прошли юбилейные дни Александра Сергѣевича Пушкина... Съ нетерпѣніемъ ожидала ихъ русская литература, надѣясь въ эти дни услышать новые факты и увидѣть новыя работы, посвященныя личности поэта и его значенію въ исторіи русской жизни. Дѣйствительно, столѣтній юбилей Пушкина былъ сочувственно встрѣченъ широкимъ кругомъ русскаго общества ¹⁾ и вызвалъ цѣлый рядъ статей и замѣтокъ о поэтѣ и его значеніи въ литературѣ.

Такихъ личностей, какъ Пушкинъ, въ нашей исторіи очень не много, и воспоминаніе о нихъ бываетъ всегда дорого для лицъ, которыя небезучастно относятся къ интересамъ своей литературы и условіямъ ея развитія.

Предлагая вниманію читателей свою замѣтку чисто библиографическаго характера, я имѣю въ виду прежде всего напомнить нѣкоторые наиболѣе интересные факты изъ пушкинской юбилейной литературы, а затѣмъ сдѣ-

---

¹⁾ хотя дѣло не обошлось и безъ комическихъ эпизодовъ. См. по этому поводу ст. А. Пѣшехова „Неудавшійся праздникъ“ Сборникъ Русск. Бог. 1899 г.

лать нѣсколько замѣчаній по поводу наиболѣе оригинальныхъ юбилейныхъ работъ и ихъ отношенія къ поэту и его творчеству, отношенія, которое, какъ увидимъ ниже, не всегда удерживалось въ извѣстныхъ границахъ строгой научности.

Хотя изученіе у насъ Пушкина и отдѣльныхъ вопросовъ его литературной дѣятельности постепенно и подвигается впередъ, однако до сихъ поръ мы еще не имѣемъ самаго главнаго, мы не имѣемъ біографіи поэта, которая могла бы служить руководствомъ для изученія умственнаго развитія поэта и характера его литературной дѣятельности; мы не имѣемъ біографіи А. С. Пушкина въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ ее современная наука и въ томъ видѣ, въ какомъ желала бы ее видѣть русская литература. Такой біографіи не далъ намъ и столѣтній юбилей.

Большинство біографій Пушкина, если только ихъ можно назвать біографіями, не выходятъ за предѣлы сообщенія чисто формальныхъ, внѣшнихъ фактовъ и обстоятельствъ жизни поэта, не давая ни психологическаго анализа его дѣятельности, ни освѣщенія этой дѣятельности съ общественной точки зрѣнія. Сообщение біографическаго матеріала въ видѣ конспективнаго изложенія «Матеріаловъ для біографіи А. С. Пушкина» Анненкова не есть еще біографія поэта, а между тѣмъ такой именно характеръ носятъ, напримѣръ, біографическій очеркъ Пушкина, составленный г. Венкстерномъ ¹⁾, встаети сказать, лучшая изъ числа послѣднихъ работъ подобнаго рода. На этой работѣ мы прежде всего и остановимся.

„Въ домѣ С. Львовича, говоритъ между прочимъ г. Венк-

---

¹⁾ А. С. Пушкинъ. Біографическій очеркъ изъ альбома пушкинской выставки 1880 г. составилъ А. А. Венкстернъ. Москва 1899 г. (перепечатка). Изъ современныхъ работъ А. Венкстера не лишнее вспомнить «Пушкина» В. Стоюнина (С.-Пб. 1881), принадлежащую къ числу наиболѣе удачныхъ біографій поэта.

стернь, собиралось общество... Маленькій Пушкинъ при-
слушивался и приглядывался къ этой пестрой толпѣ. Въ
то время какъ эмигранты, графы Бурдигуръ и Ксавье
де Местръ, Комара'виконтъ Сентъ-Обенъ и имъ подобные
изоцряли свое остроуміе съ дамами, въ кабинетѣ Сергѣя
Львовича раздавались горячіе *литературные*¹⁾ споры,
въ которыхъ принимали участіе Н. М. Карамзинъ, В. А.
Жуковский, К. Н. Батюшковъ, дядя поэта Василий Льво-
вичъ Пушкинъ²⁾ — всегда веселый, неизмѣнно добродушный
и любезный, невольно возбуждавшій симпатію всѣхъ, съ
кѣмъ ему приходилось сталкиваться... Образованность,
остроуміе, соединенныя съ любезностью, заразительная ве-
селость и добродушіе давали ему всегда видное мѣсто въ
обществѣ. Кромѣ всего этого, Василий Львовичъ въ свое
время пользовался славою хорошаго стихотворца, былъ
старшиной «Арзамаса» и пріятелемъ съ первоклассными
литераторами своего времени. Дмитріевъ, Карамзинъ, Жу-
ковский, кн. Вяземскій, Батюшковъ были связаны съ нимъ
узами неразрывной дружбы... Вся Москва знала и лю-
била его... Ранній доступъ въ общество взрослыхъ не
могъ не оказать вліянія на воспримчивый умъ будущаго
поэта... Прижавшись въ уголь дивана, молча и не ше-
велясь, вслушивался онъ въ разговоры ихъ. Въ холостой
кабинетной бесѣдѣ, *не стѣсненной присутствіемъ дамъ,*
*конечно, было много такого, чего не слѣдовало бы слы-
шать ребенку.* То преждевременное и ненормальное раз-
витіе, о которомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ знав-
шіе Пушкина въ дѣтствѣ, *безъ сомнѣнія,* многимъ обя-
зано всему видѣнному и слышанному въ родительскомъ
домѣ...“ Такимъ образомъ, тѣ литературные споры, въ
которыхъ принимали участіе А. М. Карамзинъ, В. А.
Жуковский, К. Н. Батюшковъ, дядя поэта Василий Льво-

¹⁾ курсивъ нашъ.

²⁾ О вліяніи В. Л. Пушкина на поэтическое творчество
А. С. Пушкина см. брошюру подъ тѣмъ же заглавіемъ М. Ха-
ланскаго. Харьковъ 1900 г.

вичъ Пушкинъ, и на которыхъ присутствовалъ маленький Пушкинъ, въ то время, какъ эмигранты, графы Бурдигуръ, Ксавье де Местръ и др. изощряли свое остроуміе съ дамами, оказались бесѣдами, не стѣсненными присутствіемъ дамъ, въ которыхъ, конечно, было много такого, чего не слѣдовало бы слышать ребенку. Такимъ образомъ, разговоры членовъ Арзамасскаго кружка и представителей современной литературы, собиравшихся въ домѣ Серг. Львовича, могли быть неприличными и повліять въ известномъ смыслѣ на преждевременное развитіе поэта, о которомъ г. Венкстернъ имѣетъ единогласное свидѣтельство всѣхъ, знавшихъ Пушкина въ дѣтствѣ, но ни слова не говоритъ о томъ, что разговоры эти были очень серьезны, что они по своей серьезности часто не были доступны для ребенка, но могли содѣйствовать его раннему и можетъ быть сравнительно съ другими преждевременному развитію, которое для поэта было совершенно своевременнымъ и далеко отъ какихъ бы то ни было ненормальностей. Съ этимъ согласился бы и г. Венкстернъ, если бы принялъ во вниманіе психическую организацію чловѣка и историческія условія развитія общества — обстоятельства, на которыя онъ, къ сожалѣнію, не обращаетъ никакого вниманія. Время пребыванія Ал. Сергѣевича въ домашней обстановкѣ было для него тѣмъ фундаментомъ, на которомъ выросъ и воспитался его интересъ къ литературѣ. Какъ бы испугавшись своихъ соображеній, г. Венкстернъ спѣшитъ сдѣлать оговорку — „но не одинъ вредъ, говоритъ онъ, вынесъ Пушкинъ изъ этихъ собраній: прислушиваясь къ толкамъ и спорамъ людей литературнаго міра, онъ съ раннихъ лѣтъ научился любить искусство и произносить съ уваженіемъ слово „поэтъ“. Здѣсь же быть можетъ коренится источникъ той страсти къ чтенію, которая проявилась въ немъ, когда ему открылся доступъ къ отцовской библіотекѣ.“ Въ этомъ то и заключается существенная сторона вліянія на поэта домашняго круга, въ значительной мѣрѣ возбуждавшаго въ немъ интересъ къ литературнымъ занятіямъ

и повліявшого на его умственное развитіе не въ смыслѣ усвоенія имъ какихъ то безнравственныхъ принциповъ, но въ смыслѣ расширенія его умственныхъ интересовъ и развитія любознательности.

„Переводы древнихъ писателей, говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Венкстернъ, французскіе классики, эротическіе поэты, философы сенсуальной школы съ Вольтеромъ во главѣ, — все это съ жадностью поглощалось любознательнымъ мальчикомъ, укладывався въ его головѣ безъ всякаго объясненія, — и немудрено, что фантазія его, предоставленная самой себѣ, приняла это чувственное направленіе, которымъ такъ ужасались позднѣйшіе его воспитатели.“ Дальше же (стр. 28) оказывается, что „воображеніе мальчика, (который, слѣдовательно, читалъ Мольера, Вольтера, Лафонтена), *загрязненное* еще въ дѣтствѣ эротическими произведеніями французской литературы, поневолѣ останавливалось на чувственныхъ образахъ, вычитанныхъ изъ отцовскихъ книжекъ. Позднѣе, когда проснувшіяся молодая страсти заговорили въ горячей крови, эротическій тонъ стихотвореній дѣлается ярче, и картины того же характера реальнѣе, но рядомъ съ этими произведеніями являются другія, *чистыя*; таковы: лицейскія элегіи съ задатками того скорбнаго чувства, которымъ вѣетъ отъ всей Пушкинской поэзіи и патріотическіе стихи на темы современныхъ событій.“ Почему первыя произведенія — продуктъ *загрязненнаго* воображенія, а вторыя, т. е. элегіи и патріотическіе стихи — продукты *чистаго* воображенія? Что способствовало такой быстрой дезинфекціи воображенія поэта, авторъ не объясняетъ. Да и можно ли говорить о какой бы то ни было загрязненности міровоззрѣнія Пушкина, если принимать во вниманіе всѣ условія его умственнаго развитія и главнымъ образомъ характеръ русскаго общества конца XVIII и начала XIX в., въ жизни котораго на ряду съ серьезными интересами очень часто мирно уживались тѣ эротическіе мотивы, которымъ отдалъ дань и воспримчивый Пушкинъ и которые въ большинствѣ слу-

чаевъ обусловливались чисто литературными вліяніями Запада¹⁾. Безсознательно усвоивъ тѣ элементы, которыми была проникнута вся жизнь современнаго общества и воспроизводя ихъ въ поэтической формѣ, какъ моду, имѣвшую широкое распространеніе, Пушкинъ этимъ самымъ положилъ начало художественно-реалистическому направленію въ русской литературѣ, нанесъ послѣдній ударъ ложно-классицизму и значительно пошатнулъ устой мистическаго романтизма, пробовавшаго утвердиться въ то время въ нашей литературѣ. Автору слѣдовало бы говорить не о „загрязненности“ и „чистотѣ“ воображенія поэта, которое всегда оставалось чистымъ, а о тѣхъ литературныхъ воздѣйствіяхъ, подъ которыми находился поэтъ въ извѣстный періодъ своей литературной дѣятельности. Ставъ на такую точку зрѣнія, авторъ пришелъ бы къ заключенію, что наблюдаемый имъ въ поэтѣ переходъ отъ загрязненности къ чистотѣ воображенія есть вполне нормальный процессъ развитія міросозерцанія поэта, который усвоилъ современное ему западное литературное теченіе, развивавшееся на принципахъ художественнаго реализма, и перенесъ его на русскую почву, т. е. продѣлалъ въ извѣстной мѣрѣ то же самое, что и его предшественники Карамзинъ и Жуковский, перенося къ намъ старшія западно-европейскія литературныя направленія.

Говоря о томъ обществѣ, въ которое поэтъ попалъ еще будучи воспитанникомъ лицея, авторъ, между прочимъ, высказываетъ мысль, что „здѣсь (т. е. въ обществѣ гусарскихъ офицеровъ), среди удалого разгула, среди откровенныхъ бесѣдъ на распашку, прислушивался Пушкинъ къ тѣмъ свободнымъ идеямъ, которыми *заразилась* наша гвардія, побывавши въ Парижѣ; здѣсь получали успѣхъ его стихи и эниграммы“.

Восемнадцатый вѣкъ въ исторіи русскаго общества характеризуется обыкновенно, какъ время его развитія

---

¹⁾ Ср. К. Н. Батюшкова и его отношеніе къ школѣ Парни.

на почвѣ увлеченія тѣми образцами, которые давалъ Рос-
сіи современный Западъ и главнымъ образомъ Франція.
Въ умственной жизни русскаго общества это было време-
немъ господства западной литературы, которая въ XVIII в.
занята была общими философскими вопросами, критикой
нравственныхъ идей и отвлеченными вопросами о чело-
вѣческомъ обществѣ¹⁾. Вполнѣ естественно, что и русское
общество XVIII в., живя въ тѣсномъ общеніи съ запа-
домъ, увлекалось идеями западныхъ литературъ. Увлече-
ніе это, долгое время не выходившее за предѣлы чисто
внѣшняго знакомства съ содержаніемъ европейскихъ ли-
тературъ и западными отвлеченными теоріями, къ концу
этого вѣка постепенно принимало характеръ болѣе серьез-
наго и вдумчиваго къ нимъ отношенія — характеръ усвое-
нія новыхъ идей. На западѣ же это время было вмѣстѣ
съ тѣмъ и временемъ развитія на почвѣ политическихъ
броженій и либерально-филантропическихъ теорій ин-
тереса къ народнымъ массамъ. Усилившіеся протесты
противъ стараго феодализма, укрѣпивъ политическое созна-
ніе въ „третьемъ сословіи“, пролагали путь и для че-
твертаго, для идеи цѣлаго народа, свободнаго и равно-
правнаго. Европейскія событія нашего вѣка дали этому
движенію еще болѣе вѣрное основаніе и расширили его
идею до господствующаго принципа — съ одной стороны
національно политическаго, съ другой — демократическаго.
Быстрое развитіе культуры и экономической дѣятельно-
сти, сильныя столкновенія политическія потребовали вездѣ
напряженія національныхъ силъ, которое еще ускоряло
ростъ общественнаго мнѣнія и съ нимъ демократическихъ
стремленій: требовалось возвысить производительность на-
родныхъ силъ и по необходимости расширить народныя
свободы и просвѣщеніе...²⁾ Таково было европейское дви-
женіе... Это европейское движеніе нашло себѣ отраже-
ніе и въ русскомъ обществѣ XVIII ст. Дѣятельность та-

---

1) А. Н. Пыпинъ, Исторія этнограф. I, 41.

2) Тамъ же, стр. 4.

ныхъ лицъ, какъ, напр., Новиковъ и Радищевъ, и была выраженіемъ умственныхъ интересовъ образованнаго класса русскаго общества, въ значительной мѣрѣ подготовившимъ рѣшеніе вопроса объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Такимъ образомъ, въ теченіе XVIII в. русское общество переживало очень сложный процессъ развитія своего міросозерцанія, которое изъ сферы отвлеченныхъ теорій французской философіи постепенно вступало на почву знакомства, наблюденія и изученія родной дѣйствительности. Съ этими завѣтами XVIII в. русское общество вступало въ новое XIX столѣтіе, открывшееся блестящей эпохой царствованія императора Александра I. Такимъ образомъ, сама русская жизнь и условія развитія общественнаго самосознанія къ концу XVIII и началу XIX в. уже выдвинули на сцену тѣ вопросы, которыми интересовались гусарскіе офицеры, а они въ это время были лучшими представителями интеллигентной части русскаго общества. Пребываніе ихъ за границей имѣло своимъ послѣдствіемъ только крайность ихъ увлеченія либерализмомъ, но никакъ не могло *заразить* ихъ, а въ томъ числѣ и Пушкина тѣмъ, что ужь они имѣли у себя и до своего путешествія за границу.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего біографическаго очерка г. Венкстернъ подчеркиваетъ мысль о томъ, что Пушкинъ былъ очень самомнителенъ, что онъ искалъ и жаждалъ популярности, что онъ для звучнаго стиха, для остраго слова не щадилъ никого и ничего и т. д. Но правъ ли вполне г. Венкстернъ, характеризуя подобнымъ образомъ человѣка, который говорилъ:

„Поэтъ, не дорожи любовію народноі!

Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,

Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной,

Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной

Иди куда влечетъ тебя свободный умъ,

Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,

Не требуя наградъ за подвигъ благородный...“ и т. п.,

который своею общественной и литературной дѣятельностью завѣщала намъ принципы, на высотѣ которыхъ могли стоять далеко не всѣ изъ его преемниковъ, считавшихъ себя несомнѣнно носителями его завѣтовъ.

Эпиграммы самыя злыя, говоритъ г. Венкстернъ, экспромпты самыя неприличныя, стихи самыя вольнодумныя и даже богохульныя сыпались изъ подъ пера его направо и налево. И все это дѣлалось напоказъ съ какимъ то хвастовствомъ, съ претензіей обратить на себя вниманіе. Дѣйствительно, ужасныя вещи про Александра Сергѣевича Пушкина, воспитателя цѣлаго ряда поколѣній русскаго общества, рассказываетъ намъ г. Венкстернъ въ своемъ сравнительно небольшомъ біографическомъ очеркѣ. Для большей убѣдительности своихъ соображеній авторъ находитъ очень удобнымъ, характеризуя подобнымъ образомъ Пушкина, привести кстаті біографію Нащекина, который считался его товарищемъ, для того, чтобы рельефнѣе показать читателю, какая ужаснѣйшая была та компанія, въ которой вращался Пушкинъ, а слѣдовательно, какимъ по соображеніямъ г. Венкстерна, долженъ былъ быть и самъ Пушкинъ. Наконецъ, въ этомъ же біографическомъ очеркѣ мы узнаемъ, что разгульная жизнь привела поэта къ гнилой горячкѣ, что жизнь его была въ большой опасности, но что тѣмъ не менѣе „урокъ этотъ на него не подѣйствовалъ, и онъ скоро вернулся къ прежнему образу жизни“.

Такимъ образомъ очеркъ г. Венкстера, преслѣдовавшій извѣстныя цѣли, противодѣйствіе дифирамбическимъ крайностямъ, оказался самъ подобной же крайностью, выдвигая усиленно одну сторону жизни поэта и тѣмъ нарушая строгообъективное, научное освѣщеніе дѣятельности писателя.

Вотъ чѣмъ г. Венкстернъ нашелъ вполне удобнымъ почтить память А. С. Пушкина въ день торжественнаго открытія ему памятника въ Москвѣ и кстаті перепечатать свой очеркъ ко дню столѣтняго юбилея, когда Россія вспомнила лучшія минуты своей исторіи. Новаго чего либо

въ смыслѣ выясненія личности поэта и ея отношенія къ современной эпохѣ, выясненія хотя бы самыхъ главныхъ моментовъ его дѣятельности въ связи съ историческими и психологическими условиями развитія современнаго ему общества — этого біографическій очеркъ, составленный г. Венкстерномъ, ничего не даетъ.

Много мѣста біографическому матеріалу отведено въ сборникѣ, изданномъ ко дню столѣтняго юбилея Пушкина Кіевскимъ Педагогическимъ Обществомъ ¹⁾; сборникъ желаетъ дать читателямъ, насколько возможно, полную и общедоступную характеристику А. С. Пушкина и его произведеній.

Въ исторіи развитія какой бы то ни было исторической личности и въ частности въ исторіи развитія творчества Пушкина очень важную роль играютъ факты и явленія предшествующей ему эпохи, тѣмъ болѣе, что литературная дѣятельность Пушкина есть нормальный продуктъ органическаго развитія русской литературной мысли и творчества, обусловленнаго тѣми явленіями внутренней и вѣшной жизни русскаго общества конца XVIII и начала XIX в., какія отчасти уже были отмѣчены нами нѣсколько раньше. Первая статья «Сборника», озаглавленная — «У колыбели Пушкина», посвящена вопросу объ отношеніи литературной дѣятельности Пушкина къ дѣятельности его предшественниковъ. Авторъ этого очерка А. М. Лобода въ самыхъ общихъ чертахъ воспроизводитъ предъ читателемъ главнѣйшіе моменты исторіи русской литературы XVIII в., останавливаясь подробнѣе на романтизмѣ, который „свободно сливая общечеловѣческое міровой исторіи съ завѣтами родной старины и народности, сталъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ создались лучшія произведенія нашей литературы, въ томъ числѣ поэзія А. С. Пушкина.“ Къ сожалѣнію г. Лобода

---

¹⁾ Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ по поводу столѣтняго юбилея. Съ иллюстраціями. Кіевъ 1899. Изданіе Кіевского Педагогическаго Общества.

у колыбели Пушкина встрѣтили только рядъ литературныхъ направлений, связанныхъ между собою слишкомъ слабыми нитями простой хронологической преемственности, оставивъ совершенно безъ вниманія тѣ элементы самобытнаго внутренняго развитія русскаго общества, которые, проведя его черезъ цѣлый строй иноземныхъ вліяній, въ концѣ концовъ всетаки привели къ рѣшенію вопросовъ родной дѣйствительности, выдвинувъ на сцену вопросъ о народности, которому была посвящена вся литературная дѣятельность Пушкина. Я имѣю въ виду тѣ явленія внутренняго развитія русскаго общества, которыя опредѣляли собою взаимоотношенія отдѣльныхъ классовъ нашего общества XVIII и первой половины XIX столѣтія и были центромъ, около котораго въ это время группировались всѣ интересы интеллигентной части русскаго общества, — эти элементы мы должны имѣть въ виду, такъ какъ они очень часто опредѣляли собою характеръ переработки у насъ иноземнаго матеріала, а, слѣдовательно, и смѣну литературныхъ интересовъ. Такая постановка вопроса значительно помогла бы намъ разобраться въ очень трудныхъ вопросахъ историко-литературнаго развитія русскаго общества XVIII и первой половины XIX в. и этимъ самымъ подготовила бы почву для правильнаго пониманія и характера литературной дѣятельности Пушкина, что, между прочимъ, и составляетъ главную задачу «Сборника». Разсмотрѣвъ тотъ же самый вопросъ, котораго совершенно основательно касается во вступительной статьѣ «Сборника» г. Лобода, и съ указываемою нами точки зрѣнія было бы тѣмъ болѣе уместно и желательно, что слѣдующая, центральная, такъ сказать, статья «Сборника» — А. С. Пушкинъ. Главные моменты его жизни и литературнаго развитія П. Кудрявцева — уже совершенно не касается этого вопроса, а сообщаетъ только біографическій матеріалъ. Къ этой статьѣ мы возвратимся впоследствии, а пока остановимся кстати на статьѣ проф. П. В. Владимірова — «А. С. Пушкинъ и его предшествен-

ники въ русской литературѣ»¹⁾, которая посвящена вопросу, затронутому г. Лободой на страницахъ сборника Кіевскаго Педагогическаго Общества.

Задачей своей статьи авторъ ставитъ уясненіе внутренняго отношенія поэзіи Пушкина къ предшествующей русской поэзіи для того, чтобы такимъ образомъ понять связь произведеній Пушкина съ исторіей русской поэзіи и литературы, о которой Пушкинъ всегда любилъ думать, равно останавливаясь на Ломоносовѣ и Словѣ о Полку Игоревѣ, на Карамзинѣ и лѣтописяхъ, на балладахъ Жуковскаго и на народныхъ пѣсняхъ, сказкахъ и преданіяхъ (стр. 5). Говоря о вліяніи на Пушкина его предшественниковъ, профессоръ Владимировъ останавливается въ частности на вопросѣ о вліяніи на поэму «Русланъ и Людмила» поэтовъ Хераскова, Богдановича, Майкова, Карамзина и Радищева и приводитъ нѣсколько очень интересныхъ сопоставленій «Руслана и Людмилы» съ поэмами «Владимиръ» и «Бахаріяна» Хераскова, съ поэмой «Душенька» и драмой «Славяне» Богдановича и съ поэмой «Елисей» Майкова. Очень сочувственно относился Пушкинъ къ Дмитріеву и даже воспользовался нѣкоторыми его темами (напр. стих. Пушкина «Гусаръ» и Дмитріева «Причудницы»), но особенно Пушкину нравились сказки Дмитріева, да и вообще русскія сказки, которыя оставили явные слѣды своего вліянія на поэмѣ «Русланъ и Людмила». Говоря о «Евгеніѣ Онѣгинѣ», авторъ напоминаетъ о томъ, что въ 1799—1800 г. г. баснописецъ Измайловъ издалъ романъ «Евгеній, или погубныя наслѣдствія дурнаго воспитанія», имя, которое тотчасъ же только въ женской формѣ повторилось въ повѣсти Остолопова «Евгенія, или нынѣшнее воспитаніе» (1803 г.) — черта не лишняя значенія для исторіи происхожденія «Евгенія Онѣгина». У «Евгенія» Измайлова, говоритъ проф. Владимировъ, погибшаго отъ не-

---

¹⁾ Кіевск. Унив. Изв. 1899 № 5.

достатковъ воспитанія, такъ же, какъ у Евгенія Онѣгина, были распущенные французскіе гувернеры; оба героя проводятъ разсѣянную жизнь въ Петербургѣ, „убиваютъ время“. Небольшія подробности общаго характера исчерпываются именами и положеніями, къ которымъ слѣдуетъ отнести и возвращеніе героя Измайлова къ больной матери, Татьянѣ, по смерти которой Евгенийъ получаетъ наслѣдство, проматываетъ его, лишается невѣсты и умираетъ молодымъ. Зимняя поѣздка Евгенія въ столицу и ея описаніе до нѣкоторой степени соотвѣтствуютъ описаніямъ Пушкина. Конечно, все это только намеки на художественное развитіе романа у Пушкина (18). Характеризуя русскую поэзію XVIII в., авторъ говоритъ, что ей недоставало законченности, устойчивости языка, формы и содержанія... Карамзинъ далъ иные образцы для новой литературной рѣчи, выработанной просто и естественно только Пушкинымъ... Высшія формы построенія и изложенія — искусственныя и натянутыя, всего болѣе раздражительныя — смѣнились естественными и болѣе простыми формами. Подробнѣе авторъ статьи останавливается на Батюшковѣ и Жуковскомъ и приводитъ много очень интересныхъ фактовъ по поводу нѣкоторыхъ поэмъ, романа «Евгеній Онѣгинъ» и цѣлаго ряда лирическихъ произведеній Пушкина, характеризующихъ его отношеніе въ своимъ литературнымъ предшественникамъ и ихъ на него вліяніе.

На ту же тему въ журналѣ «Недѣля» (за Іюнь 1899 г.) помѣщена небольшая замѣтка П. Краснова — «Предшественники Пушкина». Разсматривая только ближайшихъ предшественниковъ поэзіи Пушкина, авторъ вскользь касается вопроса о вліяніи на Пушкина Радищева и Батюшкова и подробнѣе останавливается только на Жуковскомъ. Разсматривая характеръ поэзіи Жуковского, авторъ пользуется случаемъ упрекнуть лишній разъ гимназію въ томъ, что она не умѣетъ цѣнить великихъ людей и ихъ творенія, останавливаясь въ большинствѣ случаевъ на такихъ произведеніяхъ изучаемаго поэта,

которыя только компрометируютъ его творчество. Къ числу такихъ произведеній авторъ относитъ, на примѣръ, известную элегію Жуковскаго «Теонъ и Эсхинъ», а также всѣ стихотворенія Жуковскаго на торжественные придворные случаи, арзамасскія и долбинскія стихотворенія и вообще тѣ его произведенія, въ которыхъ поэтъ, по словамъ г. Краснова, кажется и наивнымъ и близорукимъ, а порою и просто непонятнымъ или скучнымъ для современнаго читателя. Разсуждая можетъ быть и вполнѣ правильно, г. Красновъ упускаетъ однако изъ виду то обстоятельство, что интересы современнаго читателя, который, конечно, не станетъ читать очень многихъ изъ указанныхъ въ статьѣ г. Краснова произведеній Жуковскаго, и интересы историческаго изученія литературы, для котораго имѣетъ свой смыслъ, значеніе и интересъ каждая строка изучаемаго поэта, двѣ вещи въ большинствѣ случаевъ почти несомѣстимыя. Не стану говорить о томъ, какое значеніе имѣетъ историческое изученіе литературы, содѣйствующее развитію въ учащихся вообще историческаго пониманія фактовъ и явленій: это не входитъ въ задачу моей работы, а между тѣмъ только такое изученіе какого бы то ни было поэта и можетъ дать правильное представленіе о его міровоззрѣніи и характерѣ литературной дѣятельности. Во всякомъ случаѣ, если и можно противъ чего возражать, то возражать можно только противъ неудовлетворительности постановки въ нашихъ гимназіяхъ историческаго преподаванія курса литературы, а никакъ не противъ того, что преподаваніе литературы въ гимназіяхъ не отвѣчаетъ интересамъ современнаго читателя.

Тотъ же авторъ въ майской книжкѣ журнала «Недѣля» за 1899 г. помѣстилъ небольшую замѣтку «О Пушкинѣ», въ которой говоритъ, что современный читатель по большей части лишь инстинктивно любитъ Пушкина, не отдавая себѣ отчета, почему произведенія Пушкина до сихъ поръ читаются съ интересомъ, тогда какъ произведенія множества другихъ поэтовъ, писавшихъ послѣ

Пушкина, кажутся уже невыносимо устарѣлыми и причины этого обстоятельства видить въ томъ, что русская критика, начиная съ Бѣлинскаго и кончая Мережковскимъ, или суживала значеніе поэта, или же просто извращала въ своихъ характеристикахъ самый обликъ поэта. Въ чемъ же значеніе Пушкина? Это разъясняетъ г. Красновъ такъ.

Бѣлинскій главною заслугою Пушкина считаетъ то, что онъ создалъ русскую литературу. Въ дѣйствительности, по мнѣнію г. Краснова, значеніе Пушкина заключается въ томъ, что Пушкинъ первый внесъ вкладъ русской народности во всемірную литературу. Начиная съ Пушкина русскій гений принялъ участіе въ общей культурной жизни народовъ и внесъ въ нее свои элементы: 1) человѣчность — въ смыслѣ способности понимать всѣ движенія человѣческой души, всѣ страсти людей и отзываться на нихъ, сохраняя благородство и чистоту побужденій; 2) незлобіе, міролюбіе по отношенію къ иноземцамъ, терпимость къ чужому мнѣнію, къ чужому міровоззрѣнію и 3) способность смиренно и безропотно относиться къ обстоятельствамъ дѣла и переносить удары судьбы, оставаясь въ то же время высокоблагороднымъ и дѣлая по мѣрѣ силъ свое дѣло. Подобно всѣмъ великимъ поэтамъ, каковы Байронъ, Гете, Шекспиръ, и Пушкинъ выбиралъ основными сюжетами своихъ вдохновеній самыя общія чувства и настроенія, но въ то время, какъ у всѣхъ этихъ поэтовъ чувствуется внутренній разладъ, въ поэзіи Пушкина царствуетъ полная гармонія. Душа у него слита съ тѣломъ, и одно помогаетъ другому — что особенно ярко выступаетъ, напр., въ его любовныхъ стихотвореніяхъ. Въ лирикѣ Овидія и Боккачіо участвуетъ только тѣло. Напротивъ, у Данте, позднѣе у Шиллера любовь принимаетъ какой-то отвлеченно-идеальный характеръ. Въ позднѣйшей лирикѣ, у Гейне, похождения плоти уничтожаютъ духъ, а восторги духа лишаютъ желанія тѣла, и только у Пушкина мы встрѣчаемъ полную гармонію души и тѣла — въ этой гармоніи главное достоин-

ство любви Пушкина (172), которая вмѣстѣ съ тѣмъ и глубока и безкорытна (174). Преобладаніе благородныхъ чувствъ въ натурѣ Пушкина не исключаетъ, однако, возможности пониманія имъ и порочныхъ страстей, и въ изображеніи этихъ сторонъ жизни человѣка Пушкинъ сравнительно, напр., съ Гоголемъ выказалъ къ наблюдаемому предмету совершенно объективное отношеніе, не смотря на то, что его сцены лирическаго характера. Онъ спустился въ души людей, зараженныхъ этими недостойными страстями — завистью, скупостью, лицемеріемъ, сладострастіемъ — и показалъ, что эти страсти — душевныя болѣзни, ужасныя духовныя язвы, способныя разрушить и извратить даже благородные цѣльные характеры. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи Пушкинъ остался вѣренъ своему гуманному принципу сочувствія къ людямъ (176). Что касается формъ поэтическаго творчества, то въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ установленнымъ раньше образцамъ, такъ что по формѣ его можно было причислять къ классикамъ или романтикамъ, но по содержанію онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Онъ всегда изображалъ простую дѣйствительность, обыденную жизнь, какъ она есть, только въ поэтическомъ освѣщеніи, оставивъ свое вниманіе не только на величественномъ, поражающемъ наше воображеніе, но и на самомъ простомъ, невыходящемъ изъ ряда обыденной посредственности. Словомъ, это былъ настоящій поэтъ-солнце, воспѣтый Бодлеромъ, бросающій свои лучи на всѣ предметы, при чемъ каждый изъ нихъ тотчасъ же загорается поэтическимъ блескомъ и дѣлается достойнымъ вниманія... То горячее сочувствіе, съ которымъ поэтъ говоритъ о народѣ — дѣлаетъ его народнымъ. Никогда Некрасовъ не выражался по поводу ужасовъ вѣрнопостного права такъ сильно и такъ проникновенно, какъ Пушкинъ въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи «Деревня». Служа основнымъ вопросамъ нашей жизни и общественныхъ отношеній, поэзія Пушкина вмѣстѣ съ тѣмъ способна доставить то чистое, безкорыстное наслажденіе, какое вообще можетъ

доставить искусство. Пушкинъ будить и мысль и чувство, заставляя вспоминать, какъ еще много надо сдѣлать, чтобы личность получила возможность широко и свободно развиваться (180). Въ немъ кристаллизовалась вся сущность русской литературы (182). — Нельзя не признать подобную попытку г. Краснова освѣтить личность и дѣятельность поэта именно съ той стороны соотвѣтствующей нашему взгляду на Пушкина.

Говоря въ предыдущей статьѣ о предшественникахъ Пушкина, Пл. Красновъ вспоминаетъ между прочимъ Радищева. Специально вопросу объ отношеніи Пушкина къ Радищеву посвящена очень интересная статья В. Е. Якушкина въ его сборникѣ статей «О Пушкинѣ» (М. 1899), которая въ свое время была напечатана въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Пушкина очень часто упрекали въ томъ, что онъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни въ Николаевскую эпоху своей литературной дѣятельности измѣнилъ своимъ идеаламъ двадцатыхъ годовъ и перешелъ въ лагерь противниковъ. В. Е. Якушкинъ въ вышеупомянутой статьѣ разсматриваетъ вопросъ объ отношеніи Пушкина къ общественнымъ дѣятелямъ 20-хъ годовъ, къ правительству императора Николая I и къ задачамъ своей литературной дѣятельности и, приводя цѣлый рядъ очень интересныхъ соображеній, приходитъ къ заключенію, что Пушкинъ никогда не измѣнялъ своимъ идеаламъ, но измѣнилъ взглядамъ на средства для проведенія этихъ идеаловъ въ жизнь, рѣшивъ примириться съ правительствомъ и проводить свои идеалы легальнымъ путемъ. Задавшись такою мѣслью, говоритъ авторъ, онъ всю остальную жизнь продолжалъ постоянно стремиться къ созданію честной публицистики, къ поддержанію въ литературѣ общественной мысли 20-хъ годовъ, для чего ему пришлось прибѣгать къ иносказаніямъ, чѣмъ и объясняется отчасти характеръ его отношенія къ труду Радищева. Пушкинъ сдѣлалъ что могъ, и, благодаря ему, идеи 20-хъ годовъ легче наши достушъ къ молодому поколѣнію 30-хъ годовъ. Въ

этомъ великая общественная заслуга Пушкина, до сихъ поръ почти неощенная¹⁾.

Многимъ Пушкинъ обязанъ своимъ предшественникамъ-русскимъ поэтамъ, но еще больше обязанъ онъ западной литературѣ, на которой выросъ и воспитался его поэтический талантъ. Познакомившись съ западной литературой еще ребенкомъ, Пушкинъ продолжалъ интересоваться ею въ теченіе всей своей жизни и въ своей литературной дѣятельности былъ однимъ изъ выдающихся и талантливейшихъ учениковъ Западнаго просвѣщенія. Вопросъ объ отношеніи Пушкина къ западной литературѣ нашелъ себѣ прекрасное изложеніе въ обширной, но, къ сожалѣнію, пока не оконченной статьѣ проф. Н. П. Дашкевича «А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ»²⁾.

Задачей своей статьи профессоръ Дашкевичъ ставитъ вопросъ о томъ, можно ли произведенія Пушкина относить къ числу истинно великихъ созданій чело-вѣческаго творчества, т. е. къ числу такихъ произведе-ній, которыя имѣютъ значеніе не только для своего вре-мени, но и для послѣдующихъ. Переходя къ своему вопросу, авторъ говоритъ сначала объ отношеніи къ Пуш-кину критики своего и ближайшаго къ нему времени и приходитъ къ заключенію, что Пушкинъ не былъ правильно понятъ этою критикою (97) и что поворотъ и углубленіе въ мнѣніяхъ о Пушкинѣ начались только въ концѣ 70хъ годовъ и привели къ объединенію людей различныхъ лагерей и сооруженію московскаго памятника

---

¹⁾ Въ этомъ же сборникѣ В. Якушкина помѣщены статьи:

1) „Кончина А. С. Пушкина 29го Января 1837 г.“, — написана авторомъ по поводу пятидесятилѣтія со дня смерти великаго поэта и напечатана въ „Русск. В.“ 1887 г. 29го Янв. № 28. Основываясь на разсказахъ очевидцевъ—Жуковскаго, Даля, кн. Вяземскаго и др., авторъ рисуетъ прекрасную картину послѣднихъ минутъ жизни поэта и то впечатлѣніе, какое произвела на современниковъ его смерть; 2) „Исторія пушкинскаго текста“ (1814—1887) и 3) „Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина“.

²⁾ Напечатана въ Извѣстіяхъ Кіев. Унив. № 5 за 1899 г.

въ 1880 г., намѣтивъ новые пути для всесторонняго изученія Пушкина, но тѣмъ не менѣе, не объяснивъ научно и съ надлежащею полнотою значенія его поэзіи. Первымъ и важнѣйшимъ дѣломъ высшей критики по отношенію къ Пушкину, по мнѣнію проф. Дашкевича, является уясненіе развитія мысли этого поэта въ ея цѣлостности, проверка указываемыхъ въ ней противорѣчій и двойственности жизни и творчества, возстановленіе міросозерцанія, того, что можно бы назвать філософіею поэта. Эта работа является тѣмъ болѣе необходимою по отношенію къ Пушкину, что онъ не былъ только поэтомъ художественной формы, но былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поэтомъ съ мощнымъ содержаніемъ, съ глубиною и величіемъ хорошо продуманныхъ идей и съ силою чувства, способнаго увлекать своимъ порывомъ, т. е. былъ поэтомъ истинно-художественнаго выраженія извѣстнаго возвышеннаго міросозерцанія, что и ставитъ его на ряду съ такими поэтами, какъ Шекспиръ, Гёте, Шиллеръ и др. Будучи великимъ поэтомъ, Пушкинъ вмѣстѣ съ тѣмъ заслуживаетъ глубокаго уваженія и какъ личность, отдавшая всю свою жизнь беззавѣтному служенію великому дѣлу, не ради славы, выгодъ и положенія, а по чистому влеченію генія и моральнаго чувства (105). Жизнь Пушкина была рядомъ тяжелыхъ невзгодъ, подъ гнетомъ которыхъ значительно измѣнился и онъ самъ и измѣнили нѣкоторые изъ своихъ первоначальныхъ взглядовъ, что произошло не только потому, что вообще человѣческія мысль и чувство, живя постоянно, пребываютъ въ движеніи, но потому, что въ душѣ поэта совершились болѣе глубокіе и мучительные переломы. Этимъ процессомъ своего духовнаго развитія Пушкинъ напоминаетъ такихъ великихъ поэтовъ, какъ Данте и Шекспиръ. То, что кажется противорѣчіемъ въ Пушкинѣ, было естественною эволюціею идей, которая во всѣ періоды жизни Пушкина объединялись присущимъ ему, какъ поэту гражданину, стремленіемъ къ отысканію и художественному выраженію высшихъ идеаловъ русской жизни. Во всѣ моменты своей жизни Пушкинъ оставался

неизмѣненъ въ любви къ родинѣ на ряду съ любовью къ человѣку вообще и въ стремленіи къ возвышеннымъ идеаламъ жизни (113). Вопросу о томъ, что даетъ Пушкинъ, какъ поэтъ слагавшагося постепенно цѣльнаго міровоззрѣнія и мощныхъ концепсій и чувствъ и посвящена разсматриваемая нами статья проф. Дашкевича. Въ первой части своей статьи — основные вопросы мысли и творчества XIX в. — авторъ останавливается на вопросѣ, почему произведенія Пушкина не потеряли своей жизненности и въ наше время и, рѣшая этотъ вопросъ, приходитъ къ заключенію, что причина этого явленія заключается въ томъ, что душу Пушкина томили тѣ самые вопросы, которые гнетутъ насъ и теперь, и что Пушкинъ оставилъ намъ въ своей поэіи не узкое доктринерское рѣшеніе ихъ, а живую, идейную и вмѣстѣ художественную, весьма рельефную постановку ихъ, открывающую, какъ то бываетъ у всякаго великаго поэта, безконечную перспективу. (118) Въ годы юности Пушкина начали окончательно слагаться у насъ новыя идеи о народномъ благѣ и мечты о подведеніи и нашего государства подъ тѣ западныя формы, образецъ которыхъ представляли Франція и Англія, и вообще уже тогда выникъ цѣлый рядъ жгучихъ вопросовъ, которые ставилъ постоянно и потомъ весь XIX в. до нашихъ дней вѣлчительно. Въ принципиальномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ Пушкину значительно помогла западная литература, въ которой онъ искалъ и находилъ наиболѣе удовлетворявшіе его отвѣты на томившіе его основные вопросы до той поры, пока, соврѣвъ до вполнѣ самостоятельнаго мышленія, не сталъ обращаться за откровеніями и къ русской душѣ и къ русской дѣйствительности, ея прошлому и настоящему. Что же почерпнулъ Пушкинъ изъ литературъ Запада и какъ отнесся къ воспринятому оттуда? И что дала ему русская среда и его русская душа? (128) — разсмотрѣнію этихъ вопросовъ посвящена вторая часть статьи проф. Дашкевича, озаглавленная «Отношеніе поэіи Пушкина къ западно-европейской». Эта часть статьи Н. П. Дашкевича

представляет рядъ въ высшей степени интересныхъ характеристикъ главныхъ теченій западной мысли и литературы XVII и XVIII в. въ ихъ историческомъ развитіи и отношенія къ нимъ литературной дѣятельности Пушкина. Рядъ интересныхъ сопоставленій приводитъ автора къ заключенію, что, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ Запада и его литературныхъ движеній, Пушкинъ является такимъ же оригинальнымъ, самобытнымъ поэтомъ въ русской литературѣ, каковы Гёте, Шиллеръ, Шатобрианъ, Сенанкуръ, Бёрнсъ, Байронъ и др. на Западѣ, во главѣ которыхъ стоятъ Руссо, и что герои разочарованія Пушкина лишь отчасти литературные потомки Руссо и Гётевскаго Вертера, Шатобрианова Рене и другихъ романическихъ личностей Запада; въ большой степени они носители душевныхъ страданій и думъ нашего поэта и его сверстниковъ. Что касается въ частности типа «Онѣгина», то онъ, имѣя тѣсную связь съ романомъ «Адольфъ» того самаго Бенжама Констана, о которомъ любилъ разсуждать Евгений, вмѣстѣ съ тѣмъ является продуктомъ самостоятельнаго творчества нашего поэта, который „обработалъ общій сюжетъ, встрѣченный имъ у Гёте, Шатобриана, Бенжама Констана, Байрона и другихъ западныхъ писателей и открывавшійся ему и въ русской жизни“. Вотъ этотъ то характеръ творчества нашего поэта, своими произведеніями продолжавшаго вліяніе на русскую литературу Руссо, столь сильное у насъ съ Екатерининскаго времени, и какъ бы подавшаго руку въ этомъ направленіи Л. Н. Толстому, и ставитъ Пушкина на ряду съ великими писателями Запада. Что касается ученія Пушкина о правахъ самобытнаго творчества и о полной охранѣ поэтомъ своей духовной индивидуальности, которое постепенно все полнѣе и полнѣе развивалъ Пушкинъ и завершилъ своимъ «Пророкомъ», то исходный пунктъ его авторъ указываетъ въ индивидуализмъ Руссо и его послѣдователей, въ томъ числѣ А.-де-Виньи и Андре Шенье, который привлекалъ вниманіе Пушкина на равнѣ съ Байрономъ. (220.) „Итакъ, заключаетъ авторъ, не кому иному,

какъ французскимъ корифеямъ XVIII в. и другимъ писателямъ того времени, Пушкинъ былъ обязанъ пѣкоторыми изъ важнѣйшихъ своихъ мыслей и стремленій въ своей поэзіи: идею протеста противъ печальныхъ условий общественнаго нестроенія и заботою о пробужденіи освободительныхъ началъ въ русскомъ обществѣ съ одной стороны, а съ другой — сомнѣніями въ силахъ и способности общества воспріять эти начала, и потому — разладомъ со своей средой и стремленіемъ найти выходъ изъ такого томительнаго состоянія, между проч. — въ самомъ себѣ. Всѣ эти могучія внушенія, исходившія изъ произведеній Вольтера, Руссо, А. Шенье и другихъ, охватывавшіе Пушкина въ самомъ раннемъ и затѣмъ юношескомъ возрастѣ, удивительно совпадали съ условіями русской жизни при импер. Александрѣ I, съ направленіемъ кружковъ, въ которыхъ вращался юный Пушкинъ по выходѣ изъ лицея, и съ обстоятельствами личной жизни поэта и потому получили особую силу въ его поэіи. Нашъ поэтъ, рано..... изгнанникъ самовольный, и свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный, жаждаль выхода изъ душевной атмосферы окружавшей его жизни, помышлялъ было одно время о бѣгствѣ изъ Россіи, но нашель, наконецъ, исходъ болѣе достойный его генія: онъ обрѣлъ указаніе на путь къ спасительному выходу въ той же литературѣ, которая впервые натолкнула его мысль на всѣ тяжкія проблемы жизни, т. е. во французской литературѣ XVIII в., но, какъ увидимъ, собственными силами и подъ влияніемъ истинно народнаго чутья развилъ и углубилъ эти указанія въ полныя глубокаго смысла и реальности обращенія къ родной деревнѣ и къ пророческому призванію поэта“ (223). Заключительная часть разсматриваемой нами статьи проф. Дашкевича посвящена вопросу объ отношеніи Пушкина къ поэтамъ позднѣйшаго времени: 1) M-me de Staël, въ которой поэтъ цѣнилъ „необыкновенную, славную женщину, столь же добродушную, какъ и гениальную“, ея „умъ и чувство“ (IV, 113), политическую дѣятельность, ея отстаиваніе полноты правъ жен-

щины (IV, 115) (225); 2) къ Шатобріану и Байрону, воздѣйствія которыхъ не избѣжалъ поэтъ, ... но, замѣчаетъ авторъ, нельзя не признать, что оно оказалось сравнительно слабымъ и доставило не такъ много содержанія и мысли вдохновенію нашего поэта. (228.) Вліяніе Шатобріана замѣтно уже на раннихъ произведеніяхъ поэта, а впоследствии отзвуки вліянія печальнаго настроенія знаменитаго героя Шатобріана Рене съ особенною силою слышатся въ «Плѣнникѣ» и «Цыганахъ». „Шатобріанъ за свою нѣжную меланхолію, особливо воплощенную въ личности Рене, остался любимцемъ Пушкина на всю жизнь, между проч. и тогда, когда послѣдній разоблачилъ тайный недугъ, свѣдавшій модныхъ героевъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, типическимъ образомъ которыхъ явился Онѣгинъ, — недугъ, столь тѣсно связанный съ романтической меланхоліей, а слѣдовательно и съ Шатобріановскою („недугомъ, читаемъ мы у Пушкина, ... котораго причину

Давно бы отыскать пора,

былъ одержимъ „современный человекъ

Съ его безнравственной душой,

Себялюбивой и сухой,

Мечтанью преданный безмѣрно,

Съ его озлобленнымъ умомъ,

Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.“)

Подобно Рене-Шатобріану и почти всему поколѣнію того времени, Пушкинъ испытывалъ съ юныхъ и до позднѣйшихъ лѣтъ

... смутное влеченье

Чего-то жаждущей души, и

оно служило поэту могучимъ путеводнымъ зовомъ, выводящимъ изъ тины и омута заблужденій и паденій. При этомъ Пушкинъ шелъ рѣшительно и напрямикъ къ мерцавшему передъ нимъ свѣту, и потому у него не пахнемъ своеобразнаго сочетанія тоски съ христіанскимъ настроеніемъ, характеризующаго Шатобріана и его героя Рене“. 233.

Переходя къ вопросу о вліяніи на Пушкина Байрона, который „рѣзко выдѣлялся изъ ряда поэтовъ того времени мощью своей индивидуальности и неуступчивостью условіямъ, огненностью и кипучестью своей натуры, крайнею отзывчивостью къ явленіямъ современности, а равно и страстнымъ и вмѣстѣ мужественнымъ отношеніемъ къ основнымъ вопросамъ человѣческаго существованія и изображеніемъ блестящихъ идеаловъ“ (237), авторъ замѣчаетъ, что Пушкинъ не былъ ни Байронистомъ, ни писателемъ, вполне независимымъ отъ великаго англійскаго поэта: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ по временамъ лишь байронствовалъ въ своей поэзіи, если можно такъ выразиться (239). Разсматривая этотъ вопросъ дальше, авторъ приходитъ къ заключенію, что „увлеченіе Пушкина Байрономъ не было глубокое и рѣшающее на всю жизнь, каковымъ можно признать въ значительной степени воздѣйствіе Байрона на Лермонтова. Оно длилось не болѣе пяти лѣтъ, совмѣщалось и чередовалось съ увлеченіемъ поэтами иного пошиба, чѣмъ Байронъ, слѣдовательно, вытекало въ значительной степени изъ разносторонней воспримчивости нашего поэта, и хотя отдѣльные отзвуки его слышались и потомъ, но въ существѣ оно окончилось еще ранѣе панихиды по Байронѣ, отслуженной въ с. Михайловскомъ въ Апрѣлѣ 1825 г., да и въ тѣ годы, когда нашъ поэтъ, по его собственному выраженію, „съ ума сходилъ“ при чтеніи Байрона, давало поэзіи Пушкина мало содержанія, которое могло бы быть усвоено мыслью нашего поэта, могучею на свой ладъ. Оно сообщало лишь болѣе силы и прибавляло нѣкоторыя отдѣльныя черты къ сродному направленію мыслей и творчества Пушкина, вынесенному изъ усвоенія произведеній Вольтера, Руссо, г-жи де-Сталь, Шатобріана и другихъ, а также изъ собственнаго опыта и обстоятельствъ русской жизни. Разочарованіе, пресыщеніе и охлажденіе къ жизни, отличающія Чаильдъ-Гарольда, были извѣстны Пушкину съ довольно ранняго времени, а демоническія

сопѣнія могли быть знакомы также изъ Вольтера и „Фауста“ Гёте.“ (250).

Такимъ образомъ, проф. Дашкевичъ въ своей статьѣ «А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ», выясняя на основаніи цѣлаго ряда очень цѣнныхъ и тщательныхъ сопоставленій, характеръ отношенія Пушкина къ западно-европейской мысли и творчеству, приходитъ къ заключенію, что Пушкинъ, переживая въ своемъ литературномъ развитіи различные моменты главныхъ теченій Западно-европейскаго міросозерданія, поскольку оно нашло себѣ отраженіе въ выдающихся произведеніяхъ западныхъ поэтовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оставался самобытнымъ поэтомъ, сохранявшимъ независимость своего міросозерданія въ теченіе всей своей литературной дѣятельности, и такимъ образомъ, своею дѣятельностью внесъ въ мировую поэзію оригинальную переработку литературнаго выраженія извѣстныхъ моментовъ общественнаго развитія Запада, которыя въ связи съ Западомъ переживало и русское общество. Вотъ почему нашего поэта и можно ставить въ ряду великихъ поэтовъ мировой поэзіи.

Дополненіемъ къ статьѣ проф. Дашкевича можетъ быть статья Алексѣя Н. Веселовскаго «А. С. Пушкинъ и европейская поэзія». Статья эта помѣщена въ майской книжкѣ журнала «Жизнь» за 1899 г. Предназначенная для широкаго круга читателей, по своей научности изложенія статья А. Н. Веселовскаго несомнѣнно уступаетъ статьѣ проф. Дашкевича, но тѣмъ не менѣе, какъ мы замѣтили выше, можетъ служить дополненіемъ къ статьѣ Н. П. Дашкевича въ томъ отношеніи, что она подробнѣе останавливаетъ вниманіе читателей на такихъ вопросахъ литературной дѣятельности А. С. Пушкина, какъ, напр., отношеніе его къ Шекспиру и Вальтеръ-Скотту, которые пока незатронуты проф. Дашкевичемъ. Что касается въ частноти вопроса о вліяніи на нашего поэта Байрона, то А. Н. Веселовскій съ особенною настойчивостью возражаетъ противъ заявленія нѣкоторыхъ изслѣдователей о незначительномъ воздѣйствіи этого поэта на Пушкина, воздѣй-

ствиі, которое въ ряду другихъ литературныхъ вліяній играло, какъ показалъ намъ проф. Дашкевичъ, дѣйстви-тельно, второстепенную роль въ общемъ ходѣ умственного развитія Пушкина.

Въ юбилейной литературѣ, посвященной вопросу объ отношеніи А. Пушкина къ западно-европейскимъ литературамъ, мы имѣемъ еще одну небольшую замѣтку— «Пушкинъ, какъ европейскій писатель» Юрія Веселовскаго, помѣщенную имъ въ его «Литературныхъ очеркахъ» (М. 1900, стр. 392—402). Авторъ замѣтки приводитъ цѣлый рядъ именъ западныхъ поэтовъ, которыми интересовался Пушкинъ и которые такъ или иначе нашли себѣ отраженіе въ его поэзіи, останавливаясь, между прочимъ, на вопросѣ о байронизмѣ Пушкина, въ которомъ склоненъ скорѣе видѣть сочувственное отношеніе нашего поэта къ Байрону, опредѣлившее собою нѣкоторые отзвуки байроновской лиры въ поэзіи Пушкина, чѣмъ болѣе существенное воздѣйствіе на него Байрона, которое свидѣтельствовало бы объ усвоеніи нашимъ поэтомъ всей сущности его поэзіи, и, такимъ образомъ, старается намѣтить ту широту литературнаго развитія Пушкина, которая въ значительной мѣрѣ опредѣляла собою его способность „къ перевоплощенію своего духа въ духъ чужихъ народовъ“ (см. Достоевскій, рѣчь 1881 года). Въ этой способности нашего поэта къ перевоплощенію и заключается, по мнѣнію Ю. Веселовскаго, его значеніе, какъ европейскаго писателя. Сохраняя всѣ характерныя черты національнаго поэта, Пушкинъ, говоритъ авторъ, „прекрасно зная міровую литературу, пластически соединилъ въ своемъ творествѣ свое и чужое, русское и иноземное, понялъ духъ и національныя особенности другихъ народовъ, ввелъ насъ въ болѣе тѣсное и сознательное общеніе съ ними“. Такъ Ю. Веселовскій представляетъ себѣ значеніе Пушкина, какъ европейскаго писателя. Но такая постановка вопроса о Пушкинѣ, какъ можетъ видѣть читатель, скорѣе условна, чѣмъ вполне правильна: она не даетъ читателю достаточно яснаго пред-

ставленія о томъ, почему же Пушкинъ все таки можетъ быть названъ европейскимъ поэтомъ и почему онъ долженъ занимать опредѣленное мѣсто въ исторіи мировой поэзіи на ряду съ Гёте, Шиллеромъ и др. поэтами, которые, во всякомъ случаѣ, не обладали въ такой мѣрѣ способностью къ перевоплощенію, въ какой, принято думать, этою способностью обладалъ Пушкинъ. Мы хотимъ сказать, что статья Ю. Веселовскаго, полагая въ основу своей характеристики Пушкина, какъ европейскаго поэта чисто условный принципъ, не даетъ такого яснаго и, несомнѣнно, въ научномъ отношеніи болѣе правильнаго представленія, какое далъ намъ, напр., проф. Дашкевичъ, отмѣтившій въ своей статьѣ — «А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ», не способность Пушкина къ перевоплощенію, но его значеніе, какъ поэта, который своею литературною дѣятельностью внесъ въ мировую поэзію оригинальную, назовемъ ее — русскую переработку литературнаго выраженія извѣстныхъ моментовъ общественнаго развитія Запада, которыя въ связи съ Западомъ переживало и современное ему русское общество. Въ этомъ и заключается историко-литературное значеніе Пушкина, какъ европейскаго поэта ¹⁾.

Подтвержденіемъ взгляда на отношенія Пушкина къ Байрону, устанавливаемаго Н. П. Дашкевичемъ, является специальная брошюра В. В. Сиповскаго «Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ» (С.-Пб. 1899 г.), въ которой авторъ на основаніи своихъ изслѣдованій, построенныхъ на иныхъ началахъ, подходит довольно близко къ мнѣнію проф. Дашкевича.

Приводя цѣлый рядъ сужденій ближайшей къ Пушкину критики относительно его „байронизма“, г. Сиповскій приходитъ къ заключенію, что Пушкину упорно,

---

¹⁾ Отмѣтимъ кстати вторую статью того же автора «Поэзія Пушкина въ преддверіи Азіи» («Литерат. очерки», 402—407), посвященную вопросу о переводѣ Пушкина на армянскій языкъ.

хотя и съ нѣкоторою нерѣшительностью, современная и ближайшая къ нему критика навязывала вліяніе Байрона (5.). Но различіе между Байрономъ и Пушкинымъ было замѣчено уже его современниками. (См., напр., отзывъ Булгарина С. отеч. и Сѣв. Арх. 1833, т. 33, № 6); первый же, рѣшительно и опредѣленно высказавшійся за независимость нашего поэта былъ иностранный критикъ Фарнгагенъ Фонъ-Энзе. „Русскіе, говоря о Пушкинѣ, замѣчаютъ онъ, нерѣдко говорятъ о подражаніи. Мы встрѣчаемъ у Пушкина подобное тому, что находимъ у лорда Байрона. Его поэзія кажется часто подражаніемъ, не будучи таковой: она происходитъ изъ собственнаго духа даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ не всегда бываетъ отличительна. Подобно океану, въ который каждая страна катитъ свои воды, запасъ образовъ, накопившійся въ продолженіе вѣковъ, есть общее достояніе, которымъ каждый можетъ пользоваться, изъ котораго можно присваивать себѣ то, что пригодно или нравится.“ (6.) Прослѣдивъ затѣмъ взгляды позднѣйшей критики, начиная съ Надеждина и кончая Спасовичемъ, г. Сиповскій замѣчаетъ, какъ нерѣшительно и противорѣчиво рѣшался русской критикой вопросъ о Байронизмѣ Пушкина — только одинъ Бѣлинскій, да мимоходомъ Добролюбовъ, говорятъ онъ, рѣшили его безъ колебанія, оговорокъ и поправокъ и, притомъ, рѣшили въ отрицательномъ смыслѣ... (14) и переходить къ опредѣленію тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ можетъ быть принято „общее мнѣніе“ о байронизмѣ Пушкина..., а для правильнаго рѣшенія этого вопроса останавливается сначала на выясненіи трехъ терминовъ „вліяніе“, „подражаніе“, и „заимствованіе“, съ которыми предстоитъ ему имѣть дѣло, и неточность различнаго пониманія которыхъ, по его мнѣнію, вела критиковъ къ неправильности заключеній о байронизмѣ Пушкина. Литературное вліяніе — это то могучее воздѣйствіе, которое одинъ писатель оказываетъ на духъ другого, подчиняя себѣ его настроеніе... Онъ передаетъ покоренному писателю свое міросозерцаніе, овладѣваетъ имъ до такой

степени, что направляет дѣятельность его туда, куда направляется его собственная... (15) Вліяніе второго ряда, внѣшнее или механическое — это результатъ стремленія одного писателя возсоздать въ своемъ произведеніи или образъ, найденный у другого писателя и увлекшій своей красотой, или цѣлую картину, чѣмъ-нибудь интересную... термины наиболѣе подходящіе для выраженія этого понятія — „подражаніе“ и „заимствованіе“. Такому „внѣшнему“ вліянію писатель можетъ поддаться сознательно и бессознательно, — въ послѣднемъ случаѣ, мы чаще всего будемъ встрѣчаться съ фактомъ „бессознательной реминисценціи“, незамѣтной для самого автора и уловимой только для критика, пользующагося сравнительнымъ методомъ... (16). Установивъ такое разграниченіе этихъ трехъ терминовъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію отзывовъ о Байронѣ самого Пушкина и въ общихъ чертахъ указываетъ характеръ литературной дѣятельности Пушкина въ періодъ его наибольшаго увлеченія Байрономъ. Оказывается, что въ этотъ періодъ жизни (1821—1824) нашъ писатель ничего въ своихъ письмахъ не говоритъ объ этомъ увлеченіи: имена Шенье, Вольтера, Овидія, Парни встрѣчаются тамъ рядомъ съ именемъ Байрона, и, повидимому, всѣ эти писатели одинаково дороги нашему писателю, несмотря на ихъ совершенно разнородный характеръ: живя на югѣ Россіи, Пушкинъ въ одно приблизительное время писалъ подражанія Шенье, переводилъ Парни, переводилъ Байрона, сочинялъ посланія къ Овидію, подражалъ библейскимъ мотивамъ, пародировалъ библію, писалъ посланія къ Чаадаеву и игривые, легкомысленные стишки, перелагалъ русскими стихами молдавскія пѣсни и татарскія побасенки и въ то же время сочинялъ «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», эпиграммы, любовныя посланія... Такое изумительное разнообразіе мотивовъ, разработанныхъ въ одинъ періодъ времени, совершенно исключаетъ возможность говорить объ увлеченіи однимъ какимъ-нибудь писателемъ, говорить о сколько нибудь сильномъ вліяніи одного литературнаго

вліянія, и потому, ошибочно будетъ преувеличивать въ литературной жизни Пушкина значеніе Байрона... (18). Развивая свою мысль дальше, авторъ останавливается въ частности на поэмѣ «Бахчис. Ф.» и говоритъ, что здѣсь, если и было вліяніе со стороны англійскаго писателя, то вліяніе второго рода, т. е. внѣшнее — простое подражаніе манерѣ пользоваться „couleur locale“, подходящимъ колоритомъ; вліянія же внутренняго мы здѣсь не найдемъ: ни одинъ герой этой поэмы не говорилъ отъ сердца самого Пушкина, ни одному изъ нихъ не вложилъ онъ, подобно Байрону, гордыхъ рѣчей своего разочарованнаго сердца. (19).

Относительно Алеко не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ этотъ герой ничего общаго не имѣетъ съ героями Байрона. Такъ же мало отношенія къ Байрону имѣетъ и третья поэма Пушкина «Кавказскій плѣнникъ», начиная съ „посвященія“ этой поэмы, въ которомъ слышится жалоба, столь чуждая байроновской поэзіи и вончая образомъ «плѣнника», напустившимъ на себя холодъ душевный, но на дѣлѣ сохранившій и теплыя чувства, и надежды... Байронизмъ Пушкина, говоритъ г. Сиповскій, сказался въ этой поэмѣ лишь въ нѣсколькихъ наносныхъ чертахъ, заимствованныхъ неудачно и внесшихъ противорѣчіе въ тотъ образъ, который самъ по себѣ, не смотря на свою призрачность, былъ довольно близокъ къ автору и находилъ подтвержденіе въ цѣлой группѣ лирическихъ стихотвореній, начиная съ 1818 г. (25.) Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, вліянія внутренняго, глубокаго Байронъ на Пушкина не имѣлъ... „Байронизмъ“ героевъ Пушкина придалъ имъ лишь „отрицательныя“ черты: что у Байрона было характернымъ — положительнымъ, то на русской почвѣ, въ примѣненіи къ героямъ Пушкина оказалось чертами отрицательными: энергія, гордость, титаническій эгоизмъ англійскаго поэта замѣнился у героевъ Пушкина, „старостью души“, „бездѣйствіемъ“ и „равнодушіемъ“... (26.) Этотъ колоритъ, лежащій на „байроновскихъ“ мотивахъ, разработанныхъ

у Пушкина, заставляет автора припомнить Шатобриана, того пѣвца разочарованія и пессимизма, которому исторія приписала печальную славу быть однимъ изъ родоначальниковъ поэзіи „мировой скорби“ (27). Этому писателю В. В. Сиповскій пробуетъ выдвинуть въ изученія Пушкина — явленіе, до сихъ поръ мало разрабатывавшееся въ пушкинской литературѣ. Шатобрианъ былъ любимымъ писателемъ Пушкина, начиная съ раннихъ лѣтъ его литературной дѣятельности и кончая 1837 годомъ, когда о Байронѣ онъ пересталъ уже говорить, а Шатобриана все еще называлъ первымъ изъ современныхъ писателей, учителемъ всего пишущаго поколѣнія... Разсматривая поэмы Пушкина «Кавказскій Пѣвнникъ» и «Цыганс», авторъ указываетъ на тѣсную связь ихъ героевъ съ героями Шатобриана и приходитъ къ заключенію, что, если Байронъ далъ Пушкину образчикъ для героя «Цыганъ» и набросилъ нѣсколько слабыхъ пестрыхъ чертъ на героя «Кавказскаго Пѣвника», то Шатобрианъ далъ болѣе характерныхъ чертъ для героя «Кав. П.» и интригу для обѣихъ поэмъ. (32).

Разсмотрѣвъ въ общихъ чертахъ юбилейный матеріалъ, посвященный вопросу объ отношеніи поэзіи Пушкина въ поэзіи его русскихъ и западноевропейскихъ предшественниковъ, перейдемъ къ тому матеріалу, который вводитъ насъ непосредственно въ исторію личности поэта и отдѣльных моментовъ его развитія. Но прежде чѣмъ приступать къ дальнѣйшей работѣ, сдѣлаемъ необходимую оговорку. Пушкинская юбилейная литература настолько обширна, и вопросы, затронутые ею, такъ разнообразны, что подробное изслѣдованіе ея могло бы дать интересный матеріалъ для спеціальной, болѣе полной, чѣмъ наша библиографическая замѣтка, работы. Мы же часто ограничиваемся простымъ перечнемъ статей и изданій даже тамъ, гдѣ нѣсомнѣнно, можно было бы исписать цѣлые десятки страницъ. Заранѣе извиняясь предъ читателемъ въ краткости и неполнотѣ сообщаемыхъ на-

ми библиографическихъ данныхъ пушкинской юбилейной литературы, надѣмся, что конспективность нашего изложения не будетъ поставлена намъ въ строгій упрекъ.

Проверка того, что дала намъ юбилейная литература для изученія Пушкина и его литературной дѣятельности, вотъ задача нашей работы. Продолжая ее, назовемъ нѣсколько аналогичныхъ работъ, посвященныхъ также обзору пушкинской юбилейной литературы. Въ этихъ работахъ читатель можетъ найти многое изъ того, что не вошло въ нашу замѣтку.

Первая изъ такихъ работъ была помѣщена въ июньской книжкѣ журнала «Научное Обзорѣніе» за 1899 г. подъ заглавіемъ «Пушкинскія статьи и матеріалы о Пушкинѣ». Подписанная инициалами Л. Б., статья представляетъ обзоръ юбилейнаго матеріала, помѣщеннаго въ журналахъ: «Миръ Божій», «Русскій Вѣстникъ», «Русская Старина» и «Истор. Вѣст.» Болѣе полная работа въ этомъ родѣ была помѣщена, затѣмъ, въ июльской книжкѣ «Вѣстника Европы» въ отдѣлѣ — Литературное обзорѣніе— подъ заглавіемъ «Пушкинская литература», подписанная инициалами А. П. Приводя списокъ нѣкоторыхъ новыхъ юбилейныхъ статей, брошюръ и изданій, авторъ даетъ характеристику праздненствъ 26-го мая сравнительно съ праздненствами 1880 года. Майскія праздненства, замѣчаетъ онъ, были, прежде всего, столь широко распространеннымъ литературнымъ праздненствомъ, какого наша общественная жизнь никогда не видала со времени существованія русской литературы: онъ совершались буквально „по всей Руси великой“, и если въ литературныхъ и общественныхъ центрахъ бывало неладное и отталкивающее, то въ провинціи могли преобладать только настоящая добрая воля и желаніе принять свою долю участія въ торжествѣ, которое искренно считали національнымъ. Давъ краткую исторію изученія Пушкина въ связи съ общимъ ходомъ развитія русскаго общества, авторъ переходитъ къ обзорѣнію и характеристикѣ юбилейной литературы, остававшаяся преиму-

щественно на трудахъ .І. Майкова и въ частности на повомъ, академическомъ изданіи сочиненій Пушкина.

Третья работа библиографическаго характера — «Очеркъ пушкинской юбилейной литературы» принадлежитъ А. М. Лободѣ ¹⁾, который даетъ въ своей работѣ довольно обширный, хотя всетаки не полный, перечень юбилейныхъ работъ и такую характеристику пушкинской литературы 1899 года: Въ ней, говоритъ онъ, пожалуй, нѣтъ тѣхъ вдохновенныхъ, полныхъ высокаго энтузіазма рѣчей, какими сопровождалось, напр., открытіе памятника Пушкина. Быть можетъ, найдутъ, что нѣтъ въ ней и такихъ работъ, которыя проливали бы совершенно новый свѣтъ на Пушкина; не богата юбилейная литература и новыми находками. Повидимому, все главное уже найдено, и на очереди—разработка матеріала, а эта послѣдняя работа на юбилей была представлена далеко не худо, ибо среди юбилейныхъ трудовъ есть такіе, которые надолго сохранять свое значеніе и даже станутъ необходимыми пособіями въ дальнѣйшемъ. Правда, на ряду съ ними есть много и такихъ, гдѣ повторяется старое, гдѣ видно больше усердія и наивнаго преклоненія предъ памятью поэта, чѣмъ пониманія его; но вѣдь первая и главная цѣль юбилеевъ—освѣжить въ памяти общества воспоминаемое событіе, а эта цѣль во всякомъ случаѣ была достигнута и притомъ въ такихъ размѣрахъ, какъ никогда равнѣ. Осуществлена была и другая цѣль: былъ вызванъ подъемъ духа и интереса къ чествуемому, родилось желаніе высказаться и внести хоть ленту въ общую сокровищницу, а это тоже не малое дѣло—и любопытно хотя бы въ статистическомъ отношеніи, такъ какъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ обширенъ кругъ почитателей поэта, какъ обширны и разнородны тѣ вопросы, которые способна возбуждать его поэзія.

---

¹⁾ Напечатана въ „Чтен. въ Иогор. об. Нестора Лѣт.“ кн. XIV вып. 1-ый. Кіевъ 1900.

Четвертая, наконецъ, изъ извѣстныхъ намъ работъ подобнаго рода печатается въ послѣднихъ книжкахъ журнала «Русск Мисль» 1900 г. за подписью W. подъ заглавіемъ «Итоги пушкинской юбилейной литературы». Вотъ, кажется, и все, что носить характеръ общаго обзора пушкинской юбилейной литературы. Но, признаемся, работы эти, даже вмѣстѣ взятая, не вполне удовлетворяютъ критико-библіографическія требованія пушкинской литературы. Причины этого очень много, и первая изъ нихъ—обширность литературы, подробное и полное обзорѣніе которой возможно лишь при извѣстныхъ условіяхъ, а этими условіями располагаетъ далеко не всякій изслѣдователь.

Съ большимъ интересомъ ждемъ мы выхода въ свѣтъ работы, которая продолжила бы собою трудъ Межова и охватила бы весь пушкинскій юбилейно-литературный матеріаль, который, какъ оказывается, не только пережевывалъ одно старое, но по мѣрѣ возможности старался отыскать и что либо новое, старался расширить кругъ нашихъ біографическихъ свѣдѣній о поэтѣ и точнѣе опредѣлить наше отношеніе къ личности поэта и исторіи ея развитія. Къ числу работъ перваго рода слѣдуетъ отнести, во первыхъ, изданіе Н. А. Гастфрейнда, затѣмъ, изданіе фонъ Кауфмана, работу И. А. Шляпкина — «Къ біографіи А. С. Пушкина. (Малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя) СПБ. 1899—и матеріалы, печатавшіеся въ «Русской Старинѣ». Изданіе Гастфрейнда носитъ такое заглавіе: «Пушкинъ. — Документы Государственнаго и С. Петербургскаго главнаго Архивовъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, относящіеся къ службѣ его 1831—1837 г. Съ семью снимками съ автографовъ Пушкина и однимъ снимкомъ съ подлиннаго свидѣтельства объ окончаніи имъ курса въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ». СПБ. 1900.

Занимаясь съ Высочайшаго разрѣшенія въ Государственномъ и С.-Петербургскомъ глав. Архивѣ М. И.
lib.pushkinskijdom.ru

Дѣль разборомъ бумагъ, касающихся служившихъ въ Министерствѣ Лицензистовъ, для своего «Біографическаго и бібліографическаго словаря воспитанниковъ Имп. Царск. сель., пинѣ Александровскаго, лицея», Н. А. Гастфрейндъ, между прочимъ, просмотрѣлъ дѣла, относящіяся до службы А. С. Пушкина въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Оказалось, что на эти бумаги никто, за исключеніемъ, кажется, академика Я. К. Грота, не обратилъ вниманія, и онѣ оставались необнародованными. Обсѣдованіе бумагъ Пушкина по Московскому Главн. Архиву М-а И. Д. за первый періодъ его службы въ вѣдомствѣ Коллегіи М. И. Дѣль съ 1817 по 1824 г. мы имѣемъ въ статьѣ Л. Поливанова: «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи, 1817—1825 гг.» ¹⁾. Изданіе Н. А. Гастфрейнда сообщаетъ документы, относящіеся ко второму періоду службы Пушкина въ томъ же вѣдомствѣ, т. е. со вторичнаго его поступленія въ Министерство И. Д. въ 1831 г. до смерти. Кромѣ бумагъ, относящихся непосредственно къ службѣ Пушкина въ Министерствѣ И. Д., въ это же изданіе внесены также слѣдующія дѣла: 1) бумаги изъ дѣла 1843 г. «о доставленіи списка о службѣ покойнаго Титулярнаго Совѣтника Александра Пушкина» по требованію опеки надъ его дѣтьми; 2) дѣло 1836 г. «объ усыновленіи нидерландскимъ посланникомъ барономъ Геккереномъ поручика Кавалергардскаго полка барона Д'Антеса»; 3) дѣло 1837 г. «о передачѣ писемъ Пушкина къ барону Геккерену, вытребованныхъ у послѣдняго при разборѣ дѣла о дуэли. Все изданіе снабжено снимками съ интересныхъ автографовъ поэта, напр.: подписка Пушкина о выѣздѣ изъ Одессы въ г. Псковъ и о полученіи денегъ на проѣздъ, подписка Пушкина о непринадлежности его ни къ какимъ тайнымъ и масонскимъ обществамъ, ни въ Россіи ни даже за границею, Лицейскій дипломъ, т. е. подлинное „свидѣ-

---

¹⁾ «Русск. Стар.» 1887, ЛШ, янв. 235—248.

тельство“ объ окончаніи Пушкинымъ курса въ Царско-сельскомъ Лицеѣ и нѣкот. др.

Для изученія Пушкина имѣеть громадное значеніе каждая строка, написанная его рукою, и каждая записка, отпослѣвшаяся къ его жизни и дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ цѣнно и изданіе Гастфрейнда: оно сообщаетъ цѣлый рядъ интересныхъ документовъ, относящихся ко второй половинѣ службы поэта въ Министерствѣ И. Д. ¹⁾

Такой же точно характеръ поситъ и не менѣе интересное изданіе П. фонъ Кауфмана: «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ Геккереномъ». Подлинное военно-судное дѣло 1837 г. СПб. 1900... Этимъ дѣломъ пользовался для своего сборника «Русскіе уголовные процессы» Г. Любавскій СПб. 1866 г. Нѣкоторые, находящіеся въ немъ документы, уже были опубликованы, частью буквально, частью въ пересказахъ, но въ подлинникѣ и въ полномъ объемѣ дѣло это до сихъ поръ публикѣ было неизвѣстно ²⁾. Всѣ печатаемые документы воспроизведены съ дословною точностью и съ сохраненіемъ подлиннаго правописанія. Въ приложеніи къ изданію помѣщены автографы кн. П. А. Вяземскаго, д'Аршіака и б. Геккереновъ—отца и сына. „... независимо отъ историческаго интереса самаго событія, подлежавшаго судебному разслѣдованію, издаваемое дѣло даетъ характеристику нѣкоторыхъ, принимавшихъ въ немъ участіе лицъ, и рисуеть любо-

---

¹⁾ Небольшая замѣтка по поводу этого изданія помѣщена въ «Вѣст. всемір. Исторіи» 1900 № 2 стр. 278.

²⁾ См. Сѣв. Пч. 1837 № 81; «Послѣдніе дни Пушкина» (Аммосова); изд. Исакова СПб. 1863; Соч. Пушкина изд. Лит. ф., редакція Морозова, т. VII стр. 416—417. «Воспоминанія гр. Соллогуба» СПб. 1887. «Дуэль и смерть Пушкина» Кислякова Одесса 1887 г. Записки А. О. Смирновой 1897 г. Русск. Архивъ 1879 № 3 и 6. «Идеалы Пушкина» В. В. Никольскаго СПб. 1899 г. (изд. 3, прил. 2) 123—134. «Новое Вр.» № 3923, 1887 г. и 1899 г. № 8335. Аснашъ, Яхонтовъ и Шлякинъ—«Описаніе Пушкинскаго Музея» СПб. 1899 и др.

пытную картину военно-судебной процедуры того времени“.

Не будемъ подробно останавливаться на известной книгѣ Л. Майкова—«Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературныя очерки». СПб. 1899. Въ различныхъ изданіяхъ этой книгѣ было посвящено очень много отдѣльныхъ замѣтокъ, достаточно полно знакомящихъ читателя съ характеромъ ея содержанія. ¹⁾ Перейдемъ къ не менѣе интересной работѣ Д. Н. Анучина «А. С. Пушкинъ. Антропологическій эскизъ. М. 1899». Первоначально работа эта печаталась въ «Русск. Вѣдом.» 1899 г., начиная съ № 99 и кончая № 209. Работа эта интересна какъ общей постановкой вопроса объ антропологическомъ изученіи нѣкоторыхъ историко-литературныхъ фактовъ, такъ, въ частности, разработкой вопроса о происхожденіи Пушкина и элементахъ наследственности въ его литературной деятельности.

Выдающіеся наши поэты и критики говорили обыкновенно о Пушкинѣ, какъ о великомъ русскомъ поэтѣ, какъ о поэтѣ, въ творествѣ котораго въ особенно изысканной формѣ воплотились русское чувство, русская мысль, русскіе типы и идеалы, въ творествѣ котораго во всей полнотѣ выразились основы русскаго національнаго духа. Оцѣнивая, однако, Пушкина, какъ истинно русскаго поэта, какъ вдохновеннаго выразителя нашей самообытности, никто не забывалъ и того, что по своей крови, природѣ и темпераменту Пушкинъ не былъ вполне русскимъ человѣкомъ, но никто, вмѣстѣ съ тѣмъ, не считалъ нужнымъ подробнѣе останавливаться на этомъ очень

--- --

¹⁾ Наибольше любопытныя замѣтки по поводу книги Л. Майкова: 1) Статя М. Б. «Новая книга о Пушкинѣ», Русск. Страница 1899, IX; 2) Статя В. Мякотина «Изъ пушкинской эпохи», Сборникъ журн. «Русск. Богат.» 1899; 3) Въ замѣткѣ А. П. «Пушкинская Литература», «Вѣст. Европы» 1899, VII; 4) Въ статьѣ А. Лободы «Очеркъ пушк. юбил. литературы». К. 1900 г. 5) Миръ Б. 1899, VI. Замѣтка А. Б.

важномъ и любопытномъ біографическомъ обстоятельстве, ограничиваясь въ крайнемъ случаѣ, простымъ упоминаніемъ факта абиссинскаго происхожденія Пушкина. Только позднѣйшіе біографы Пушкина, Анненковъ, Венкстернъ и др. стали сознавать важность изученія наслѣдственныхъ чертъ въ темпераментѣ поэта для болѣе правильнаго пониманія нѣкоторыхъ обстоятельствъ его жизни и творчества, стали сообщать нѣкоторыя свѣдѣнія о предкахъ поэта, но дѣлали это только между прочимъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи или вовсе забывали вліяніе наслѣдственности или же оставляли его въ тѣни, т. е. антропологическое изученіе Пушкина до сихъ поръ даже лучшими его біографами почему то игнорировалось, „а между тѣмъ, замѣчаетъ авторъ, едва-ли можетъ быть оспариваемо, что въ ряду выдающихся русскихъ людей, мыслителей и художниковъ, Пушкинъ долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ, антропологическое изученіе которыхъ способно представлять наибольшій интересъ и даже можно сказать, является необходимымъ“. Какія же задачи преслѣдуетъ антропологическое изученіе историко-литературныхъ фактовъ и что оно можетъ дать для ихъ изученія? Антропологическое изученіе, по мысли автора, должно заключаться въ выясненіи типа личности, типа физическаго и психическаго, въ анализѣ ея наслѣдственныхъ чертъ и индивидуальныхъ особенностей, наконецъ, въ изученіи тѣхъ прижизненныхъ впечатленій, которыя могли имѣть вліяніе на духовный складъ и творчество писателя. Только на основаніи подробнаго, детальнаго анализа, говоритъ авторъ, можетъ быть построено синтезъ творческой личности, какъ продукта взаимодействія между разнообразными прижизненными вліяніями и реагирующею на нихъ дѣятельною духовною природою человѣка. Наслѣдственность и прижизненные вліянія—вотъ два фактора, которые находятся въ непрерывномъ взаимодействіи. Вотъ почему для полнаго выясненія личности поэта вообще, и Пушкина въ частности, одинаково необходимо подвергнуть обстоятельному изученію какъ

его наслѣдственныя черты, такъ и всю сумму тѣхъ прижизненныхъ вліяній, которыя могли отразиться на складѣ и развитіи его художественнаго таланта. Наслѣдственностью же авторъ называетъ не только передачу въ зачаточномъ видѣ уже имѣющихся признаковъ родителей, семей, родовъ, но и созданіе въ потенциальной формѣ нѣкотораго новаго, особеннаго. Будучи съ одной стороны, говоритъ авторъ, консервативной, передавая признаки вида, рассы, семьи, ближайшихъ производителей, сила наслѣдственности вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессивна (или регрессивна), обладаетъ способностью накоплять въ ряду поколѣній тенденціи къ измѣненію и давать имъ видимое выраженіе въ потомствѣ въ формѣ отклоненій отъ передаваемого по наслѣдству типа...

Каждая творческая личность, вносящая въ духовное богатство общества нѣчто новое и значительное, можетъ быть разсматриваема какъ болѣе или менѣе рѣзкій скачекъ въ духовномъ развитіи даннаго общества и народа, какъ крупный плюсъ къ накопленному вѣками духовному наслѣдію. Творчество Пушкина доставило также значительный вкладъ въ духовное имущество русскаго народа и уже по одному этому оно заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго изученія и притомъ не только историко-литературнаго, но и антропологическаго, самой личности поэта, и не въ смыслѣ только возможно болѣе полного собранія біографическихъ данныхъ, но и выясненія типа этой личности, какъ она сложилась на основѣ, переданной наслѣдственностью, подъ вліяніемъ разнообразныхъ впечатлѣній, пережитыхъ поэтомъ въ различныя эпохи его жизни. Установить эти послѣднія прижизненныя вліянія, сравнительно, легче, такъ какъ въ этомъ отношеніи есть возможность руководиться довольно многочисленными біографическими данными, хотя, конечно, и они далеко не всѣ собраны и выяснены; но опредѣлить вліяніе наслѣдственности, выдѣлить то, что было у Пушкина лишь повтореніемъ или комбинаціей имѣвшагося у его предковъ, и установить то, что явилось совершенно новымъ,

не въ отношеніи достигнутыхъ результатовъ, а въ смыслѣ способности или таланта,—эта задача, говоритъ Д. Н. Анучинъ, весьма трудная, а въ значительной мѣрѣ и несуществимая. Задачей же своего скорѣе предварительнаго, чѣмъ вполне законченнаго очерка авторъ ставитъ— „только намѣтить нѣкоторые вопросы, попытаться выяснитъ нѣкоторыя данныя и освѣтитъ съ новой точки зрѣнія нѣкоторые извѣстные факты“. Но и въ этихъ предѣлахъ, замѣчаетъ онъ, предлагаемый очеркъ является лишь предварительнымъ наброскомъ, черты котораго должны быть еще приведены въ большую ясность и усилены въ болѣе обширномъ трудѣ...“

Въ критическомъ обзорѣ всѣхъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, біографическихъ свѣдѣній о предкѣ Пушкина—Ибрагимѣ Петровичѣ Ганнибалѣ и историко-географическихъ свѣдѣній о мѣстѣ его родины, авторъ высказываетъ очень интересныя соображенія относительно пушкинской Африки и родины пушкинскаго прадѣда, дающія основанія болѣе точно рѣшать спорный вопросъ о мѣстѣ происхожденія И. Ганнибала и о его родителяхъ. Въ шестой главѣ Д. Н. Анучинъ даетъ характеристику жизни, нравовъ и народной поэзіи абиссипцевъ, стараясь такимъ путемъ намѣтить основныя черты типа абиссинца.

Что касается фамилии—Ганнибалъ, то авторъ высказываетъ по этому поводу предположеніе, которое нѣсколько расходится съ предположеніемъ и самаго Пушкина, считавшаго, что эту фамилію далъ Ибрагиму императоръ Петръ I, и съ предположеніемъ нѣмецкой біографіи А. П. Ганнибала, которая говоритъ, что этимъ прозвищемъ пользовался уже отецъ послѣдняго, абиссинскій князь, „гордо выводившій свое происхожденіе по прямой линіи изъ рода знаменитаго Ганнибала, ужаса Рима“. Не соглашаясь ни съ однимъ изъ этихъ мнѣній въ виду того, что, во-первыхъ, слишкомъ трудно предполагать, чтобы какой нибудь абиссинецъ XVII в., хотя бы то и князь, могъ быть настолько знакомъ съ древней исто-

ріей, чтобы имѣть представленіе о Ганнибалѣ, и затѣмъ въ виду того, что нельзя быть увѣраннымъ, знакомо-ли было это имя самому Петру, а если и было знакомо, то чѣмъ могло быть вызвано пріуроченіе этого имени къ личности привезеннаго изъ Константинополя „арапа“ и что навело Петра на мысль назвать присланнаго ему арапченка именемъ карфагенскаго героя,—авторъ приводитъ нѣсколько фактовъ изъ біографіи Ибр. Петровича, которые показываютъ, что прозвище „Ганнибалъ“ не было съ самаго начала пребыванія „арапа“ въ Россіи тѣсно связаннымъ съ его личностью, не пользовалось общимъ признаніемъ и не имѣло, повидимому, значенія настоящей фамиліи, а входило въ употребленіе лишь постепенно. Слово Ганнибалъ = Hanni-Ba'al означаетъ милость или любовь Ваала и по своему характеру финикійскаго происхожденія. М. В. Никольскій предполагаетъ, что въ смыслѣ имени нарицательнаго „богъ“ — ba'al, которое встрѣчается въ южно-арабскихъ, гимьяритскихъ надписяхъ, могло перейти въ Абиссинію. Въ Логонѣ—область въ сѣверной Абиссиніи, гдѣ отецъ Ибрагима былъ владѣтельнымъ княземъ — есть село Ади-Баро, которое на различныхъ картахъ пишется: Ади-Баро, Адди-Баро, Адди-Бало. Это „Аддибало“ при скоромъ произношеніи можетъ напоминать имя „Аннибалъ“ и вызывать у лицъ, знакомыхъ съ древней исторіей, представленіе объ имени карфагенскаго полководца. Нѣсомнѣнно, говоритъ авторъ, имя этого древняго селенія (или города) должно было быть хорошо знакомо 8-лѣтнему Ибрагиму, такъ же какъ и имя Логонъ, тогда какъ общаго названія страны (Хабешъ, Абиссинія) онъ могъ въ дѣтствѣ и не знать.

Возможно поэтому предположеніе, что при распросахъ „арапа“ въ Россіи, когда онъ говорилъ о своемъ княжескомъ происхожденіи и упоминалъ о городѣ Аддибало, это имя могло навести кого нибудь на мысль объ Аннибалѣ; да и самъ Ганнибалъ, ознакомившись затѣмъ съ древней военной исторіей, особенно позже, во Франціи, въ мецкой *École d'artillerie*, въ состояніи былъ на-

толкнуться на нѣкоторое сходство между именемъ его города и прозвищемъ карагенскаго полководца и прити къ заключенію, что тутъ могла быть историческая связь... Личность „арала“ съ фамиліей „Ганнибаль“ въ документахъ впервые появляется послѣ его возвращенія изъ Франціи въ 1724 г. Въ заключительной — девятой главѣ авторъ на основаніи показаній современниковъ, а также портретовъ А. Пушкина, различныхъ набросковъ, бюстовъ, маски поэта и его волосъ воспроизводитъ въ общихъ чертахъ физическій типъ поэта. Этимъ Д. Н. Анучинъ пока и заканчиваетъ свой антропологическій эскизъ, высказывал надежду снова вернуться къ своей работѣ, такъ какъ по плану эскиза за разсмотрѣніемъ происхожденія и физическаго типа Пушкина долженъ слѣдовать очеркъ его психической личности, въ особенности поскольку она сложилась подъ вліяніемъ наслѣдственности.

Съ нетерпѣніемъ ждемъ не менѣе интереснаго окончанія работы Д. Н. Анучина. вмѣстѣ съ разсмотрѣннымъ нами эскизомъ оно составитъ цѣльное законченное изслѣдованіе, которое займетъ видное мѣсто во всей пушкинской литературѣ.

Въ 1817 г. А. С. Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ принятъ въ члены литературнаго кружка „Арзамасъ“, возникшаго въ противовѣсъ обществу «Бесѣда любителей русскаго слова», которое носило важно-чиновническій характеръ и стояло въ связи съ академическимъ кружкомъ. Пушкинъ былъ очень рано принятъ въ кругъ арзамасцевъ, и хотя, по замѣчанію одного изслѣдователя, періодъ напряженной борьбы другъ съ другомъ этихъ представителей двухъ направленій общественно-литературной мысли русскаго общества начала XIX в. ко времени вступленія въ «Арзамасъ» Пушкина уже прошелъ, однако каждый изъ этихъ кружковъ еще свято хранилъ свои традиціи, которыя не могли пройти безслѣдно и для впечатлительной натуры молодого поэта.

Въ пушкинскомъ сборникѣ Кіевскаго Пед. Общества помѣщена между прочимъ статья П. Кудравцева—

«А. С. Пушкинъ. Главные моменты его жизни и литературнаго развитія», — въ которой говорится слѣдующее: „Пушкинъ еще въ лицѣ принятъ въ члены «Арзамаса», теперь, (т. е. послѣ окончанія курса въ лицѣ) фактически сблизился съ членами этого кружка. Къ сожалѣнію, онъ не могъ имѣть для юнаго поэта большого значенія ни въ общественномъ, ни въ литературномъ смыслѣ: «Арзамасъ» мало интересовался общественными вопросами и движеніями своего времени, а его литературное вліяніе на Пушкина не могло быть значительнымъ потому, что молодой поэтъ скоро переросъ своихъ руководителей, ему печему было у нихъ учиться. Это сознавали и сами арзамасцы: когда Пушкинъ окончилъ свою поэму «Русланъ и Людмила», Жуковскій подарилъ ему свой портретъ съ знаменательною надписью: „Побѣдителю-ученику отъ побѣжденнаго учителя“. Если пребываніе въ «Арзамасѣ» и имѣло какое либо значеніе для Пушкина, то только въ томъ отношеніи, что оно навсегда скрѣпило его личныя связи съ арзамасцами, особенно съ Жуковскимъ и Вяземскимъ. Много лѣтъ спустя, возвратившись въ столицу, онъ нашелъ въ нихъ крѣпкихъ испытанныхъ друзей, которые отчасти повліяли и на формировку его общественныхъ идеаловъ“. стр. 57. Такъ представляетъ себѣ авторъ статьи роль «Арзамаса» въ исторіи умственнаго развитія поэта. Въ нашемъ распоряженіи, правда, нѣтъ почти никакихъ данныхъ и для того, чтобы утверждать, что связи Пушкина съ арзамасскимъ кружкомъ имѣли для него исключительное значеніе, такъ какъ по замѣчанію такого компетентнаго лица, какъ Анненковъ, который говоритъ, между прочимъ, о „громадномъ“ вліяніи «Арзамаса» на Пушкина ¹⁾, значеніе этого знаменитаго общества не только не разъяснено у насъ вполне, но врядъ ли еще и понято достаточно ясно и правильно, благодаря тому, что историки

---

¹⁾ См. «Пушкинъ въ александр. эпоху» стр. 98.

и судьи «Арзамаса» видѣли въ немъ только одну шутили-вую сторону и сочли его на этомъ основаніи за сборище веселыхъ и праздныхъ собесѣдниковъ. Шутливость «Арзамаса» прикрывала, однако, очень серьезную мысль, что именно и даетъ ему право на вниманіе въ исторіи нашего просвѣщенія ¹⁾.

«Арзамасъ»—это былъ частный кружокъ любителей просвѣщенія ²⁾, который хотя и не имѣлъ строго выработанной программы ³⁾, не оставилъ своихъ трудовъ, однако по своему направленію, о чемъ мы можемъ судить по его личному составу, былъ выразителемъ умственныхъ интересовъ прогрессивной части русскаго общества. Карамзинъ, пріѣзжавшій въ 1816 году въ Петербургъ для объясненія по изданію первыхъ 8-ми томовъ «Исторіи», писалъ къ своей женѣ: „Здѣсь, изъ мужчинъ всѣхъ для меня любезнѣе арзамасцы: вотъ истинная Русская Академія, составленная изъ людей умныхъ и съ талантомъ!...“ Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „сказать правду, здѣсь не знаю я ничего умнѣе Арзамасцевъ, съ ними бы жить и умереть“ ⁴⁾. По словамъ Д. Н. Блудова, который былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ арзамасскаго кружка, время «Арзамаса» было счастливѣйшее время въ жизни, что подтверждается также его мыслями и замѣтками, которые онъ набрасывалъ на лоскутки бумаги большею частью карандашемъ, въ разное время,

---

¹⁾ См. «Пушкинъ въ алексаандр. эпоху» стр. 108. См. также Энцикл. С. Брокгауза подъ «Арзамасъ», гдѣ въ общихъ чертахъ указывается значеніе этого кружка въ исторіи русскаго общества начала XIX в. и приводится цѣлый рядъ литературныхъ замѣтокъ и воспоминаній объ «Арзамасѣ» и его дѣтеляхъ.

²⁾ См. Современникъ за 1851 г. т. 27 замѣтка А. В. Е. Ковалевскій въ этихъ инициалахъ предполагаетъ Уварова; см. его «Графъ Блудовъ и его время» стр. 110.

³⁾ Такая недавно обнародована проф. Кирпичниковымъ. См. «Русск. Стар.» 1899, май.

⁴⁾ См. цитир. соч. Е. Ковалевскаго, стр. 111.

когда они приходили ему въ голову ¹⁾). Въ этомъ кружкѣ людей, говоритъ Е. Ковалевскій, уже готовились противники Шишкову и его сотоварищамъ по убѣжденіямъ на болѣе обширномъ полѣ; они, какъ увидимъ, не разъ поставляли непреодолимыя преграды—обратить назадъ рядъ преобразованій Александра I и явились неутомимыми бойцами противъ столь извѣстнаго цензурнаго устава, составленнаго въ бытность министромъ народнаго просвѣщенія Шишкова ²⁾). Вотъ что говоритъ объ арзамаскомъ обществѣ П. Анненковъ, опираясь на такія данныя, какъ переписка Н. Карамзина съ Ив. Ив. Дмитріевымъ: «Арзамасъ» представлялъ собственно партію молодыхъ людей, которые... отстаивали право каждого человѣка, сознающаго въ себѣ нравственныя силы, открывать для себя новыя дороги въ жизни и литературѣ... Болѣе всего сопротивлялся онъ намѣренію водворить обязательныя правила для умственной и общественной дѣятельности своего времени, подозрѣвая тутъ замыселъ управлять нравственными стремленіями эпохи, не справляясь съ ней, и утвердить за нѣсколькими личностями право безапелляціоннаго суда надъ всѣми мнѣніями и начинаніями ея... Подобно тому, какъ на литературной почвѣ чувство изящнаго, пониманіе таланта и силы въ изображеніяхъ замѣняло «Арзамасу» эстетическія теоріи, такъ на политической, вмѣсто обдуманной программы, онъ обладалъ только живыми инстинктами свободы, стремленіями къ образованію и крѣпкими надеждами на общечеловѣческую, европейскую науку, какъ на лучшую исправительницу народныхъ и государственныхъ недо-

---

¹⁾ См. Е. Ковалевскій цит. соч. стр. 114.

²⁾ Тамъ же стр. 112. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что «Арзамасъ» имѣлъ и свою опредѣленную, строго выработанную программу, въ которой на первомъ планѣ стояло—„Наблюдать политическое и нравственное состояніе Россіи и прочіихъ государствъ и сообщать публикѣ плоды силъ наблюденій“. См. «Русск. Стар.» 1899—V, 337.

статковъ, а главное—онъ отличался непоколебимой вѣрой въ возможность соединенія коренныхъ основъ русской жизни и русскаго законодательства- монархизма и православія съ свободой лицъ, сословій и учреждений. Проводя эти убѣжденія, «Арзамасъ» выражалъ истинную мысль своей эпохи или по крайней мѣрѣ огромнаго большинства ея людей, между которыми были и руководители ея судьбы ¹⁾.

Пребываніе Пушкина въ средѣ лицъ, которыя большею частію въ дѣлѣ литературнаго развитія были его же старшими товарищами и учителями, которые „добро“ и „правду“ считали своими идеалами ²⁾, для которыхъ шутка и остроумная критика была формой выраженія серьезнаго отношенія къ событіямъ и теченіямъ современной жизни и литературы,—пребываніе Пушкина въ такомъ кругу общества не могло пройти безслѣдно для его впечатлительной и чуткой ко всѣму хорошему натуры. Не могло быть влияніе «Арзамаса» на Пушкина только поверхностнымъ, какъ предполагаетъ г. Кудрявцевъ, но оно было, дѣйствительно громаднымъ, какъ выражается Анненковъ, и громаднымъ потому, что самый характеръ этого кружка ставилъ поэта на путь свободнаго развитія независимаго міросозерцанія и положилъ начало теоретическому знакомству его съ вопросами русской народности, въ результатѣ чего явились, съ одной стороны, такія произведенія, какъ «Поэтъ», «Поэту», «Чернь»

---

¹⁾ См. «Пушкинъ въ александр. эпоху» стр. 113.

²⁾ Вотъ что, напр., писалъ Карамзинъ въ письмѣ къ Тургеневу: „Жить есть не писать исторіи, не писать трагедіи или комедіи, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать, дѣйствовать, любить добро, возвышаться къ его источнику; все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха, не исключая моихъ восьми или девяти томовъ...“ Блудовъ писалъ своей женѣ: „Правда! Правда! Она лучше всего въ мірѣ. Служеніе ей—служеніе Богу, и я молю Его, чтобы наши дѣти во всю свою жизнь были ея обожателями, исповѣдниками, а буде нужно и страдальцами“. См. Е. Ковалевскій стр. 115.

п т. п., съ другой—такія стихотворенія, какъ „Деревня“ и особенно его историческія замѣтки и нѣкоторыя изъ журнальныхъ статей ¹⁾).

Слѣдующая по порядку статья сборника Кіевск. Пед. Общ.—„Пушкинъ на югѣ Россіи“ принадлежитъ Г. Булашеву и представляетъ, если не ошибаемся, пересказъ статьи «Пушкинъ въ южной Россіи. Матеріалы для его біографіи, собираемые П. Бартевымъ» ²⁾. Для примѣра приведу первый попавшійся мнѣ строки статьи г. Булашева и сопоставлю ихъ съ подходящими мѣстами замѣтокъ П. Бартева, которыя, вѣстаті сказати, авторъ не всегда отмѣчаетъ въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

«Пушкинъ въ южной Россіи»—Бартева. „... Въ половинѣ мая, или около того, онъ пріѣхалъ въ Екатеринославъ и съ письмомъ отъ гр. Каподистріи явился къ своему новому начальнику, попечителю колонистовъ южнаго края, генералъ-лейтенанту Ивану Никитичу Инзову (П. З. 1861 г. стр. 124). Пришлось поселиться въ довольно бѣдномъ городѣ (въ Екатеринославѣ и теперь всего около 15 тысячъ жителей), слишкомъ за полторы тысячи верстъ отъ Петербурга, безъ знакомыхъ, безъ всякихъ удобствъ жизни, въ грязной жидовской хатѣ. После тревожной и въ то же время разсѣянной столичной жизни ему полезно было уединеніе“.—1100.

«Пушкинъ на югѣ Россіи»—Булашева. „Около по-

---

¹⁾ Изъ юбилейныхъ работъ, касающихся вопроса объ «Арзамасѣ», особенно интересна работа М. Халапскаго «О вліяніи Вас. Львов. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина» (Харьковъ 1900), въ которой авторъ, пользуясь новѣйшимъ матеріаломъ, подробно говоритъ объ исторіи возникновенія и развитія арзамасскаго кружка, о его вліяніи на А. С. Пушкина и о томъ значеніи, какое онъ имѣетъ въ исторіи нашего просвѣщенія.

²⁾ Матеріалы эти печатались первоначально въ газетѣ «Русская рѣчь» и «Московскій Вѣстникъ» 1861 г. №№ 85—104, затѣмъ появились въ «Русск. Архивѣ» 1866 г. №№ 8 и 9.

ловины мая Пушкинъ былъ уже въ Екатеринославѣ и представлялся повому своему начальнику, вручивши ему при первомъ же свиданіи письмо отъ гр. Канодистрии. Шумъ и кутежи столичной жизни смѣнились однообразнымъ коротаньемъ времени въ грязной, „гадкой жидовской избенкѣ...“ (стр. 4).

Бартеневъ:

„...Во второй половинѣ мая мѣсяца 1820 года проѣзжалъ черезъ Екатеринославъ на кавказскія воды Николай Николаевичъ Раевскій съ семействомъ. Это тотъ самый Раевскій, который въ сраженіи подъ Смоленскомъ вывелъ въ дѣло двухъ еще почти малолѣтнихъ сыновей своихъ, который прославился и личной храбростью и способностями искуснаго полководца подъ Лейпцигомъ, подъ Роменвилемъ и въ другихъ битвахъ. Въ это время онъ командовалъ 4-мъ корпусомъ первой арміи, главная квартира котораго была въ Кіевѣ (1102)... Съ Раевскимъ ѣхали на Кавказъ, кромѣ сына Николая и военнаго доктора Рудыковскаго, двѣ младшія дочери его, Марія (14 л.) и дѣвочка Софья, при нихъ англичанка миссъ Митенъ и компаньенка Анна Ивановна (крестница генерала, родомъ татарка)...“—1103.

Булашевъ:

„13-го мая того же 1820 г. выѣхалъ изъ Кіева на кавказскія минеральныя воды славный герой 12-го года, генералъ Н. Н. Раевскій, командовавшій въ описываемое время 4-мъ корпусомъ первой арміи, главная квартира котораго была въ Кіевѣ. Генерала Раевскаго сопровождали въ этой поѣздкѣ: бывшій въ отпускѣ младшій сынъ его ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Николай Николаевичъ, двѣ младшія дочери — 15-лѣтняя Марія и совсѣмъ еще маленькая Софья, состоявшая при нихъ англичанка миссъ Митенъ и компаньенка татарка-выкрестка Анна Ивановна и военный врачъ Рудыковскій...“ (стр. 5).

Бартеневъ:

„Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца (1820) наши путешественники пріѣхали на кавказскія минеральныя воды. Въ Пятигорскѣ ихъ ожидалъ старшій сынъ, прібывшій туда заранѣе. Они всѣмъ обществомъ уѣзжали на гору Бештау пить желѣзныя, тогда еще мало извѣстныя, воды и жили тамъ въ калмыцкихъ кибиткахъ, за недостаткомъ другого помѣщенія. Эти оригинальныя поѣздки, эта жизнь вольная, заманчивая и совсѣмъ непохожая на прежнюю, эта новость и нечаянность впечатлѣній, жизнь въ кибиткахъ и палаткахъ, разнообразныя прогулки, ночи подъ открытымъ южнымъ небомъ, и кругомъ причудливыя картины горъ, новые нравы, невиданныя племена, аулы, сакли и верблюды, дикая вольность горскихъ черкесовъ, а въ нѣсколькихъ часахъ пути упорная, жестокая война съ громкимъ именемъ Ермолова, — все это должно было чрезвычайно правиться молодому Пушкину...“ — 1104.

Булашевъ:

„Въ Пятигорскѣ путешественники наши пріѣхали въ первыхъ числахъ іюня. Здѣсь ихъ встрѣтилъ пріѣхавшій раньше въ Пятигорскъ старшій сынъ генерала Расвскаго — отставной полковникъ Александръ Николаевичъ. Для Пушкина началась жизнь совершенно необычайная, полуазіатская, о которой раньше зналъ онъ только развѣ по наслышкѣ. Ночи подъ открытымъ чарующимъ южнымъ небомъ, жизнь въ кибиткахъ и шалашахъ, лѣщащіяся у обрывовъ скалъ сакли, восхожденія на горы, своеобразныя нравы черкесовъ, величественная природа и т. п. — все это подавляло Пушкина массою новыхъ впечатлѣній настолько, что онъ никакъ не могъ взяться за перо.“ стр. 9. И т. д.

Въ сборникѣ — «Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана» ¹⁾ — помѣщена статья преподавателя Г. В. Александровскаго — «Жизнь и творчество А. С. Пушкина на югѣ

---

¹⁾ Кіевъ 1899 г.

Россіи» — (125—172). Статья эта представляетъ опытъ разбора важнѣйшихъ произведеній Пушкина, написанныхъ имъ въ періодъ времени отъ 1820 по 1824 годъ въ связи съ изложеніемъ главнѣйшихъ обстоятельствъ его жизни за рассматриваемый періодъ. Говоря о поэмѣ «Кавказскій плѣнникъ», авторъ въ общихъ чертахъ затрогиваетъ вопросъ о „байронизмѣ“ Пушкина, говоритъ о томъ, какъ различно этотъ вопросъ рѣшался въ русской литературѣ и какъ его слѣдуетъ рѣшать, опираясь на сравнительное изученіе характеровъ поэтического творчества Байрона и Пушкина. Указывая тѣ элементы, которые вошли въ поэмѣ «Кавказскій плѣнникъ»¹⁾, авторъ дѣлаетъ нѣсколько сопоставленій и приходитъ къ заключенію, что вліянія внутренняго, глубокаго Байронъ не имѣлъ на Пушкина во время созданія имъ «Кавказскаго плѣнника» и при этомъ, пользуясь работой В. В. Сиповскаго—«Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ», обращаетъ вниманіе читателя на малоисслѣдованный пока еще вопросъ объ отношеніи Пушкина въ Шатобріану и о вліяніи этого послѣдняго на нашего поэта. Въ общемъ, рассматривая поэмѣ «Кавказскій плѣнникъ», авторъ отмѣчаетъ реальность ея типовъ и ихъ значеніе въ исторіи русской литературы. Главы VIII—X работы г. Александровскаго посвящены кишиневскому періоду жизни Пушкина. Въ жизни и творчествѣ поэта за этотъ періодъ времени авторъ отмѣчаетъ два теченія: одно—легкомысленное, чувственно-циничное, другое — серьезное. Выраженіемъ этого серьезнаго направленія прежде всего является поэмѣ «Братья разбойники», поэмѣ, созданная

---

¹⁾ Элементы эти слѣдующіе: 1) личные впечатленія отъ Кавказа, 2) образы и идеи, навѣянные чтеніемъ первыхъ 2-хъ пѣсень «Чаильдъ-Гарольда» и отчасти «Корсаря», 3) отраженіе личныхъ настроеній поэта, 4) рассказъ Нѣмцова, дальняго родственника Пушкина о томъ, какъ онъ попалъ въ плѣнъ и былъ освобожденъ влюбившеюся въ него черкешенкой, и 5) поэзія Шатобріана.

не безъ вліанія Байрона, но вмѣстѣ съ тѣмъ, характеризующая поворотъ въ творчествѣ поэта въ сторону русской народности, и затѣмъ поэма «Бахчисарайскій фонтанъ», которая, по признанію самого поэта, „отзывается чтеніемъ Байрона“. Разсматривая вопросъ, въ чемъ сказалось вліаніе на эту поэму Байрона, авторъ возражаетъ проф. Незеленову, который не только находилъ въ ней громадное вліаніе Байрона, но даже говорилъ, какая именно изъ поэмъ Байрона послужила оригиналомъ для нашего поэта, и съ своей стороны указываетъ тѣ данныя, которыя, по его мнѣнію, послужили источникомъ для поэмы, ограничивая вліаніе Байрона только манерой „писать востокъ“, т. е. тѣмъ *couleur locale*, который лежитъ на поэмахъ Байрона, изображающихъ восточный бытъ.

Два теченія, отмѣченные авторомъ въ кишиневскомъ періодѣ жизни поэта, рѣзко выступаютъ въ характерѣ его жизни и творчества и во время пребыванія въ Одессѣ.

Заключительная (XIII) глава работы г. Александровскаго посвящена характеристикѣ Пушкина, какъ самобытнаго поэта, для которой авторъ широко воспользовался, если не ошибаемся, извѣстной брошюрой В. В. Синовскаго—«Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ» и въ своей работѣ изложилъ очень интересные ея соображенія о томъ, въ какой мѣрѣ можно допускать зависимость нашего поэта отъ Байрона и вліаніе этого послѣдняго на Пушкина.

Во время своего пребыванія на югѣ Россіи, въ Бессарабской губ. Пушкинъ нѣсколько разъ предпринималъ поѣздки въ имѣніе Давыдовыхъ, село Каменку Кіев. г., гдѣ съ удовольствіемъ проводилъ время въ мѣстномъ кругу своихъ друзей и знакомыхъ. Вопросу о пребываніи А. С. въ Каменкѣ посвящена небольшая замѣтка А. М. Лободы ¹⁾, который незадолго передъ столѣтнимъ юби-

---

¹⁾ См. Пушкинск. юбилейный сборникъ Университета св. Владимира.

леемъ поэта по порученію университетской комиссіи ѣздилъ въ Каменку для того, чтобы сдѣлать снимки съ наиболѣе замѣчательныхъ ея мѣстъ и вообще собрать все, что относится къ пребыванію въ ней Пушкина. То, къ сожалѣнію, слишкомъ незначительное, что удалось автору разузнать на мѣстѣ, онъ и сообщаетъ въ своей статьѣ—«А. С. Пушкинъ въ Каменѣ», которая содержитъ въ себѣ много, нелишенныхъ интереса, подробностей, касающихся пребыванія Пушкина въ с. Каменкѣ.

Изъ Одессы Пушкинъ, какъ извѣстно, по предложенію гр. Воронцова, совершенно напрасно вооружившагося противъ поэта въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ своей семейной жизни ¹⁾, былъ высланъ въ Псковскую губ., въ имѣніе своего отца, с. Михайловское и отданъ подъ строжайшій надзоръ и полиціи, и духовенства, и своихъ родныхъ. Вопросу о пребываніи А. С. Пушкина въ с. Михайловскомъ (1824—1826) посвящена статья В. С. Рыбинскаго «А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ», напечатанная въ Сборникѣ кievскаго Педагогическаго Общества. Статья занимаетъ 34 страницы Сборника (118—152) и представляетъ собою цѣлый рядъ отдѣльныхъ главъ (8), характеризующихъ различные моменты жизни и настроенія поэта за время пребыванія его въ с. Михайловскомъ. Этотъ періодъ жизни поэта имѣлъ громадное значеніе для развитія его мысли и творчества, значеніе въ томъ отношеніи, что здѣсь, въ с. Михайловскомъ Пушкинъ началъ изучать Шекспира и другихъ англійскихъ поэтовъ и подъ ихъ вліяніемъ, съ одной стороны, все болѣе и болѣе вступалъ на путь реализма и объективно-историческаго отношенія къ явленіямъ жизни, съ другой стороны, серьезно принялся за изученіе русской исторіи и народности.

---

¹⁾ См. замѣтку Л. Майкова «Къ эпизоду о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ его имѣніе Псковской губ.» Русск. Ст. 1899, май.

Только теперь поэтъ почувствовалъ, что онъ окрѣпѣ и можетъ творить, только здѣсь въ его глазахъ приняло ясныя очертанія то, что пѣкогда онъ „сквозь магическій кристаллъ еще не ясно различалъ“, т. е. только здѣсь, въ селѣ Михайловскомъ предъ поэтомъ въ истинномъ свѣтѣ предстали не только цѣль и планъ романа «Евгеній Овѣгинъ», но и задачи всей его литературной дѣятельности. На это то обстоятельство г. Рыбинскій не обратилъ почти никакого вниманія. Нельзя не упрекнуть автора и въ томъ, что, говоря о посѣщеніи Пушкина товарищами—Пуццинымъ, Вульфомъ, Языковымъ, онъ называетъ ихъ только собутыльниками поэта, съ которыми этотъ послѣдній *задумалъ даже* планъ бѣгства изъ села Михайловскаго за границу (130).

Сказанное нами по поводу статьи г. Рыбинскаго отчасти можетъ имѣть отношеніе и къ работѣ пр. Пѣтухова—«Два года изъ жизни А. С. Пушкина (184—1826). Пушкинъ въ с. Михайловскомъ» ¹⁾. Изъ 36 страничекъ брошюры пр. Пѣтухова только 12 послѣднихъ страницъ посвящены обзорѣнью литературной дѣятельности Пушкина за этотъ періодъ его жизни, и изъ этихъ 12 страницъ только двѣ съ половиною странички отведены драмѣ «Борисъ Годуновъ», которая, однако, начинается собою новый періодъ литературной дѣятельности Пушкина, оказывая значительное воздѣйствіе и на его настроеніе и на общій характеръ его послѣдующаго возрѣнія. Въ виду этого автору брошюры слѣдовало бы подробнѣе остановиться на этомъ произведеніи поэта и выяснитъ хотя бы въ краткихъ чертахъ его мѣсто въ общемъ ходѣ умственнаго развитія поэта.

Разбору драмы Пушкина «Борисъ Годуновъ» со стороны исторической и эстетической посвящена спеціальная брошюра Андрея Филонова — «Борисъ Годуновъ»

---

¹⁾ Юрьевъ 1899.

А. С. Пушкина. Опыт разбора со стороны эстетической и исторической ¹⁾).

Историкъ Карамзинъ вдохновилъ поэта Пушкина, — и онъ написалъ свою историческую драму «Борисъ Годуновъ». Изъ этого вытекаетъ необходимость не только эстетическаго, но и историческаго ея изученія. Этому изученію драмы посвящена первая часть изслѣдованія А. Филонова. На основаніи цѣлаго ряда сопоставленій отдѣльных мѣстъ изъ произведенія Пушкина и исторіи Карамзина авторъ приходитъ къ заключенію, что поэтъ до послѣдняго оттѣнка избранной имъ идеи былъ вѣренъ исторіку. Воображеніе поэта, говоритъ онъ, слѣдило по пятамъ за мыслию и изложеніемъ Карамзина. Сходство поэта съ историкомъ заключается: 1) въ главной мысли, 2) въ общности драматизма, 3) во взглядѣ на самозванца и 4) въ нѣкоторыхъ приѣмахъ творчества и подробностяхъ изложенія. Но указанное сходство между Годуновымъ Пушкина и Карамзина, по мнѣнію автора, не даетъ еще права утверждать подобно Н. Полевому, что Пушкинъ рабски влекся по слѣдамъ Карамзина. Онъ самобытно творилъ свое произведеніе, по своему прочувствовавъ мысль Карамзина и творчески воссоздавъ ее въ своемъ Годуновѣ. Вотъ причина, почему при удивительномъ сходствѣ замѣчается и огромная разница между Годуновымъ Пушкина и Карамзина.

Вторая часть работы А. Филонова посвящена эстетическому разбору драмы. Въ этомъ разборѣ авторъ выясняетъ: 1) главную мысль произведенія Пушкина, 2) развитіе ея въ дѣйствіи, 3) характеръ лицъ и 4) языкъ произведенія. Главная мысль драмы «Борисъ Годуновъ», по мнѣнію автора, сводится къ слѣдующему: „представить, къ какимъ бѣдамъ навело царя единое пятно въ его совѣсти, потому и губительно, что оно едино“ (стр. 64). Мысль эта ²⁾, говоритъ авторъ, проходитъ черезъ всѣ двад-

---

¹⁾ СПб. 1899.

²⁾ Выраженная, къ сожалѣнію, слишкомъ тяжело.

цать двѣ картины труда Пушкина. Разнообразіе взглядовъ на отдѣльныя части созданія Пушкина объясняется тѣмъ, что критика упускала изъ виду главную мысль поэта, ту жизненную силу, которая живить и единить отдѣльныя части драмы и представляетъ намъ изъ нихъ одинъ здоровый, крѣпкій и цвѣтущій организмъ. Рѣшая второй вопросъ о развитіи главной мысли въ дѣйствіи, авторъ приходитъ къ заключенію, что «Борисъ Годуновъ» есть трагедія, потому что въ ней есть дѣйствіе, въ которомъ высказываютъ свою мысль всѣ лица трагедіи (стр. 86). Относительно характеровъ пушкинскихъ типовъ вообще и характеровъ дѣйствующихъ лицъ драмы «Борисъ Годуновъ» въ частности у насъ существуетъ масса самыхъ разнообразныхъ толковъ, въ большинствѣ случаевъ упрекающихъ поэта въ нецолнотѣ и слабости ихъ отдѣлки. Разсмотрѣвъ характеры всѣхъ 25 лицъ, входящихъ въ дѣйствіе, авторъ заключаетъ, что обрисовка характеровъ въ трагедіи столь же зрѣла, какъ и разнообразна; первымъ появленіемъ, первыми словами лица живо обозначены и твердо поставлены. Властитель, бояре, духовенство, народъ—всѣ являются въ ихъ дѣйствительномъ различіи; кисть художника равно сильна, равно вѣрна въ изображеніи какъ многоличнаго народа, такъ царя и патріарха, какъ католическаго, такъ и греческаго монаха, какъ честолюбивой польки, такъ и кроткой царской дочери; пыльное геройство, осторожная политика, пламенная страсть, священное безстрастіе и простота—все является въ своемъ истинномъ видѣ, все выговариваетъ свое сокровеннѣйшее, отличительнѣйшее существо... Что касается языка этого произведенія, то, по замѣчанію автора, въ этомъ великомъ своемъ произведеніи Пушкинъ „вскрылъ предъ нами двѣ красоты, двѣ тайны, въ которыхъ живетъ геній нашего языка—славянизмъ и народность. Славянскій складъ рѣчи дышитъ въ нашемъ языкѣ величіемъ и въ то же время нѣжностью, силою, прелестью. У Пушкина этотъ складъ рѣчи вездѣ видѣнь; онъ обходился съ нимъ, какъ со своимъ род-

нымъ...“ 141 стр. Въ этомъ же изслѣдованіи авторъ затрогиваетъ и вопросъ о вліяніи драмы «Борисъ Годуновъ» на тогдашнее общество и критику и, подводя итогъ своимъ вышеизложеннымъ нами заключеніямъ, называетъ произведеніе Пушкина трагедіей въ полномъ смыслѣ слова, въ которой развита *государственная* мысль, — та мысль, что на русскомъ престолѣ Богъ указалъ сидѣть Царю Законному, Царской крови; сердце чистое должно быть въ Царѣ Россіи... стр. 169. Мысль развитая поэтомъ, есть наша, русская мысль, говоритъ авторъ. Въ ней убѣждалась и убѣждена, наконецъ, Россія, убѣждена вѣками, бѣдствіями и славою... (стр. 170).

Не слѣдуетъ забывать, однако, и того, что создавая свою комедію о царѣ Борисѣ, на которомъ поэтъ остановился можетъ быть и вполне случайно, отчасти подъ вліяніемъ извѣстныхъ деревенскихъ преданій, отчасти подъ вліяніемъ изученія Шекспира и его творчества, онъ, какъ поэтъ-художникъ, имѣлъ въ виду прежде всего вольное художественное изображеніе характеровъ въ духѣ Шекспира, пользуясь 1) тѣмъ матеріаломъ, который представляла ему исторія Карамзина и 2) въ качествѣ технического пособія—лѣтописью, которая должна была ввести поэта въ духъ изображаемой имъ эпохи. Личность Бориса Годунова, о которой поэтъ еще съ дѣтства слышалъ много любопытныхъ разказовъ, по своему характеру и обстоятельствамъ жизни показалась ему близкою къ шекспировскимъ героямъ и вполне подходящею для драматическаго сюжета. Ему оставалось только обратиться за историческими подробностями къ науцѣ, что онъ и сдѣлалъ, цѣликомъ воспользовавшись лучшимъ, что было въ его время—трудомъ Карамзина, съ которымъ поэтъ былъ знакомъ уже и раньше и который, несомнѣнно, и вообще оказалъ извѣстное вліяніе на національный характеръ его творчества. Пушкинъ въ своемъ произведеніи рисовалъ событія въ томъ порядкѣ и въ той формѣ, въ какой нашелъ ихъ у Карамзина. Такимъ образомъ, поэтъ-художникъ оказался на высотѣ современной

ему русской исторической науки и историческаго пониманія отдѣльныхъ моментовъ жизни русскаго народа. Такое пониманіе задачъ художественнаго творчества сразу же поставило поэта цѣлою головою выше всей массы его предшественниковъ. Въ этомъ пониманіи—существенная заслуга Пушкина предъ русской литературой.

Пребываніе Пушкина въ селѣ Михайловскомъ въ качествѣ изгнанника было для него тяжелымъ бременемъ, сковавшимъ его широкую, свободолюбивую и жизнерадостную натуру, которая всю свою жизнь, какъ нарочно, только и стремилась къ свободѣ... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Михайловская жизнь Пушкина, жизнь въ родной обстановкѣ, среди прекрасной природы, въ кругу немногихъ, но неизмѣнныхъ друзей, вдали отъ сплетень и интригъ большого свѣта, но въ живомъ общеніи съ роднымъ народомъ и его исторіей, давала иногда поэту возможность забывать на время горечь своего тяжелаго положенія и, слезами обливаясь надъ вымысломъ, снова упиваться гармоніей и прелестью жизни. Село Михайловское и его окрестности, какъ мы отмѣтили выше, было для поэта мѣстомъ полнаго расцвѣта его творческихъ силъ. Здѣсь окрѣпъ и возмужалъ и личный характеръ поэта и характеръ его творчества. Со времени пребыванія Пушкина въ селѣ Михайловскомъ и литературное направленіе его стало укладываться въ болѣе опредѣленные рамки и принимать болѣе опредѣленную фізіономію. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе факты его литературной дѣятельности.

Что же представляетъ изъ себя теперь этотъ знаменитый уголокъ земли, гдѣ нашъ поэтъ провелъ въ изгнаніи хотя и незамѣтныхъ, но въ высшей степени плодотворныхъ два года своей жизни? Этому вопросу въ юбилейной литературѣ посвященъ «Альбомъ» В. П. Острогорскаго съ иллюстраціями академика живописи В. М. Максимова, лучшими портретами поэта и его автографами, носящій заглавіе — «Пушкинскій уголокъ».

Текстъ этого изящнаго во всѣхъ отношеніяхъ изданія представляетъ отчасти сводъ и пересказъ уже болѣе или менѣе извѣстнаго литературно-біографическаго матеріала, относящагося ко времени пребыванія Пушкина въ с. Михайловскомъ (II—V), отчасти описаніе путешествія, предпринятаго составителемъ Альбома вмѣстѣ съ В. М. Максимовымъ въ Пушкинскій уголокъ передъ юбилеемъ въ іюлѣ 1898 г. съ цѣлью „повидать эти дорогія каждому русскому мѣста, узнать, сохраняется ли здѣсь память о поэтѣ, живъ ли еще кто нибудь изъ знавшихъ его, знаетъ ли его грамотный народъ, какъ содержится могила Пушкина,— словомъ, посмотрѣть, каковъ-то этотъ „уголокъ земли“ теперь... черезъ 61 годъ послѣ роковой смерти поэта“¹⁾.

Результатомъ этой поѣздки явились, съ одной сто-

---

¹⁾ Уголокъ этотъ составляютъ слѣдующія мѣстности, тѣсно связанныя съ именемъ Пушкина: Святогорскій монастырь въ 55 верстахъ отъ гор. Острова, съ селомъ Михайловскимъ, или Зуевымъ, отстоящимъ отъ него версты на четыре и принадлежащимъ въ настоящее время сыну поэта — Григорію Александровичу; красивѣйшее мѣстечко Тригорское, принадлежащее Софѣ Борисовнѣ Вревской, дочери извѣстной Евпраксіи Николаевны Вульфъ, большой пріятельницы Ал. Серг. Пушкина, 8 іюля 1831 года вышедшей замужъ за барона Бориса Александровича Вревскаго; затѣмъ, рядомъ съ Тригорскимъ, въ пяти верстахъ отъ с. Михайловскаго, Лысая Гора — имѣніе Ек. Ив. Фокъ, гдѣ составитель Альбома встрѣтился съ дочерью Анны Петровны Кернъ, вдовой Екатериной Ермолаевной Шакальской, которая была глубоко тронута и сердечно благодарила посѣтителя за память о Пушкинѣ, и, наконецъ, село Голубово, принадлежащее барону А. Б. Вревскому. Ек. Ив. Фокъ — младшая дочь П. А. Осиповой отъ второго ея брака, послѣдняя изъ обитательницъ Тригорскаго, которая еще помнитъ Пушкина очень хорошо. Эта та „малютка“, о которой Пушкинъ въ письмѣ къ уѣзжавшей въ Ригу хозяйкѣ Тригорскаго, отъ 1 августа 1825 г. пишетъ: „Малютка совершенно здорова и приняла меня очень любезно“; „Малютка, повторяетъ онъ въ другомъ письмѣ отъ 11 августа, — совершенно здорова и прехорошенькая“.

роны, рядъ работъ, снимковъ, этюдовъ и рисунковъ В. М. Максимова, съ другой— «Альбомъ», въ которомъ нашли себѣ мѣсто небезинтересныя для читателя свѣдѣнія о пребываніи и отношеніяхъ Пушкина къ этому уголку, а также и о его обитателяхъ и гостяхъ. Все изданіе снабжено изящно исполненными снимками съ портретовъ Пушкина и его родителей, съ картинъ В. М. Максимова и съ фотографическихъ снимковъ различныхъ видовъ уголка.

Въ очень просто, но интересно написанномъ разсказѣ о своей поѣздѣ въ „Пушкинскій Уголокъ“, составитель «Альбома» съ чувствомъ глубокой признательности говоритъ о своихъ встрѣчахъ и впечатлѣніяхъ, но не умалчиваетъ также и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя верѣдко навѣвали на путешественника грустное раздумье, а порой и „тяжелое чувство какой то острой неловкости, полученное отъ поразительнаго равнодушія къ дорогой памяти величайшаго русскаго поэта“. — Вотъ что говоритъ В. Острогорскій въ заключеніи описанія своихъ дорожныхъ впечатлѣній: „Русскіе люди лѣнны и нелюбопытны“ — замѣтилъ еще и самъ Пушкинъ, и эти слова, какъ нельзя лучше, примѣняются и къ памяти о немъ самомъ. Никто не озаботился ни охранить могилы, на поддержку которой, по почину крестьянъ съ Высочайшаго соизволенія открыта подписка, ни сохранить Михайловскаго грѣзда въ его историческомъ значеніи: не говорю уже о томъ, что никто изъ ближайшихъ родныхъ и не думалъ о просвѣщеніи „уголка земли“. Нѣтъ и никакихъ записокъ мѣстныхъ современниковъ поэта о его пребываніи въ Михайловскомъ „два незамѣтные года“ и его позднѣйшихъ туда поѣздкахъ. Давно уже смолели михайловскія и тригорскія поля и лѣсъ, и „поросли травой забвенія“. Но все таки нельзя сказать, чтобы забвенье это было полное. Мало по малу просвѣщается врай, хотя бы одною грамотностью. Въ помѣщикахъ, которые меня такъ радушно встрѣтили, замѣтилъ я, уже не говоря о П. Ѳ. Барповѣ и его семействѣ, о Екатеринѣ Ивановнѣ Фоевѣ,

семьѣ барона Вревскаго, Г. С. Корсаковѣ, самое теплое отношеніе къ памяти поэта. Даже въ народѣ, по крайней мѣрѣ, въ Островѣ и Святыхъ Горахъ, имя Пушкина уважается, и крестьянская Пушкинская читальня очевидное этому доказательство. Нужно, значить, только распространить и утвердить эту память о поэтѣ, объяснить народу, чей священный прахъ покоится на его землѣ и возможно болѣе связать имя Пушкина съ распространеніемъ въ краю просвѣщенія. Вѣдь сознаніе потребности для Россіи, прежде всего, именно просвѣщенія, страстная любовь къ образованію, красною нитью проходитъ черезъ всю жизнь поэта. Именно здѣсь, въ этомъ краю, онъ особенно старался „вознаградить недостатки своего проклятаго воспитанія“. Въ этомъ то именно «пустынномъ уголкѣ, пріютѣ спокойствія, трудовъ и вдохновенія», на лонѣ природы съ особеннымъ увлеченіемъ предавался Пушкинъ изученію Шекспира и другихъ „писателей — этихъ, ободравшихъ его духъ, «оракуловъ вѣковъ»“; такъ много учился и читалъ, „чтобъ въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“. Но за этими трудами, которымъ съ такимъ увлеченіемъ предавался поэтъ, „среди двѣтущихъ нивъ и горъ“, омрачала его душу ужасная мысль о томъ, что здѣсь:

„Другъ человѣчества печально замѣчаетъ,
Вездѣ невѣжества губительный позоръ“.

Вотъ объ этомъ то просвѣщеніи народа, столь любимаго Пушкинымъ и такъ любившаго его самого, и нужно было бы прежде всего озаботиться здѣсь, въ краю, въ этомъ пушкинскомъ уголкѣ, въ Опочецкомъ уѣздѣ Псковской губерніи. Ближайшее осуществленіе такихъ заботъ было бы самымъ приличнымъ и достойнымъ выраженіемъ почтенія въ памяти писателя, которому не пришлось самому воочию увидѣть „освобожденный народъ и рабство, падшее по манію царя“. „Вотъ, по моему мнѣнію, самая первая задача для комитета, образованнаго псковскимъ дворянствомъ, думой и земствомъ для выработки плана

мѣстнаго чествованія столѣтія 26-го мая будущаго года“. Послѣ этого авторъ указываетъ рядъ мѣръ, которыя желательнo было бы предпринять для того, чтобы подгото- вить населеніе Опочецкаго уѣзда къ празднованію сто- лѣтняго юбилея Пушкина и такъ или иначе содѣйстви- вать возможно болѣе широкому осуществленію мысли поэта.

В. П. Острогорскій посѣтилъ Пушкинскій уголокъ, какъ мы ужъ замѣтили выше, наканунѣ юбилейныхъ праздни- ствъ¹⁾. Юбилейная литература дала намъ рядъ работъ, которыя знакомятъ читателя съ тѣмъ, что пред- ставлялъ изъ себя Пушкинскій уголокъ въ дни юбилея и какъ почтили память своего земляка тѣ лица, на обя- занности которыхъ, повидимому, лежала задача непо- средственнаго содѣйствія осуществленію завѣтовъ поэта въ родномъ ему уголкѣ земли. Къ числу такихъ работъ относится между прочимъ и брошюра А. И. Фаресова— «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и чествованіе его па- мяти» (С.-Пб. 1899 г.). Первые двѣ главы брошюры по- священы біографіи поэта; третья глава въ общихъ чер- тахъ касается вопроса о Пушкинскихъ празднествахъ и ихъ итогахъ. Въ четвертой главѣ авторъ говоритъ о Свя- тыхъ Горахъ и Псковѣ 26—27 мая.

Празднества, устроенныя въ „пушкинскомъ уголкѣ“, произвели на автора удручающее впечатлѣніе какъ своею безалаберностью, такъ вообще и своею безсодержатель- ностью. „Безусловно, говоритъ А. И. Фаресовъ, ничего не сдѣлано предварительнаго для ознакомленія мѣстнаго

---

¹⁾ Въ журналѣ «Русская Старина» 1899 г. № 5 помѣще- на замѣтка «Могила Пушкина и село Михайловское» (Письмо къ редактору Ж. М. Н. Пр. А. В. Никитенку). Авторъ замѣтки К. А. Тимофѣевъ. Напечатана она была первоначально въ Ж. М. Н. Пров. 1859 г., ч. СШ. „Статья эта интересна тѣмъ, что она описываетъ усадьбу Пушкина въ томъ видѣ, въ какомъ она была во время жизни тамъ поэта, въ серединѣ двадцатыхъ годовъ“.

населенія съ Пушкинымъ, несмотря на то, что въ Святыхъ Горахъ покоится его прахъ, и, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на средства Таболенскаго сельскаго общества построена здѣсь богадѣльня и читальня имени Пушкина. Но искалѣченнымъ старцамъ и старицамъ, конечно, не до пропаганды о Пушкинѣ, а въ читальнѣ такъ мало пушкинской литературы, что и ссылаться на нее нѣтъ надобности. Между тѣмъ, ни сынъ Пушкина, жившій все время по сосѣдству съ Святими Горами, въ селѣ Михайловскомъ, ни монастырскій причтъ, ни тригорскіе помѣщики никогда ничего не дѣлали къ прославленію А. С. Пушкина ни публичными лекціями о немъ, ни изданіемъ дешевыхъ или даровыхъ о немъ брошюръ для мѣстнаго населенія, ни устройствомъ народнаго театра, гдѣ могли бы по временамъ идти пушкинскія произведенія и т. д. Восполнить этотъ недостатокъ до нѣкоторой степени долженъ былъ бы исковскій комитетъ, равно и петербургская компанія, принявшіе на себя организацію чествованія Пушкина, если только идея торжества заключается въ болѣе или менѣе сознательномъ пониманіи мѣстнымъ населеніемъ того, чье имя они будутъ слышать и въ церкви, и въ театрѣ, и на площади. Нельзя же предполагать, чтобы это чествованіе заключалось въ апплодисментахъ г-жѣ Яворской, г. Арабажину, г. Львову и земскому начальнику г. Карпову. Между тѣмъ, другого чествованія я не видѣлъ, и его не было“ (37). Такимъ образомъ, народъ оказался совершенно неподготовленнымъ къ тому событію, которое, казалось бы, имѣло къ нему ближайшее отношеніе, но на которомъ онъ или вовсе не присутствовалъ, потому что не имѣлъ права присутствовать, или же, если и присутствовалъ, то какъ самый нежелательный элементъ. Надо однако оговориться: на ряду съ „господскимъ“ праздненствомъ и чествованіемъ памяти поэта съ рѣчами К. К. Случевского о томъ, что Пушкинъ проникъ въ народъ, г. Арабажина — «Русскіе писатели объ А. С. Пушкинѣ» и друг. ораторовъ, на ряду съ артистами-декламаторами и поэтами было устроено

также отдѣльно и народное празднество“... г. Фаресовъ приводитъ слѣдующее замѣчаніе объ этомъ празднествѣ корреспондента «Сына Отечества»: — „Безъ всякой надобности, но съ обидною подозрительностью, мѣста для увеселенія „черни“ откинута далеко отъ мѣста, предназначеннаго для увеселенія господъ, и по невѣроятной грязи гг. исполнители и исполнительницы должны были перемѣниться съ одной эстрады на другую. Мимо ихъ мчались тройки, четверки и пары, ѣздили господа въ закрытыхъ экипажахъ, но подобныя удобства предоставлялись или по чинамъ, или по личному знакомству. Даже одѣваться артисты должны были въ подземельѣ или бѣжать по грязи въ волостное правленіе...“ (36). Идея торжества, говорить г. Фаресовъ, выразилась здѣсь въ примитивныхъ качеляхъ для крестьянъ, столбахъ для лазанья по нимъ деревенскихъ парней и краткой рѣчи г. Кремлева о Пушкинѣ. Но мы сомнѣваемся, чтобы и эта рѣчь была для простого народа простою рѣчью о жизни и значеніи для него А. С. Пушкина. Кромѣ того, о Пушкинѣ читалъ г. Льдовъ, совершенно уже непригодный лекторъ для простого народа (36)... По окончаніи торжествъ въ Святыхъ Горахъ, съ величайшимъ трудомъ мы доѣхали до Пскова, гдѣ 29 Мая торжество въ память А. С. Пушкина было буквальный повтореніемъ того же, что было и въ Святыхъ Горахъ (44)... Народъ одинаково невѣжественно толковалъ о Пушкинѣ какъ и до юбилейнаго праздника. Невѣжество это тѣмъ болѣе характерно, что его держится населеніе у самаго очага торжествъ, гдѣ рядомъ родовое имѣніе Пушкиныхъ, и гдѣ долго жилъ сынъ покойнаго поэта; гдѣ идутъ приготовленія къ чествованію, строятся и возводятся новыя зданія, и никто не потрудился предварительно, какъ слѣдуетъ, объяснить народу, для чего же все это строится и чѣмъ Пушкинъ заслужилъ такія приготовленія? (55)... Плохо чтити современники своего поэта и при жизни, и послѣ его смерти. До сихъ поръ ничего не сдѣлано для ознакомленія народа не только съ произведеніями его творчества, но и съ простыми о немъ

свѣдѣніями. Правда, народъ до сихъ поръ безграмотенъ, но это то и доказываетъ, какъ мало старались поклонники Пушкина о томъ, чтобы и простой народъ вмѣстѣ съ нимъ чтить великаго поэта и къ столѣтней годовщинѣ его рожденія былъ бы правоспособенъ. Но вмѣстѣ съ безграмотностью мѣстное населеніе также чуждо и устныхъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ преданій о Пушкинѣ... до недавняго учрежденія въ Святыхъ Горахъ богадѣльни и читальни имени Пушкина, крестьяне не подрѣвляли и существованія великаго памятника въ ихъ монастырѣ (51).

Въ шестой главѣ — «Народъ о Пушкинскихъ праздненствахъ» — авторъ сообщаетъ подслушанныя имъ въ Святыхъ Горахъ сужденія народа о Пушкинѣ и пушкинскихъ торжествахъ, свидѣтельствующія о полномъ невѣжествѣ народа, незнаніи Пушкина и грубомъ непониманіи того, что дѣлается здѣсь, у него же на глазахъ, въ Святыхъ Горахъ „господами“.

Въ VI ч. своей брошюры авторъ приводитъ нѣкоторые характерные факты изъ чествованія памяти Пушкина волынскимъ дворянствомъ, екатерининскими инженерами и т. п.

Если брошюра А. И. Фаресова, написанная несомнѣнно подъ живымъ впечатлѣніемъ неудавшихся юбилейныхъ праздненствъ на мѣстѣ родины поэта, рисуетъ картину народныхъ нравовъ и невѣжества и въ слишкомъ стуженныхъ краскахъ, то она безусловно права, когда говоритъ о невѣжествѣ тѣхъ слоевъ общества и о индифферентности тѣхъ лицъ, на обязанности которыхъ лежало сильное содѣйствіе выполненію завѣтнѣйшихъ думъ поэта о просвѣщеніи родного народа.

Мы, вообще, слишкомъ вялы и инертны, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей жизни и творчества Пушкина. Мы не умѣемъ уважать личности, не умѣемъ цѣнить заслугъ нашихъ дѣятелей, не любимъ все, чѣмъ либо выдающееся надъ общимъ уровнемъ заурядной посредственности. Хорошо еще, если мы только индифферентны;

въ большинствѣ же случаевъ насъ возмущаетъ дерзость субъекта, обезпокоившаго наше мирное благоденствіе какою либо оригинальностью, и мы его всячески гонимъ при жизни, а послѣ смерти вѣнчаемъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, справляемъ юбилей, заявляя всему свѣту объ успѣхахъ своей культуры и просвѣщенія, о томъ, что и мы причастны цивилизаціи и умѣемъ чтить память своихъ героевъ, павшихъ, въ большинствѣ случаевъ, жертвою нашихъ же усилій. Такимъ героемъ былъ и Пушкинъ. Дни юбилейныхъ торжествъ не могутъ быть для насъ днями безусловно свѣтлыми и радостными. Они должны являться для насъ скорѣе „днями позаянія“, днями углубленія въ свою человѣческую и гражданскую совѣсть, днями строгой, нелицепріятной провѣрки своего настоящаго и накопленныхъ нравственныхъ задатковъ на будущее, потому что въ прошломъ у насъ нѣтъ почти ни одного великаго представителя мысли и таланта, о комъ могли бы мы вспомнить съ радостной думой: вотъ какихъ людей создаетъ и воспитываетъ русская жизнь и вотъ какіе вожди вдохновляютъ насъ въ нашей общественной дѣятельности. Съ каждымъ гениальнымъ именемъ у насъ связывается представленіе объ одиночествѣ человѣка, о злополучіяхъ писателя, объ угнетеніи и преслѣдованіи мыслителя. И эти имена стоятъ предъ нами живыми уроками въ нашемъ праздничномъ благородствѣ и будничномъ ничтожествѣ... Мы умѣемъ прекрасно хоронить своихъ великихъ писателей, еще лучше праздновать годовщины, мы умѣемъ произносить красивыя рѣчи и возлагать великолѣпныя вѣнцы, мы умѣемъ цѣнить чувства и идеи нашихъ великихъ поэтовъ, но не умѣемъ уживаться съ ними при ихъ жизни. И выходитъ отсюда, что устраиваемъ мы поминки и говоримъ рѣчи для того только, чтобы публично заявить о себѣ и о своей гениальности, а вовсе не въ благодарность поэту за то, что онъ свою жизнь и счастье принесъ въ жертву интересамъ родины... Не восхвалять надлежитъ намъ покойниковъ съ цѣлью бросить лучъ славы и чести и на самихъ себя, а позна-

вать самихъ себя въ прошломъ и въ настоящемъ, не выкрикивать громкихъ самохвалныхъ рѣчей, не смѣшивать съ дѣтскимъ самоуслажденіемъ исключительно личнаго величія того или другого русскаго генія съ неслыханными доблестями русскаго человѣка вообще, а помнить, что до сихъ поръ этотъ заурядный русскій человѣкъ менѣе всего поощрялъ и гордость, и свободу вдохновеній, что въ обществѣ этого русскаго человѣка почти всегда бывало и душно и тѣсно всякому таланту, что даже въ минуты восторга русскій человѣкъ больше наслаждался своей мимолетной свободой и благородной ролью, чѣмъ выражалъ жизненную основу своего гражданскаго бытія... Отсюда слѣдуетъ, что русскому человѣку не хвалиться подобаешь тѣмъ, что въ его исторіи насчитывается десятокъ глубоко-несчастливыхъ и одинокихъ великихъ людей, но смотрѣть на ихъ судьбу, какъ на жестокой укоръ своему вѣковому культурному мелководію, своей гражданской апатіи, своему обывательскому эгоизму. Ни въ одной литературѣ новаго времени нѣтъ такихъ горькихъ жалобъ писателей на свою отечественную публику, ни одна страна такъ часто и настойчиво не являлась жестокой мачехой своимъ благороднѣйшимъ дѣтямъ, ни одинъ читатель во всемъ цивилизованномъ мірѣ не вызывалъ у поэтовъ такихъ страстныхъ нареканій на толпу и чернь, и только въ русской литературной исторіи возможно партійное преслѣдованіе такого художника, какъ Тургеневъ, и такого критика, какъ Бѣлинскій, даже десятилѣтія спустя послѣ ихъ смерти... И это, по заявленію Достоевскаго, всечеловѣкъ, всеобщій братъ, способный не понимать и не признавать своихъ кровныхъ соотечественниковъ.

Такъ представляетъ себѣ задачу и условія возможности нашихъ юбилейныхъ торжествъ Ив. Ив. Ивановъ. Вышеприведенныя строки, въ которыхъ такъ смѣло и рельефно выражена вся горькая правда о русскомъ труженникѣ мысли и слова, о русскомъ писателѣ, въ которыхъ звучитъ, несомнѣнно, и скорбь наболѣвшаго сердца са-

мого писателя, взяты изъ юбилейной статьи Ив. Ив. Иванова: «Дни покаянія», печатавшейся на страницахъ журнала «Міръ Божій» за 1899 г. № 5. Установивъ извѣстную точку зрѣнія на наиболѣе рациональное отношеніе русскаго общества къ чествованію памяти своихъ героевъ, задачей своей статьи авторъ ставитъ рѣшеніе вопроса о томъ, кто былъ Пушкинъ, какъ человѣкъ, чего онъ хотѣлъ, какъ поэтъ, и какіе люди и обстоятельства встрѣтились его уму, сердцу и таланту, т. е. авторъ статьи имѣетъ въ виду точное историческое возсозданіе личной и писательской драмы поэта, которое въ концѣ концовъ должно дать читателю яркую картину современности. Художественное изложеніе, мѣткія характеристики, умѣнье дать оригинальное освѣщеніе массѣ сообщаемыхъ фактовъ — все это дѣлаетъ статью Ив. Ив. Иванова очень интересною, заслуживающею самаго серьезнаго вниманія читателя. Не въ качествѣ возраженія, но только лишь какъ разъясненіе, мы находимъ необходимымъ отмѣтить въ статьѣ Ив. Ив. Иванова не вполне, какъ намъ кажется, основательное отождествленіе взглядовъ и настроенія Достоевскаго, говорившаго о русской всечеловѣчности, со взглядами и настроеніемъ всего общества, а въ связи съ этимъ, переходя отъ частности къ общему, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ и по поводу общей постановки вопроса. Рѣчь Достоевскаго, безъ сомнѣнія, есть выраженіе только извѣстнаго міровоззрѣнія, которое могло имѣть и, конечно, имѣло и своихъ сторонниковъ, хотя уже тогда, во время открытія памятника Пушкину, не было господствующимъ. Произнесенная лицомъ, заявившимъ себя не только въ русской, но и въ европейской литературѣ, обстоятельство, которое могло дать богатый матеріалъ для развитія идеи русской всечеловѣчности, произнесенная въ минуты исключительнаго настроенія слушателей, слѣдовательно, при своеобразныхъ психологическихъ условіяхъ, рѣчь эта и не могла произвести какого нибудь другого впечатлѣнія, чѣмъ то, какое она произвела, когда слушателямъ привели очень много

любопытных фактов и сообщили, что каждый из них носит в себѣ элементы всечеловѣчности, а яркимъ выразителемъ этой всечеловѣчности явился Пушкинъ, что и дѣлаетъ его великимъ національнымъ поэтомъ. Тенденція Достоевскаго вполне понятна, равнымъ образомъ, какъ понятна и психологическая подкладка общественнаго настроенія, которое было вызвано этою рѣчью. Но не только рѣчь г. Достоевскаго и настроеніе общества, принимавшаго участіе въ торжествѣ открытія памятника Пушкину — явленія совершенно особаго порядка, явленія, — которыя историкъ безъ извѣстной оговорки не можетъ принимать во вниманіе для характеристики, изучаемаго имъ общества и его отношенія къ извѣстнымъ вопросамъ свего развитія, но и всякое чествованіе памяти великаго поэта неизбѣжно связано съ своеобразнымъ настроеніемъ и съ исключительными условіями, которыя оставляютъ свой отпечатокъ и на каждомъ даже самомъ безпристрастномъ и вполне научномъ словѣ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что всякое наше чествованіе, связанное съ именемъ того или другого поэта, излишне по своей бесполезности, а, можетъ быть, и по своей безнравственности, такъ какъ мы устраиваемъ чествованіе памяти поэта больше для того, чтобы заявить о себѣ и, вспоминая великаго человѣка, набросить нѣкоторую тѣнь величія и на себя, чѣмъ въ интересахъ извѣстныхъ требованій нашей природы и развитія общественнаго самосознанія. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы слова и мысли Достоевскаго считать ложью. Взятая внѣ исключительной обстановки, вліявшей и на форму ихъ выраженія и на характеръ ихъ воспріятія, слова Достоевскаго, равнымъ образомъ, какъ и слова всякаго оратора, находящагося въ положеніи Достоевскаго, могутъ представляться историку только какъ болѣе или менѣе удачная попытка рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ именемъ извѣстной исторической личности, а въ связи съ этимъ и попыткой рѣшенія вопросовъ историческаго существованія данной народности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждая

такая рѣчь оставляетъ и нѣкоторый осадокъ: она возбуждаетъ интересъ, интересъ вызываетъ знакомство и изученіе, а изученіе создаетъ извѣстную степень культурности, которая, если не вовсе устранить, то въ значительной мѣрѣ можетъ ослабить дѣйствіе тѣхъ тяжелыхъ условий дѣятельности нашихъ героевъ, о которыхъ говоритъ г. Ивановъ.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ согласиться съ тѣмъ, что торжественныя чествованія памяти того или другого поэта при всей исключительности и своеобразности ихъ обстановки имѣютъ свой смыслъ и глубокое значеніе уже въ томъ отношеніи, что содѣйствуютъ развитію общественнаго самосознанія и создаютъ общественную солидарность, которой у насъ, въ сожалѣнію, надо согласиться, слишкомъ недостаточно.

Второй вопросъ, на который г. Ивановъ дастъ отрицательный отвѣтъ, это вопросъ о томъ, имѣемъ ли мы вообще право устраивать торжественныя поминки своихъ великихъ людей?

Отвѣтимъ на этотъ вопросъ небольшой выдержкой изъ замѣтки А. Б.— «Предстоящая Пушкинская годовщина» — помѣщенной въ той же книгѣ журнала «М. Б.» въ отдѣлѣ «Критическія замѣтки». Авторъ замѣтки ставитъ вопросъ приблизительно такъ же, какъ и Ив. Ивановъ. Онъ говоритъ о томъ, что трагическая судьба Пушкина — это судьба русской литературы. Трагедія жизни Пушкина — это прообразъ трагедіи русской литературы. Разница между ними въ томъ, что трагедія Пушкина завершена, трагедія же русской литературы длится и не предвидится ей конца. Такъ можемъ ли мы, спрашиваетъ авторъ, чествовать память великаго поэта-страдальца съ открытой душой безъ стѣсненнаго сердца, безъ обычной для русскаго писателя горькой мысли о горькой судьбѣ русскаго писателя — „hodie tibi, cras mihi!“ Да, отвѣчаетъ авторъ, можемъ, — что бы тамъ ни было, можемъ. Въдъ этотъ праздникъ — чествованіе побѣды свѣта надъ тьмою. Какъ ни сильна тьма, какъ ни страшны ея силы,

все же свѣтъ, не меркнуцій, ясный и гордый — пробивается сквозь тьму, мало того, — заставляет и ее преклоняться предъ собою и воздать себѣ хвалу. Чествованіе Пушкина есть открытое воздаяніе заслугъ всѣмъ тѣмъ, кто пошелъ по стопамъ его, кто принялъ свѣтильникъ изъ его рукъ и не скрылъ его подъ спудомъ, а поставилъ его на горѣ, чтобы онъ свѣтилъ другимъ, и берегъ его, какъ святая святыхъ своей души, чтобы передать послѣдующимъ поколѣніямъ.

И если бы Пушкинъ воскресъ и всталъ изъ могилы, онъ одобрилъ бы это чествованіе. Вмѣстѣ съ нимъ сколько страдальческихъ тѣней порадовались бы, видя признаніе ихъ заслугъ и чествованіе „литературы расейской“. Гоголь, Лермонтовъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій, Некрасовъ, Салтыковъ, Достоевскій и тысячи безвѣстныхъ работниковъ русскаго слова, — всѣ они могли бы гордиться этимъ праздникомъ. Ибо онъ говоритъ всему міру, что не погибли ихъ усилія, и ни одна капля ихъ священной крови не пропала даромъ...“.

Говоря о михайловскомъ періодѣ жизни и дѣятельности поэта, необходимо остановиться и на другомъ крупномъ произведеніи Пушкина, романѣ «Евгеній Онѣгинъ», который былъ начатъ имъ еще на югѣ Россіи. Въ с. Михайловскомъ было написано всего 5 главъ (III—VIII) романа, но здѣсь сложился у поэта опредѣленный планъ широко задуманнаго имъ произведенія, которое въ концѣ концовъ по мысли поэта должно было дать художественную картину русскоѣ природы, русскоѣ жизни и нравовъ русскаго общества. Рассмотрите этотъ романъ, и вы, дѣйствительно, на каждомъ шагу встрѣтите въ немъ черты михайловской жизни. Михайловскій періодъ работы Пушкина надъ Евген. Онѣг. можно считать наиболѣе существеннымъ, потому что жизнь въ с. Михайловскомъ дала поэту богатый запасъ картинъ и образовъ, изъ котораго онъ впоследствии черпалъ матеріалъ для своей работы. Вопросу о томъ, какъ Пушкинъ работалъ надъ своимъ

«Онѣгинимъ», о которомъ до послѣдняго времени было извѣстно только то, что романъ этотъ есть вѣрное воспроизведеніе, вѣрная картина жизни русскаго общества начала XIX вѣка — одного изъ интереснѣйшихъ моментовъ его развитія, что романъ этотъ есть картина внутренней жизни нашего дворянскаго сословія, а вмѣстѣ съ нимъ и общества въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ избранную имъ эпоху... (Бѣлинскій), вопросу о томъ, въ чемъ заключается вѣрность дѣйствительности этого произведенія, какія черты поэтъ заимствовалъ изъ дѣйствительности и въ какой формѣ онѣ находили себѣ выраженіе въ работѣ поэта — посвящена интересная работа В. В. Сиповскаго — «Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій». Къ литературной исторіи пушкинскихъ „типовъ“ (Русск. Стар. 1899 г.).— Въ началѣ своей работы авторъ устанавливаетъ понятіе о типѣ, какъ о воплощеніи такого художественнаго образа, который создается въ творческомъ воображеніи писателя изъ соединенія однородныхъ чертъ, собранныхъ послѣ наблюденія цѣлаго ряда дѣйствительныхъ людей, близкихъ по духу одинъ къ другому. Въ связи съ этимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ доказываетъ, во-первыхъ, что герои романа — Евгений, Татьяна и Ленскій — „типы“, т. е. отвѣчаютъ не единичнымъ фактамъ русской жизни, а цѣлому ряду явленій одного порядка, во-вторыхъ, что „коллективный типъ“, соотвѣтствующій каждому изъ этихъ героевъ, нашелъ у Пушкина воплощеніе при помощи натурщиковъ, а „натурщикъ“ такой бываетъ необходимъ писателю для того, чтобы описывать свой „коллективный типъ“. Натурщика писатель находитъ для себя иногда среди дѣйствительныхъ людей, иногда такимъ натурщикомъ является какойнибудь типичный герой литературнаго произведенія (Ч. Гарольдъ, Донъ-Жуанъ и т. д.), наконецъ, писатель можетъ находить „натурщика“ годнаго для цѣлей художественнаго творчества даже и въ самомъ себѣ. Такимъ, напримѣръ, натурщикомъ для Вертера былъ самъ Гёте, для Печерина — Лермонтовъ и т. п. Установивъ

такое пониманіе „тиша“, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію литературной исторіи пушкинскихъ типовъ и указываетъ ту реальную обстановку, которая дала поэту извѣстную сумму наблюдений, или „коллективный тишъ“, соответствующій каждому изъ его героевъ, „натурщиковъ“ для которыхъ поэтъ находилъ отчасти среди литературныхъ героевъ. Здѣсь мы находимъ небезинтересныя сопоставленія типа Татьяны съ нѣкоторыми очень близкими къ ней и по характеру, и по воспитанію, и по развитію современницами, напр., съ матерью Карамзина, съ сестрой Второва, который оставилъ свои очень характерныя записки (Русск. Вѣстн. 1875 г. № 6), съ матерью С. Аксакова, съ Е. А. Протасовой, съ сестрою Пушкина и съ дочерью Карамзина, которая была очень хорошо знакома поэту. Сходство этихъ лицъ съ Татьяной заключается, напр., въ томъ, что всѣ онѣ живутъ исключительно романами; герои романовъ оказываютъ настолько сильное вліяніе на ихъ нравственность, что онѣ забываютъ и себя и окружающую ихъ дѣйствительность и всецѣло входятъ въ сферу идей и настроенія своихъ романтическихъ героевъ. Такою, между прочимъ, нарисовалъ намъ Пушкинъ и Татьяну, а это значитъ, что онъ близко зналъ ту среду, которая дала ему матеріалъ для Татьяны. Но для того, чтобы создать такой типъ, какъ Татьяна, Пушкинъ долженъ былъ не только очень близко быть знакомымъ со средою и съ тѣми романами, которые составляли любимый предметъ чтенія сверстницъ Татьяны, но онъ долженъ былъ и самъ пользоваться ими на каждомъ шагу своей работы: сравненіе извѣстнаго письма Татьяны съ письмомъ Юліи Руссо, которая была одна изъ любимыхъ героинь Татьяны, — лучшее тому доказательство. Извѣстное письмо Татьяны къ Онѣгину, какъ показываютъ сопоставленія Сиповскаго, есть поддѣлка письма Юліи къ С-Прѣ, въ которомъ Юлія отрываятъ С-Прѣ долго скрываемую любовь. „Что я хочу сказать?“ — пишетъ Юлія: „какъ прервать тяжелое молчаніе, да развѣ я уже не сказала вамъ всего (тѣмъ, что написано

письмо)? Сколько разъ клялась я, что эта тайна не выйдетъ изъ моего сердца... Я не могу жить безъ васъ... необходимо, чтобы я Васъ видѣла... Не знала тебя, я никогда не знала бы невыносимаго контраста между возвышеннымъ настроеніемъ моей души и ничтожностью моей жизни... Жизнь моя протекла бы спокойно и счастливо... наши жизни связаны навсегда, и мы можемъ быть счастливы и несчастны только вмѣстѣ... небо глухо въ моимъ мольбамъ: все отдаетъ меня тебѣ!!... Вѣчный приговоръ неба предназначилъ насъ одинъ для другого!" и т. п.

Сопоставленія, сдѣланныя г Сиповскимъ, даютъ новый матеріалъ для характеристики творчества Пушкина. Для того, чтобы даже въ мелкихъ деталяхъ своей работы остаться неизмѣнно вѣрнымъ дѣйствительности, поэтъ, создавая письмо Татьяны, продѣлываетъ ту-же работу съ письмомъ Юліи Руссо, какую могли продѣлать и, дѣйствительно продѣлывали его современники (см. записки Второва «Русск. Вѣст.» 1875 г. № 6, 471—2). Пушкинъ самъ рекомендовалъ читательницамъ свое произведеніе, говоря, что онѣ „найдутъ подъ легкимъ покрываломъ сатирической веселости наблюденія вѣрныя и безпристрастныя“ (20 прим. 2)...

Но для полнаго пониманія типа Татьяны авторъ сдѣлалъ еще нѣсколько сопоставленій ея съ тѣми героинями, съ которыми она любила себя сближать, т. е. съ Клариссой, несчастной героиней романа Ричардсона: «Кларисса Гарлоу»... и съ Дельфиной, героиней романа М-те Сталь. Сопоставленія приводятъ автора въ заключенію, что героиня Пушкина—довольно удачный сколепъ съ героинь любимыхъ ею романовъ: она вообразила себя Юліею, Клариссой и Дельфиной до того удачно, что сливается съ этими литературными образами: она говоритъ языкомъ Юліи, переживаетъ опасенія Клариссы, живетъ мечтами и думами Дельфины... (18—19). Но мы вывели съ именемъ Татьяны связывать представленіе объ „идеальной русской женщинѣ“. Изъ чертъ, характеризующихъ Татьяну, какъ русскую женщину, авторъ нахо-

дѣть возможнымъ указать только то, что она была суевѣрна, что она любила русскія сказки, русскую природу и русскую тройку. Ея „русская душа“ оказывается до того слабо связанною съ родною жизнью, что экзотическое вліяніе иностранной романтической литературы опредѣляетъ всю ея жизнь. Правда, если бы судьба оставила Татьяну въ „глуши забытаго селенья“, она, вѣроятно, въ концѣ-концовъ обратилась бы въ добродушную, хлѣбосольную, русскую помѣщицу... Судьба судила Татьянѣ иное: она попала въ высшій кругъ — въ полурусскую толпу людей, ломающихся, большею частью, копирующихъ все тѣхъ же Ловласовъ, Фабласовъ, Грандисоновъ, съ которыми Татьяна была знакома давно... Немудрено, что ея свѣтская жизнь была для нея продолженіемъ все того же романтическаго бреда (19). Этимъ авторъ объясняетъ ея вторичное признаніе. Онѣгину послѣ того, какъ ей удалось отереть, что онъ—не что иное какъ—

„...подражанье

Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истользованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ“.

„Очевидно, причину этой неувядаемой „любви“ надо искать въ какомъ нибудь постороннемъ вліяніи... И повторяемъ, думается намъ, говоритъ авторъ, что опять таки романы подсказали ей и это лишнее признаніе, и эту отповѣдь Онѣгину, за которую такъ высоко ее ставятъ русскіе критики. Иначе поступить „идеальная“ героиня не могла: ея „любовь должна была быть вѣчна, чиста и безупречна“, героиня должна „страдать“, должна быть самоотверженной и не сходить съ пьедестала. Такимъ образомъ объясняется созданія поэтомъ „коллективнаго типа“ Татьяны. Но для того чтобы этотъ типъ получилъ окончательную художественную отдѣлку, необходимо было еще оживить его при помощи „натурщика“, а такимъ натурщикомъ былъ тотъ оригиналь, о которомъ говорилъ самъ

поэтъ, но кто именно былъ этимъ оригиналомъ для Татьяны, Анна ли Вульфъ, одесская ли „Татьяна“, или кто либо другой,—рѣшить трудно. Собранные нами довольно многочисленныя примѣры, говоритъ В. В. Сиповскій, доказываютъ, что типъ дѣвушки-любительницы романовъ, живущей въ мѣрѣ идеальныхъ героевъ — типъ характерный для русской жизни: въ теченіи нѣсколько десятилѣтій росъ онъ и развивался. Пушкинъ наблюдалъ этихъ любительницъ и въ старшемъ поколѣніи русскихъ женщинъ, и въ поколѣніи своего возраста, и въ поколѣніи подрастающемъ.

Несомнѣнно, онъ встрѣчалъ не одну повлонницу Дельфины, читалъ не одно письмо, написанное языкомъ Юліи. Такимъ образомъ, для коллективнаго типа матеріала у него было довольно; но для художественнаго воплощенія ему нужна была натурщица,—такою оказалась, главнымъ образомъ, та женщина, о существованіи которой говоритъ онъ самъ, какъ объ оригиналѣ Татьяны. Но онъ, очевидно, не удовольствовался одной этою натурщицею,—онъ подошелъ къ своему созданію съ любимыми романами того времени въ рукахъ: создавая свою Татьяну, онъ вызывалъ въ памяти или, можетъ быть, даже перечитывалъ романы Руссо, Сталь и др.,—отчего въ его произведеніи сказались такіе слѣды литературныхъ воздѣйствій, которые необъяснимы при одномъ изображеніи русской дѣйствительности. Такимъ образомъ, отчасти и литературныя натурщицы (Юлія, Дельфина) помогли ему обрисовать правдиво художественный обликъ своей героини... (20, 21).

Такимъ же точно образомъ сложилась и литературная исторія Онѣгина, но для доказательства реальности Онѣгинскаго облика, у автора не оказывается такого числа историческихъ фактовъ, взятыхъ непосредственно изъ жизни, сколько ихъ было для типа Татьяны, и если мемуары и записки не помогутъ намъ доказать, что во время появленія въ свѣтъ романа Пушкина, въ тогдашнемъ обществѣ было не мало Онѣгиныхъ—то въ этомъ отно-

шеніи помогаетъ тогдашняя критика, которая прямо заявляла, что „подобныя лица часто встрѣчаются взору наблюдателя въ нынѣшнемъ положеніи общества“ (вн. Вяземскій о «Кавк. Пл.»), что ихъ можно было встрѣчать въ Петербургѣ „дюжинами“ (Булгаринъ), что это „знакомый“ человѣкъ (Полевой), что это „портретъ воспитаннаго по модѣ русскаго дворянина“ (критикъ «Благонамѣреннаго»), что „нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого рода людей“ (Кирѣевскій), что это „ходячій типъ западнаго вліянія на всѣхъ нашихъ свѣтскихъ людяхъ“ (Шевыревъ). Что же такое Онѣгинъ, черты котораго настолько заинтересовали Пушкина, что онъ занимался ихъ уясненіемъ чуть ли не въ теченіе всей своей литературной жизни? (23—24). Если мы, говорить авторъ, опять обратимся къ бібліотекѣ Онѣгина и посмотримъ, что было любимымъ его чтеніемъ, то оказывается, что Онѣгинъ еще въ ранней юности увлекался „слагоу Ловласа“, героя ричардсоновскаго романа «Кларисса Гарлоу», а когда чувства Онѣгина остыли, явилось разочарованіе, имъ овладѣла хандра, и на смѣну Ловласа его образцами сдѣлались другіе герои: Чаильдъ-Гарольдъ, который оттолкнулъ отъ себя дѣвушку, прикрываясь холодомъ своей души, Грандисонъ, который любилъ читать „проповѣди неопытнымъ“ дѣвицамъ, предлагавшимъ ему свою любовь. Если мы обратимся къ письму Онѣгина, то и тутъ встрѣтимся съ тѣмъ же вліяніемъ романовъ: на сцену появляется Руссо, съ извѣстнымъ уже романомъ „Новая Элоиза“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ находитъ возможнымъ указать нѣсколько лицъ, которыя напоминали собою Онѣгинскій типъ; таковы: другъ Карамзина—А. А. Петровъ, который рано извѣрился въ жизни, рано замкнулся въ себѣ и для всѣхъ непосвященныхъ казался „мизантропомъ“, нелюдимымъ, чудакомъ, если и не опаснымъ, то „неприятнымъ“, (28) А. Раевскій, хорошо знакомый Пушкину, въ которомъ В. В. Сиповскій видитъ главнаго „натурщика“ для героя пушкинскаго романа (30). Кромѣ этого живого лица, очевидно, былъ у Пушкина „натурщикъ, взятый изъ

литературы“: поэтъ самъ не разъ указывалъ на Чайльд-Гарольда, какъ на образчикъ, которому подражалъ Онѣгинъ, распростившись съ Ловласомъ... Наконецъ, кое какія мелочи для своего Онѣгина списалъ Пушкинъ и съ себя, о чемъ мы имѣемъ свидѣтельства Анненкова и самаго же Пушкина, который говорилъ, что въ 4-ой пѣснѣ Онѣгина онъ изображалъ свою жизнь (32—33).

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ, собранныхъ нами для объясненія исторіи Онѣгина, заключаетъ авторъ, видно, какимъ сложнымъ путемъ шло художественное воплощеніе того образа, въ которомъ современники Пушкина почти единогласно признали знакомыя черты моднаго молодого человѣка. Съ необыкновеннымъ искусствомъ сохранилъ Пушкинъ въ теченіе многихъ лѣтъ основныя черты своего героя и, мѣняя много разъ „натурщикова“, тѣмъ не менѣе, не исказилъ его сущности. Въ самомъ дѣлѣ, и Ловласъ, и Чайльд-Гарольдъ, и Раевскій, и самъ поэтъ, отчасти С.-Прё и Грандисонъ удѣлили каждое кое что, въ большей или меньшей мѣрѣ, Онѣгину,—а въ результатъ, изъ всѣхъ этихъ мозаичныхъ кусочковъ созданъ образъ, всегда вѣрный себѣ.—32. „Сущность“ же этого образа заключается въ томъ, что онъ „пародія“—что это существо ломающееся, копирующее „чужую“ жизнь (32).

А что въ лицѣ Онѣгина Пушкинъ рисовалъ „русскую пародію“, то это видно, наконецъ, изъ того, что настоящая душа его героя не разъ себя обнаруживала въ теченіе всего романа. Припомнимъ въ первой главѣ бесѣды Онѣгина съ поэтомъ, когда они—

„Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались...

Они тогда „уносились мечтой въ началу жизни молодой“—и душа Онѣгина была тогда „полна сожалѣній“... Дружба его съ Ленскимъ тоже показываетъ, что не всегда

онъ корчилъ мизантропа, что порою свое холодное презрѣніе ко всѣмъ людямъ, безъ изыатія смѣнялось у него добродушной, снисходительной „улыбкой“, въ которой сквозить живое чувство симпатіи. Для человѣка-ненавистника“ онъ слишкомъ большое значеніе придавалъ смерти Ленскаго, „окровавленная тѣнь“ котораго —

„Ему являлась каждый день“.

Для человѣка, въ которомъ умерли всѣ чувства, онъ слишкомъ легко отдается сердечному волненію; вѣдь онъ

„...чуть съ ума не своротилъ,

Или не сдѣлался поэтомъ“... 34—35.

Что касается типа Ленскаго, то онъ обрисованъ поэтомъ очень бѣгло, но онъ, подобно Татьянѣ и Онѣгину, не вымышленъ поэтомъ, а взятъ имъ изъ русской жизни, и его художественное воплощеніе шло тѣмъ же порядкомъ, что и при созданіи типовъ Онѣгина и Ленскаго... Типъ Ленскаго сложился во второй половинѣ XVIII в., въ „туманной Германіи“ и нѣсколько позднѣе, къ концу того же вѣка, ярко обрисовался и у насъ. Типъ Ленскаго авторъ сопоставляетъ съ Карамзинымъ въ извѣстный періодъ его развитія, съ А. Тургеневымъ, съ Жуковскимъ, кн. А. И. Одоевскимъ, съ С. Аксаковымъ, Телешевымъ и С. Глинкой, и находитъ между ними много общаго. Но, отвѣчая на вопросъ, какимъ образомъ шло художественное воплощеніе этого типа, авторъ приходитъ къ заключенію, что этотъ типъ слишкомъ общаго характера, что это только „коллективный типъ“, нѣсколько туманный и отвлеченный... Чувствуется, что нѣтъ рѣзкаго штриха, который, копируя натуру, оживляетъ образъ, вносить въ него живыя черты случайности. 36—44.

Итакъ, Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій не только типы, взятые поэтомъ изъ родной дѣйствительности, но типы со всѣми ихъ мельчайшими, характерными чертами. Татьяна, также точно какъ Онѣгинъ и Ленскій, русская душой не потому, что она надѣлена какими то дарами сверхчеловѣческой нравственности, присущей якобы толь-

ко русской женщинѣ, а потому, что она вѣрна русской дѣйствительности, потому, что она типъ русской женщины начала XIX в., т. е. типъ вполне историческій. Это прекрасно въ своей работѣ показали В. В. Сиповскій. Онъ привелъ цѣлый рядъ дѣйствительныхъ лицъ, охарактеризовалъ ихъ отношеніе къ жизни и литературѣ, рассмотрѣлъ во всѣхъ подробностяхъ типъ Татьяны, ея интересы и ея отношеніе къ дѣйствительности и литературѣ— и нашелъ между ними много общаго. Это дало автору право говорить о соответствіи литературнаго типа реальной дѣйствительности; это же дало автору основаніе итти въ своемъ изслѣдованіи и дальше, сопоставлять типъ Татьяны съ ея литературными сверстницами, раскрыть процессъ созданія поэтомъ этого типа, и такимъ образомъ, съ одной стороны, установить еще болѣе опредѣленную связь типа Татьяны съ русской дѣйствительностью, съ другой стороны, уважать строго критическое отношеніе Пушкина къ своей работѣ, что придаетъ ей значеніе историческаго документа и ставить въ ряду выдающихся произведеній человѣческаго слова.

Трудъ В. В. Сиповскаго — «Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій» встрѣтилъ курьезное возраженіе на страницахъ «Русскаго Архива» въ статьѣ Н. Лернера—«Новая погудка на старый ладъ». Опираясь на авторитеты Григорьева и Достоевскаго, авторъ пытается опровергнуть неоспоримый фактъ литературной связи пушкинскихъ типовъ съ типами героевъ западноевропейскихъ романовъ. Но для этого автору не достаетъ очень многого. Опровергая слишкомъ очевидное и безусловно правильное положеніе В. В. Сиповскаго, Лернеръ мужественно отстаиваетъ никѣмъ неоспариваемую мысль о томъ, что Татьяна вполне русская женщина, называя В. В. Сиповскаго новѣйшимъ представителемъ Цисаревской школы, который стремится подорвать высокое нравственное значеніе обязательной личности Татьяны, что, замѣчаетъ авторъ, вовсе неразумно. Нѣтъ, заключаетъ онъ, если ужъ Пушкинъ поэтъ истинный и великій, который былъ „самъ свой выс-

шій судъ“, признавалъ Татьяну русскою и видѣлъ въ ней свой „милый идеалъ“; если считалъ ее идеальнымъ созданіемъ русскаго народнаго поэта Григорьевъ; если называлъ ее „чистою Русскою душою“ Достоевскій, которому нельзя отказать ни въ глубокомъ критическомъ чувствѣ, ни въ пониманіи Русскаго національнаго духа, ни въ изумительно-вѣщемъ проникновеніи въ человѣческую душу: то не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, звучать слова г. Сиповскаго, да еще подкрѣпляемые столь своеобразными доказательствами, въ родѣ: „думается намъ“, или „какъ иначе объяснить“? и т. п. (хотя къ нимъ нерѣдко прибѣгаетъ и самъ авторъ; напр., стр. 52). Странно и непріятно въ наше время, продолжаетъ онъ, послѣ Достоевскаго и Григорьева, встрѣчать образчики столь близорукой критики, столь ложнаго пониманія“. Попутно достается отъ автора, конечно, и журналу «Русская Старина», помѣстившему на своихъ страницахъ такую работу, какъ работа Сиповскаго.

3-го Сентября фельдъегерь увезъ Пушкина въ Москву. Вѣсть объ освобожденіи поэта быстро разнеслась по всему городу и радостно была встрѣчена московскимъ обществомъ. Казалось, что вмѣстѣ съ поэтомъ и оно торжествовало свою побѣду. Но торжество это, какъ извѣстно, продолжалось очень недолго. Вскорѣ обнаружилось, что положеніе вещей въ сущности ничуть не измѣнилось къ лучшему. Во всякомъ случаѣ съ этого времени Пушкинъ сталъ въ самыя близкія отношенія къ Москвѣ и не порывалъ этихъ отношеній въ теченіе всей своей жизни. Онъ всегда любилъ Москву и посѣщалъ ее очень часто. Такое отношеніе Пушкина къ Москвѣ оставило несомнѣнно свой слѣдъ на поэтѣ, но и Москва, съ своей стороны, не могла оставаться безучастною къ тому человѣку, который обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Что же Москва дала поэту и что самъ онъ сдѣлалъ для другихъ? Этому вопросу посвящена статья Ив.

Казанскаго—«Отношеніе А. С. Пушкина къ Москвѣ» (Русск. М. 1899—V). Для рѣшенія намѣченнаго вопроса, авторъ въ общихъ чертахъ старается выяснитъ, какъ смотрѣлъ на Москву самъ поэтъ, для чего приводитъ изъ его сочиненій и писемъ рядъ отзывовъ о Москвѣ, которые характеризуютъ его отношеніе къ ней. Въ этихъ отзывахъ можно замѣтить нѣкоторую двойственность настроенія Пушкина: съ одной стороны онъ недоволенъ Москвою за характеръ ея жизни, за пошлыя и ничтожныя ея традиціи, которыми жилъ знакомый поэту кругъ московскаго барства, съ другой стороны, онъ хвалитъ Москву за ея любовь къ просвѣщенію, наукѣ, искусству и литературѣ, за то, что она „донинѣ центръ нашего просвѣщенія“. И эта двойственность настроенія поэта имѣла извѣстныя фактическія основанія.

Первое, что поэтъ взялъ изъ Москвы—это изображеніе ея патріархальной и полной отжившихъ традицій жизни, которая такъ не нравилась поэту, но которую онъ понималъ такъ прекрасно. Знакомство съ этою „грибоѣдовскою“ Москвою дало поэту большой матеріалъ для романа «Евг. Онѣгинъ», конецъ VI-й и вся VII глава котораго представляютъ изъ себя точное воспроизведеніе впечатлѣній „мертващаго упоенія свѣта“, скуки, суеты и пустоты московской жизни—черта не лишняя интереса для изученія исторіи и характера литературной дѣятельности поэта. Но Москва всегда привлекала поэта другою стороною своей жизни. Онъ цѣнилъ ее какъ центръ просвѣщенія и въ этомъ отношеніи воспользовался ею, какъ орудіемъ для распространенія въ обществѣ серьезной, честной и содержательной литературы, а такая дѣятельность была органической потребностью Пушкина.

Когда, по приѣздѣ въ Москву, Пушкинъ сблизился съ кружкомъ Веневитинова и, при своей наблюдательности, сумѣлъ понять, что кружокъ составляютъ люди съ честнымъ образомъ мыслей, когда, далѣе, онъ сумѣлъ угадать въ этихъ людяхъ „умъ, даровитость и въ осо-

бенности искреннюю, безкорыстную преданность интересам литературы“, тогда, при первом же возникновении среди них мысли объ издапіи журнала, онъ всячески поддерживалъ эту мысль, настаивалъ на приведеніи ея въ исполненіе и рекомендовалъ приниматься за предпріятіе скорѣе. Съ 1827 г., подъ редакторствомъ М. П. Погодина, началъ свое существованіе «Московскій Вѣстникъ», и Пушкинъ былъ очень доволенъ: теперь „ученость, любовь къ искусству и таланты“, издавна сохранявшіеся, по его словамъ, въ Москвѣ, будутъ вліять въ добрую сторону на русскую литературу и русское читающее общество. Во всякомъ случаѣ, заключаетъ авторъ, основаніе «Московского Вѣстника» слѣдуетъ считать хотя до нѣкоторой степени личнымъ дѣломъ Пушкина. Многіе изъ изслѣдователей однако, смотрятъ на отношеніе поэта къ московской журналистикѣ нѣсколько иначе. Анненковъ видитъ въ Пушкинѣ сторонника неподвижности и рутины, Кс. Полевой склоненъ считать его аристократомъ, желающимъ послушанія и денегъ, а г. Л. Майковъ готовъ думать, что онъ предпочиталъ людей ничтожныхъ сравнительно съ бойкими и наторѣлыми въ журнальномъ дѣлѣ. Въ опроверженіе недостаточной обоснованности положеній этихъ изслѣдователей авторъ приводитъ три письма изъ переписки Пушкина, которыя проливаютъ свѣтъ на отношеніе поэта къ журналистикѣ и ея дѣятелямъ и совершенно идутъ въ разрѣзъ съ представленіями Анненкова, Кс. Полевого и Л. Майкова. Въ 1830 году прекратилось изданіе «Московского Вѣстника», а 1832 сталъ выходить новый журналъ «Европеецъ» подъ редакторствомъ Ив. Кирѣевского. И въ этомъ московскомъ журналу Пушкинъ относился съ большимъ сочувствіемъ. Этотъ журналъ, по мнѣнію Пушкина, долженъ былъ очистить воздухъ, и ему Пушкинъ обѣщалъ свое полное содѣйствіе. Въ 30-хъ же годахъ въ Москвѣ возникаетъ еще журналъ «Московскій Наблюдатель». Пушкинъ и въ этомъ журналѣ принималъ участіе. Москва, такимъ образомъ, въ теченіе большей части жизни

поэта была какъ бы средствомъ для борьбы съ разными мутными теченіями въ современной ему журналистикѣ и орудіемъ для постановки на надлежащую высоту его умственныхъ и духовныхъ интересовъ. Столь ясно сознаваемое имъ убѣжденіе въ потребности хорошаго журнала онъ нѣсколько разъ пробуетъ осуществить при помощи Москвы, и до нѣкоторой степени получаетъ отъ столицы удовлетвореніе: во всякомъ случаѣ, московскіе журналы всегда вызвали полемику и вносили въ журналистику оживленіе“.

Итакъ, Пушкинъ, какъ журналистъ, въ теченіе всей своей дѣятельности стремился къ тому, чтобы сдѣлать журналъ органомъ общественнаго мнѣнія, общественной совѣсти и общественныхъ интересовъ, чтобы журналъ былъ силой, направляющей и руководящей людей. Въ этомъ заключается идеалъ журнала, какъ общественнаго органа, идеалъ, который достигается длинной исторіей развитія общественнаго самосознанія, и въ этой исторіи несомнѣнно видное мѣсто принадлежитъ Пушкину. Но изображая на основаніи своихъ наблюденій свучную, пустую и бѣдную Москву и пользуясь для своихъ цѣлей московскими талантами, любовью къ искусству и ученостью, Пушкинъ служилъ далеко не себѣ только. Разсмотрѣннѣю вопроса о томъ,—что далъ поэтъ другимъ—посвящена четвертая глава статьи г. Казанскаго.

Какъ великій поэтъ, говоритъ авторъ, Пушкинъ даетъ множество богатыхъ, яркихъ и живыхъ картинъ. Въ этихъ картинахъ живутъ люди, дышитъ природа, рисуются деревни и города, въ томъ числѣ, какъ мы видѣли, и Москва. Всмотриваясь по произведеніямъ Пушкина въ эти картины, нельзя не представить себѣ хотя бы жизнь той же старинной Москвы, нельзя не убѣдиться, что въ этой жизни много никому и ни на что ненужнаго, пошлаго и мелкаго. Итакъ, заключаетъ авторъ, въ городѣ традицій, какимъ была для Пушкина Москва, онъ нашель какъ для себя, такъ и для другихъ много цѣннаго. Поэтъ не отшатнулся отъ столицы, какъ ни рас-

полагала она, повидимому, къ самому невыгодному мнѣнію о себѣ. Напротивъ того, при широтѣ своихъ взглядовъ, Пушкинъ сумѣлъ отдѣлать дурное въ московскихъ традиціяхъ отъ хорошаго и никогда не смѣшивалъ одного съ другимъ. Дурное онъ подвергалъ осмѣянію при помощи своего высокаго дарованія, хорошее же чтить всю свою жизнь.

Въ селѣ Михайловскомъ, точно такъ же какъ и во время пребыванія на югѣ Россіи, Пушкинъ любилъ уходить въ народъ, наблюдать его жизнь и нравы, слушать и записывать непосредственно изъ устъ народа преданья старины глубокой. Такое общеніе поэта съ народомъ, въ жизни котораго онъ всегда видѣлъ неизсякаемый источникъ для своего художественнаго творчества и старался пользоваться имъ на каждомъ шагу своей литературной дѣятельности, имѣетъ очень важное значеніе въ исторіи нашей литературы и просвѣщенія. Авторитетъ Пушкина поддерживалъ въ литературѣ, а въ связи съ нею и въ обществѣ, интересъ въ народу, его жизни и творчеству. Въ этомъ заслуга поэта передъ русской этнографіей въ болѣе широкомъ и въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова. Характеристику Пушкина, какъ поэта-этнографа и оцѣнку его заслугъ передъ русской этнографіей, далъ намъ проф. Всев. Миллеръ въ своемъ изслѣдованіи «Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ», которое авторъ читалъ въ публичномъ засѣданіи этнограф. Отдѣла И. О. Л. Естествоз., Антроп. и Этнографіи 25 мая 1899 г. — (Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ. Съ приложеніемъ неизданныхъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ А. С. Пушкинымъ. М. 1899 г.).

Задачей своего изслѣдованія проф. Миллеръ ставитъ оцѣнку заслугъ и значенія Пушкина, какъ поэта-любителя и знатока духовнаго творчества русскаго простонародія, цѣнителя роднаго языка, собирателя народныхъ пѣсенъ и сказозовъ, т. е. оцѣнку заслугъ поэта, какъ этнографа въ болѣе узкомъ, спеціальному смыслѣ этого слова, такъ какъ всякій писатель, рисующій картины жизни

и понятія своихъ современниковъ, отдѣльныхъ личностей своего народа при правдивости изображенія, можетъ быть также названъ въ извѣстномъ смыслѣ „народописателемъ“, можетъ также давать матеріалъ для этнографа, изучающаго духовную жизнь народа. Суживая, такимъ образомъ, свою задачу, авторъ сознается, что онъ все таки долженъ ее расширить ради исторической справедливости. Я долженъ уяснить, говорить проф. Миллеръ, какими путями дошелъ Пушкинъ до пониманія духа народности, выразившагося въ его гениальномъ воспроизведеніи народныхъ мотивовъ, что содѣйствовало ему и съ какими препятствіями и въ собственномъ воспитаніи и во взглядахъ его современниковъ ему приходилось считаться. Такимъ образомъ, ради исторической перспективы, которая необходима для научной оцѣнки дѣятельности каждаго выдающагося лица—бабъ сына своего времени, авторъ считаетъ необходимымъ напомнить и нѣкоторые моменты жизни Пушкина и коснуться нѣкоторыхъ изъ его предшественниковъ и современниковъ (4) и прежде всего останавливается на французскомъ вліяніи въ русскомъ дворянствѣ начала XIX стол., жизни семьи поэта и домашнемъ воспитаніи (8), говоритъ о вліяніи лицейской среды (10) на выработку въ поэтѣ понятія о народности (14), о двухлѣтнемъ пребываніи Пушкина въ Петербургѣ, когда французскій языкъ все еще оставался для поэта *plus familière que la notre* (15), и переходитъ къ изложенію развитія въ поэтѣ сознательнаго отношенія въ русскому слову (16), отношенія, которому, по мысли автора очень содѣйствовала его высылка изъ Петербурга, путешествіе на югъ, жизнь въ Кишиневѣ и затѣмъ пребываніе въ деревенской глуши въ Михайловскомъ, гдѣ Пушкинъ, оставивъ столицу съ ея условными формами языка и мысли въ аристократическихъ салонахъ, „опростился“, сталъ изучать пеструю жизнь во всемъ ея разнообразіи, уподобляясь тѣмъ художникамъ (пленеристамъ), которые изъ городской студии съ условными освѣщеніемъ и манекенами, переодѣтыми въ костюмы, выносятъ свои моль-

берты на чистый воздухъ, наблюдая природу, свѣтовые эффекты и типы людей во всей ихъ реальной правдѣ (17). Этнографическій интересъ развивался въ поэтѣ параллельно съ изученіемъ языка. На Кавказѣ Пушкинъ знакомился съ бытомъ черкесовъ, въ Крыму—съ бытомъ южно-бережскихъ татаръ, въ Кишиневѣ и Одессѣ—съ цыганами, греками, итальянцами, албанцами, сербами, болгарами (23, 24) и всюду искалъ случая дополнить недостатки своего образованія научнымъ чтеніемъ историческихъ и этнографическихъ книгъ. Въ Михайловскомъ начинается непосредственная запись поэтомъ народныхъ произведеній, преимущественно сказокъ (25), а также и народныхъ пѣсень (26). Благодаря любви къ народу и его пѣснопѣнію, благодаря счастливой памяти, Пушкинъ зналъ множество и другихъ народныхъ пѣсень наизусть, выучивъ ихъ либо изъ тогдашнихъ сборниковъ (Чулкова, Новикова и др.), либо перенявъ отъ народа, такъ что въ свое время онъ былъ дѣйствительно однимъ изъ лучшихъ знатоковъ русской народной поэзіи (32). „Во всѣхъ областяхъ народнаго творчества мы видимъ у Пушкина, говорить проф. Миллеръ, добросовѣстное изученіе подлиннаго народнаго достоянія, нерѣдко изъ первыхъ рукъ, руководимое вполне сознательнымъ убѣжденіемъ въ необходимости такого внимательнаго изслѣдованія народности (32).

Въ дѣлѣ изученія народности Пушкинъ не имѣлъ предшественниковъ, шелъ по этому пути самостоятельно, вынесъ свое убѣжденіе не изъ научной литературы, а изъ личныхъ наблюденій... Мастерскимъ, не превзойденнымъ до сихъ поръ, воспроизведеніемъ народнаго духа и колорита, достигнутымъ имъ въ нѣкоторыхъ, къ сожалѣнію, не оконченныхъ наброскахъ еще въ 1825 г., онъ обязанъ не одному геніальному своему дарованію, но и внимательному собиранію и изученію народныхъ образцовъ, которые раскрыли ему народность такую, какою она не представлялась раньше ни ему, ни его предшественникамъ (33). Чтобы выяснитъ самостоятельные шаги, которые сдѣлалъ въ этомъ направленіи поэтъ при всей своей

научной неподготовленности и полуфранцузскомъ воспитаніи, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію того, каково было отношеніе къ народному элементу въ поэтической литературѣ и какъ предшествовавшіе Пушкину поэты пользовались этимъ элементомъ. Что касается перваго крупнаго произведенія Пушкина въ народномъ духѣ «Русланъ и Людмила», то профессоръ Миллеръ находитъ, что въ этомъ произведеніи Пушкинъ не сумѣлъ выдержать колорита народности русской сказочной старины. Народно-русское, кромѣ нѣкоторыхъ сказочныхъ мотивовъ, представлено въ немъ только нѣкоторыми историческими или эпическими именами (40).

Но, не говоря уже о художественномъ достоинствѣ поэмы для своего времени, она въ исторіи нашей поэзіи никогда не потеряетъ значенія, какъ первый опытъ поэтической разработки мотивовъ изъ русскаго сказочнаго міра юнымъ авторомъ, еще мало съ этимъ знакомымъ, но рискнувшимъ, наперекоръ чопорности современниковъ, воспользоваться (*horribile dictu!*), между прочимъ, деталями лубочной сказки и внести въ языкъ поэмы не мало бойкихъ чисто народныхъ выраженій (42). По поводу «Евгенія Онегина» авторъ говоритъ слѣдующее: всѣ перлы поэзіи Пушкина и русской поэзіи вообще создались въ деревнѣ съ ея родными мирными картинами природы и знакомыми типами населенія, которая должна была захватить впечатлительность поэта съ тѣмъ большею силою, что онъ уединился въ ней послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бурной жизни на югѣ, среди картинъ совершенно другого характера. Эти перлы поэзіи Пушкина являются продуктами спойнаго, вдумчиваго труда великаго мастера, вполнѣ освободившагося отъ постороннихъ вліяній, сознаващаго свойства своего дарованія и намѣтившаго ему цѣль въ художественномъ творествѣ (44, 45). Изложивъ литературную дѣятельность А. С. Пушкина съ точки зрѣнія отношенія его къ вопросамъ этнографіи, проф. Миллеръ останавливается на виртуозности стихотворнаго склада сказокъ поэта (50), который, какъ великій мастеръ стиха, не довольствуется

однимъ разъ выбранымъ размѣромъ, по играетъ на разные лады (51), выбирая для каждой сказки оригинальный стихъ.

Въ заключительныхъ строкахъ авторъ еще разъ повторяетъ, что главнымъ стимуломъ, направившимъ поэта на путь народности, былъ не одинъ чисто-художественный интересъ, но искренняя любовь къ народу. Какъ теоретикъ, Пушкинъ не могъ вполне разобраться въ вопросѣ о народности, хотя дѣлалъ попытки формулировать свои взгляды. Какъ русскій патриотъ, онъ цѣнилъ проявленіе народности въ ея творествѣ, какъ художникъ, съ тонко развитымъ чувствомъ красоты, онъ любилъ всѣмъ, что находилъ въ этомъ творествѣ прекраснаго, искренняго, сильнаго, въ чемъ ярко отпечатлѣлся народный характеръ. Для него увлеченіе народностью было не дѣломъ мимолетнаго каприза...—глубокое пониманіе и правдивое воспроизведеніе народныхъ мотивовъ далось Пушкину при помощи серьезнаго изученія и пристальныхъ наблюденій (53). Заслуги Пушкина для русской этнографіи, не смотря на всю кажущуюся намъ ихъ незначительность, несомнѣнны...

За словами и дѣйствіями поэта, начиная съ первыхъ шаговъ его авторитета, напряженно слѣдила вся образованная Россія... И вотъ этотъ „властитель думъ“ и печатно и устно исповѣдуетъ свою любовь къ народному языку и поэзіи, говоритъ о прелести народныхъ сказокъ, самъ записываетъ пѣсни и духовные стихи, восторгается мѣткостью пословицъ, завидуетъ чистотѣ языка московскихъ просвирень, переводитъ для заѣзжаго французскаго литератора (Loewe-Weimars), чтобы его познакомить съ характеромъ русской народной поэзіи, нѣсколько простонародныхъ пѣсенъ на франц. языкъ и проч. и проч. Такое отношеніе высокаго авторитета къ народному духовному достоянію не могло остаться безплоднымъ въ кругу его поклонниковъ, цѣнителей его ума и таланта. Примѣру Пушкина въ дѣлѣ собиранія пѣсенъ и сказокъ слѣдуютъ другіе: назовемъ Дала, Языкова, снабжавшихъ

Кирѣвскаго своими матеріалами, Гоголя, записывавшаго малорусскія пѣсни и преданія... Не говоримъ уже о реальномъ изображеніи народности, которая послѣ Пушкина становится основной идеей нашей литературы (54) И я увѣренъ—заключаетъ авторъ—что для многихъ пушкинскія сказки связаны съ воспоминаніями о дѣтскихъ годахъ, что Пушкинъ первый ввелъ многія поколѣнія нашего общества въ міръ народной фантазіи (55).

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о заслугахъ Пушкина, какъ поэта-этнографа, стоитъ вопросъ о народности, или національности его творчества. Вопросъ этотъ различно рѣшался въ русской литературѣ, и до сихъ поръ его можно считать нерѣшеннымъ. Такимъ онъ будетъ оставаться, надо полагать, еще долгое время, но крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о томъ, что такое „народность“, какою сумму явленій можно назвать этимъ именемъ, можетъ ли въ жизни народа, не сошедшаго еще съ исторической сцены, быть нѣчто такое, что въ связи съ физическимъ типомъ всегда составляло бы его характерныя черты, можно ли, наконецъ, того или другого поэта, въ данномъ случаѣ Пушкина, не только называть поэтомъ „народнымъ“ или „национальнымъ“, но и указывать тѣ черты въ его творчествѣ, которыя будто бы опредѣляютъ его „национальность“. Итакъ, пока не разработанъ основной вопросъ, трудно рѣшать то, что стоитъ съ нимъ въ тѣсной связи. Этимъ, конечно, нисколько не исключается право говорить о томъ, что «Зима» у Пушкина—не французская, а настоящая русская зима, что Татьяна—идеаль русскій женщины и т. п., и юбилейная литература довольно подробно обсуждаетъ вопросъ о подобной „национальности“ поэзіи Пушкина; но обсужденія эти всетаки не даютъ ничего оригинальнаго ни въ смыслѣ общей постановки вопроса о „национальности“, ни въ смыслѣ развитія и рѣшенія этого вопроса въ примѣненіи его къ поэзіи Пушкина. Въ большинствѣ случаевъ юбилейная литература повторяетъ на разные лады одно и то же, исходя изъ

опредѣленія „народности писателя“ даннаго самимъ поэтомъ, или же изъ извѣстнаго замѣчанія по поводу „народности Пушкина“, сдѣланнаго Гоголемъ, пользуясь при этомъ А. Григорьевымъ, Достоевскимъ и Страховымъ, которымъ принадлежитъ наиболѣе рѣзкая постановка вопроса и отъ которыхъ до послѣднихъ дней идутъ всѣ дальнѣйшія разсужденія о „народности Пушкина“.

Почему этотъ вопросъ до сихъ поръ не сходитъ со сцены и почему, въ то же время, его обходятъ молчаніемъ при изученіи всѣхъ, слѣдующихъ за Пушкинымъ, и не менѣе народныхъ русскихъ писателей—объясняется тѣмъ, что литературная дѣятельность Пушкина, какъ выдающееся явленіе, уже при жизни поэта, въ эпоху необычайнаго подъема общественнаго самосознанія и духовныхъ интересовъ общества, была предметомъ самаго широкаго и разносторонняго обсужденія, которое тогда же намѣтило цѣлый рядъ вопросовъ, такъ или иначе связанныхъ съ изученіемъ литературной дѣятельности поэта. Къ числу такихъ вопросовъ относится, напр., вопросъ о „байронизмѣ“ Пушкина; къ этимъ же вопросамъ принадлежитъ и вопросъ о „національности“ нашего поэта, вопросъ, тѣсно связанный съ современнымъ Пушкину общественно - философскимъ теченіемъ, которое впоследствии отлилось въ форму ученія слованофиловъ о началахъ общественнаго и политическаго развитія русскаго народа. Послѣдующая критика, продолжая работу изслѣдованія, шла въ томъ же направленіи: она—повторяла и развивала разъ намѣченные вопросы, чѣмъ еще больше утверждала за ними право гражданства въ исторіи изученія литературной дѣятельности Пушкина. Вотъ почему и теперь еще мы говоримъ о „байронизмѣ“ Пушкина, хотя на ряду съ увлеченіемъ Байрономъ находимъ у поэта болѣе рѣзкія черты вліянія Шатобріана. Вотъ почему и теперь еще мы говоримъ о томъ, что въ поэзіи Пушкина воплотился духъ русской народности со всѣми чертами ея необыкновеннаго характера и удивительныхъ дарованій вмѣсто того, чтобы говорить только о художе-

ственномъ реализмѣ и основныхъ мотивахъ творчества поэта.

Прекрасной иллюстраціей въ тому, въ какомъ положеніи въ настоящее время находится вопросъ о „національности“ Пушкина, можетъ служить рядъ статей, помѣщенныхъ въ изданіи—«Памяти Пушкина. — Празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина въ учебныхъ заведеніяхъ Кіевскаго учебнаго Округа»¹⁾).

Наиболѣе правильную постановку вопроса „о національности“ даетъ М. Азбукинъ въ статьѣ «Національно-художественное значеніе поэтической дѣятельности А. С. Пушкина» (стр. 515) Наибольшую заслугу писателя, говоритъ онъ, составляетъ то, что называютъ народностью или національностью поэта. Современная Пушкину критика очень узко и поверхностно понимала народность и въ самомъ «Евгеніи Онѣгинѣ» не находила никакихъ другихъ слѣдовъ народности, кромѣ названій петербургскихъ улицъ и ресторацій. Опровергая существующій взглядъ, вотъ что, между прочимъ, писалъ самъ поэтъ:

---

¹⁾ Изданіе это представляетъ изъ себя отчетъ о томъ, какъ былъ отпразднованъ Пушкинскій юбилей въ учебныхъ заведеніяхъ Кіевскаго Округа, и состоитъ изъ трехъ книгъ или отдѣловъ. Первый отдѣлъ составляетъ программы празднованія юбилея (IV+96); второй (IV+550)—статьи и рѣчи профессоровъ Ист. Ф. Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ и преподавателей средне-учебныхъ заведеній и третій отдѣлъ—рѣчи преподавателей Учительскаго Института, городскихъ и начальныхъ училищъ и стихотворенія въ память Пушкина. Послѣдній Пушкинскій юбилей былъ, въ широкомъ смыслѣ слова, школьнымъ праздникомъ, а потому было бы весьма желательно, чтобы кіевское изданіе было только началомъ цѣлаго ряда подобныхъ же изданій, за которыми навсегда останется извѣстный интересъ и историко-литературное значеніе. Разсматриваемое нами изданіе составлено подъ редакціей И. В. Посадскаго. Кіевъ, 1900 г. Аналогичное изданіе представляетъ вышедшій нѣсколько раньше Сборникъ Кавказскаго уч. Округа, изданный подъ редакціей П. Кумскаго. Тифлисъ 1899. См. Приложение къ Цирк. по Учравл. Кавк. Учеб. Окр. за 1899 г. № 16.

„Народность въ писателѣ есть достоинство, которое „вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками; есть образъ мыслей и чувствованій; есть тѣма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра, даютъ каждому народу особенную фizioномію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи“. Такимъ образомъ, творческое восозданіе самой жизни народа, его прошлыхъ судебъ и настоящаго быта, восозданіе живой народной души и составляетъ, по Пушкину, содержаніе и основу народно-поэтического изображенія“... Въ этомъ же смыслѣ говорить о національно - художественномъ значеніи поэзіи Пушкина и самъ авторъ, указывая наиболѣе крупныя черты національнаго міровоззрѣнія и сочувствій поэта: историческую вѣрность и художественную реальность его литературныхъ типовъ, любовь къ народу, его быту, поэзіи и историческому прошлому и нетерпимое отношеніе къ крѣпостному праву. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ поэта совершеннѣйшимъ представителемъ пробудившагося русскаго самосознанія, высшею творческою силою, которая въ своихъ бессмертныхъ образахъ и звукахъ воплотила основные народно-русскіе идеалы.

Н. А. Петровъ въ статьѣ «Народныя черты и симпатіи въ поэзіи Алекс. С. Пушкина» (75—96), обходя всѣ, какъ онъ говоритъ, полумистическія теоріи о русской народности, хочетъ показать, что Пушкинъ, какъ вообще и всякій другой гениальный поэтъ или художникъ, былъ центральнымъ отраженіемъ кипящей вокругъ него русской жизни и не только жизни образованнаго ея слоя, а и чисто-народной жизни по-скольку она вторгалась и переплеталась въ тѣ времена съ бытомъ помѣщичьяго класса, хочетъ показать, что въ поэзіи Пушкина есть немало такихъ чертъ общности его съ народною массою, которыя какъ разъ были бы въ лицу какому нибудь идеальному простолудину съ тонко развитымъ чувствомъ и мышленіемъ, но отнюдь еще не порвавшему связей съ „землею“, еще тяготящему къ ней и любящему ее. Обра-

щая вниманіе на типъ Татьяны и отношеніе къ нему поэта, авторъ въ этомъ типѣ усматриваетъ нѣкоторыя автобіографическія черты. Въ характерѣ, наприм., Татьяны рѣзко выступаютъ черты мистическаго настроенія, которое вообще присуще природѣ русскаго человѣка. Мистицизмъ, между прочимъ, составлялъ всегда одну изъ особенностей и натуры поэта, о чемъ свидѣлствуютъ многіе факты изъ его жизни и литературной дѣятельности. Другая, подобная же характерная черта природы поэта—это его органическая любовь къ народному творчеству.

Наиболѣе смѣлую, но менѣе оригинальную попытку рѣшенія вопроса о національности и ея отраженіи въ поэзіи Пушкина даетъ Б. Яковлевъ въ обширной статьѣ «Національныя особенности и отраженія ихъ въ произведеніяхъ Пушкина» (132—186). Статья открывается двумя выдержками изъ Н. Я. Данилевскаго («Россія и Европа» изд. 1871 г. стр. 127—объ общечеловѣческомъ и всечеловѣческомъ) и П. Е. Астафьева («Національность и общечеловѣческія задачи» М. 1890 г., стр. 12 и 13—о различномъ пониманіи различными народами одного и того-же факта).

Приводя выдержки, авторъ дѣлаетъ такое заключеніе: „Такимъ образомъ, говоритъ онъ — національность надо признать живымъ органомъ, черезъ который осуществляется временно и мѣстно идея всечеловѣчества. Въ національномъ нѣтъ ничего истинно великаго. Национальными можно назвать тѣ черты, которыя удерживаютъ данный народъ во все время труднаго историческаго пути, которыя такъ или иначе выражались въ характерѣ большинства, въ устойчивости формъ быта, въ постоянствѣ извѣстныхъ идеаловъ“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ указываетъ тѣ черты народной психологіи, которыя чаще всего и наиболѣе рельефно выступаютъ въ исторіи русскаго народа. Уже на первыхъ порахъ исторической жизни народа обнаруживается его мирный характеръ въ противоположность народамъ за-

пада, гдѣ первый порядокъ водворялся пасиліемъ. Не отъ правъ своихъ отказывались наши предки, говорить авторъ, а отъ тяготъ сопряженныхъ съ властью. И потому русскій народъ не разъ отказывался отъ властвованія: такъ было въ смутное время, такъ было и при Аннѣ Иоанновнѣ. Тоже довѣріе къ власти и равнодушіе къ приманкамъ политическихъ правъ обнаружилъ народъ и при попыткахъ декабристовъ, и на нашихъ глазахъ—къ социалистическимъ всякимъ затѣямъ. Тѣми же „мирными“ свойствами объясняется слабый отпоръ московскимъ „собираателямъ“ со стороны удѣльныхъ князей, Новгорода и Пскова, и Малороссіи и стихійное тяготѣніе большинства народа къ всероссійскому единству. Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, одного главнѣйшаго мотива для развитія „хищническихъ“ свойствъ въ русскомъ народѣ—политической борьбы—почти не было. Разсуждая такимъ образомъ и дальше Б. Яковлевъ говоритъ, что въ исторіи русскаго общества не было не только политической борьбы, но русскій человѣкъ не зналъ также ни борьбы сословной, ни экономической борьбы, въ силу чего большинство русскаго народа сохранило исонныя мирныя черты благожелательства и довѣрія другъ къ другу, кровнаго, такъ сказать, единенія въ „отечествѣ“, „землѣ“, „мірѣ“, „громадѣ“. Между тѣмъ какъ западныя націи, ожесточившись въ многовѣковой борьбѣ за разныя „права“, добившись многихъ эфемерныхъ видовъ свободы, потеряли самую почву свободы—землю, и стоятъ теперь, раздѣлившись на два непримиримо враждебные лагеря, имущихъ и неимущихъ, въ ежечасной готовности къ кровавому столкновенію... Покоряя народы, мы не вводили тамъ крѣпостнаго права, не обращали въ рабовъ, не лишали имущества, мы не „высасывали кровь“ съ завоеванныхъ,—какъ испанцы, англичане, голландцы и другіе—съ своихъ колоній, а, наоборотъ, владемъ до сихъ поръ на нихъ государственныя средства. Наши отношенія къ побѣжденнымъ иногда до того снисходительны, что со стороны можно подумать, что не мы завоевали, напр.,

Финляндію, а она насъ... Sic! Въ концѣ концовъ, авторъ считаетъ необходимымъ признать слѣдующія черты національными устойчивыми особенностями и исконными чертами мирнаго русскаго характера: совѣстливость и благожелательство, съ происходящими изъ нихъ требовательностью въ себѣ и снисходительностью въ другимъ..., предпочтеніе интересовъ внутренней жизни, неспособность и несклонность русскаго человѣка въ нѣкоторымъ задачамъ внѣшняго порядка жизни..., консерватизмъ этого порядка и сила преданія, оптимизмъ русскаго человѣка по отношенію ко всякимъ невгодамъ и бѣдамъ и его спокойная выносливость, краткость и простота рѣчи. Теперь остается только подыскать нѣчто соотвѣтствующее этимъ мирнымъ чертамъ характера русскаго народности въ поэзіи Пушкина, и вопросъ можно считать рѣшеннымъ. Пушкинъ, заключаетъ авторъ, послѣ длиннаго ряда разысканій чертъ совѣстливости и благожелательства въ литературной работѣ поэта, въ своей личности, въ своей жизни и въ своихъ произведеніяхъ отразилъ полностью національныя чувства русскаго народа, какъ повседневныя, реальныя, такъ и очищенныя въ огнѣ высшихъ поэтическихъ созерцаній; выразилъ не только что есть и что было, но и то, что должно быть.

А. Г. Балдовскій въ статьѣ—«Пушкинъ, какъ національный поэтъ - художникъ» (III, 52—59), сопоставляя празднованіе столѣтняго юбилея съ московскимъ праздненствомъ открытія памятника поэту, указываетъ на то, что московское праздненство было дѣломъ преимущественно ученыхъ и литераторовъ; празднованіе же столѣтняго юбилея принадлежитъ не столько героямъ, сколько толпѣ. Затѣмъ, исходя изъ замѣчанія Гоголя о національности Пушкина и вспоминая сужденіе Бѣлинскаго о сущности поэзіи Пушкина, говоритъ о чувствѣ человѣка-художника, проникающемъ все творчество поэта. Произведенія Пушкина теперь уже проникли въ народъ, въ жизни котораго онъ занимаетъ извѣстное мѣсто, вотъ почему онъ не только національный, но и народный поэтъ.

Будучи самъ многимъ обязанъ простому русскому человеку и его творчеству, Пушкинъ оказалъ неоцѣнимыя услуги дѣлу просвѣщенія родной земли. Отсюда долгъ всякаго, имѣющаго силы и возможность, помочь приблизить къ народу высоко-человѣчную личность поэта и бессмертную красоту его произведеній. А. Г. Иванецъ такъ говоритъ «О значеніи Пушкина, какъ народнаго русскаго поэта» (III, 47—51): Пушкинъ является первымъ истинно-русскимъ народнымъ поэтомъ, потому что онъ первый изобразилъ нашъ народъ и его душу, первый художественно воспроизвелъ событія русской старины, первый позаимствовалъ содержаніе для своихъ произведеній изъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ, первый заговорилъ чистѣйшимъ народнымъ языкомъ... Будучи художникомъ по преимуществу, творцемъ гармоніи и красоты, говоритъ А. С. Кашнуревъ въ статьѣ «Заслуги Пушкина передъ русскимъ народомъ» (II, 212—218), Пушкинъ въ то же время поэтъ живой дѣйствительности, поэтъ народный, открывшій намъ Россію и въ коренныхъ самобытныхъ ея началахъ и въ тѣхъ формахъ жизни, которыя пришли къ намъ съ Запада. Воспользовавшись преданіями старины глубокой въ пѣсняхъ, сказкахъ и лѣтописныхъ памятникахъ, поэтъ прозрѣлъ дѣла давно минувшихъ дней и изъ „дыма столѣтій“ извлекъ образы и картины важнѣйшихъ, знаменательнѣйшихъ моментовъ русской исторіи... Пушкинскія изображенія народа, его пѣсни и сказки, его историческія сочиненія пробуждаютъ въ насъ интересъ къ изученію русской народности и исторіи и содѣйствуютъ развитію нашего самосознанія... Пушкинъ творецъ красоты и гармоніи, проводникъ гуманныхъ чувствъ и лучшій поэтому воспитатель грядущихъ поколѣній, Пушкинъ поэтъ народный, великій художникъ-реалистъ, вѣрный истолкователь общественныхъ задачъ и проповѣдникъ высокихъ, нравственныхъ, общественныхъ, и религіозныхъ идеаловъ на историческихъ основахъ русской жизни.

И. Д. Сокологорскій въ статьѣ— «Пушкинъ, какъ

Поэтъ національный», отмѣчая постепенное развитіе національности творчества поэта въ связи съ общимъ ходомъ его жизни и умственного развитія, называетъ его истинно-народнымъ поэтомъ, выразителемъ духа своего народа, его характера, міровоззрѣнія, идеаловъ, понимая народность поэзіи Пушкина не только въ томъ смыслѣ, что она изображаетъ русскую дѣйствительность, но главнымъ образомъ въ томъ, что она выражаетъ коренныя свойства русскаго народа, типическія черты его духа. Пушкинъ первый изъ русскихъ поэтовъ бралъ содержаніе для своихъ произведеній изъ русской народной жизни, говоритъ М. Я. Овсяенко въ своей статьѣ «Пушкинъ, какъ народный поэтъ-художникъ». Въ произведеніяхъ его ясно выразились самыя существенныя свойства русскаго народа, тѣ черты характера русскаго человѣка, какими онъ отличается отъ другихъ народностей: искренность и задушевность, выносливость и стойкость въ горѣ и бѣдѣ... Пушкинъ любилъ все, что любить русскій народъ, отмѣчаетъ въ своей статьѣ «Пушкинъ, какъ народный поэтъ»—А. Х. Зеленко; онъ читалъ все, что народъ чтитъ, онъ любилъ природу русскую до страсти, до умиленія,—любилъ деревню русскую. Русскій духъ разлитъ въ твореніяхъ Пушкина, русская жила бьется вездѣ. Въ великихъ, неподражаемыхъ, несравненныхъ пѣсняхъ его вылилось все сердце русское, объявилось все міровоззрѣніе народа, сохраняющееся и доселѣ въ его пѣсняхъ, былинахъ, преданіяхъ, сказаніяхъ; высказалось все, что любилъ и читалъ народъ, выразились его идеалы героевъ, царей, образы мужества, смиренія, любви и жертвы. Онъ первый далъ намъ художественныя типы красоты русской,—свидѣтельствуешь о томъ типъ Татьяны, женщины совершенно русской по чувству и взглядамъ на жизнь; типы историческіе, какъ на примѣръ, инокъ и другіе въ трагедіи «Борисъ Годуновъ»; типы бытовые, какъ въ «Капитанской дочкѣ»—и во множествѣ другихъ его произведеній. Разнообразна поэзія Пушкина и удивительно вѣрна русской дѣйствительности!... Итакъ, заканчиваетъ авторъ,

Пушкинъ является выразителемъ нашей народности. Эта народность выражается у него прежде всего въ языкѣ, стихѣ, въ содержаніи, въ выраженіи русскаго духа... онъ выразитель многихъ лучшихъ передовыхъ русскихъ мыслей и чувствъ, горячо любящій родину, простой народъ, природу, вѣрящій въ лучшее будущее этой родины и желающій ей какъ можно больше благъ, приобретаемыхъ только просвѣщеніемъ, чтобы именно въ немъ—въ этомъ просвѣщеніи—„стать съ вѣкомъ наравнѣ“.

Если мы обратимся къ болѣе крупнымъ работамъ, посвященнымъ тому же вопросу, то и въ нихъ не найдемъ почти ничего новаго и оригинальнаго ни въ смыслѣ постановки вопроса, ни въ смыслѣ его рѣшенія, а это несомнѣнно еще разъ подтверждаетъ наше предположеніе о томъ, что или рѣшеніе намѣченнаго вопроса слишкомъ преждевременно или даже, что самая постановка его не имѣетъ подъ собою прочныхъ основаній. Переходя къ разсмотрѣнію этихъ работъ, остановимся прежде всего на извѣстной актовъ рѣчи В. В. Никольскаго—«Идеалы Пушкина». Это старая работа ¹⁾, значительно утратившая въ настоящее время тотъ свой научно-литературный интересъ, какой она, пожалуй, могла имѣть въ 1881 г., но любопытная и теперь оригинальностью постановки и рѣшенія вопроса о національномъ значеніи поэзіи Пушкина. Къ юбилею рѣчь В. В. Никольскаго вышла новымъ (третьимъ) изданіемъ (С.-Пб. 1899) съ приложеніемъ статей того-же автора: «Жаборъ и Пушкинъ» и «Дантесъ Геккеренъ»; это и даетъ намъ основаніе остановиться подробнѣе на старой работѣ В. В. Никольскаго въ своемъ обзорѣ новѣйшей пушкинской литературы.

За Пушкинымъ, говоритъ авторъ, утвердилось въ общемъ мнѣніи признаніе его народнымъ поэтомъ, а народ-

---

¹⁾ Первоначально она, какъ рѣчь, была произнесена авторомъ на актѣ С.-Петербургской Духов. Акад. въ 1881, а затѣмъ напечатана въ № № 3—4 Христ. Чтенія.

ность предполагаетъ извѣстную сумму идей, свойственныхъ русскому народу и отличающихъ его, какъ историческую личность, отъ всѣхъ другихъ народовъ. Въ виду этого авторъ желаетъ въ своей рѣчи собрать въ одинъ цѣльный образъ разбросанныя черты пушкинскаго міросозерданія и сдѣлать попытку опредѣлить идеальное содержаніе поэзіи Пушкина, а для этого считаетъ необходимымъ прежде всего выяснить отношеніе произведеній поэта къ его личной жизни. Разсматривая характеръ и особенности поэтическаго дарованія Пушкина и отношеніе этого дарованія къ событіямъ дѣйствительной жизни, В. Никольскій приходитъ къ заключенію, что поэзія Пушкина имѣетъ несомнѣнное біографическое значеніе и что въ ней онъ выражалъ свои дѣйствительные помыслы, надежды, стремленія, идеалы. Но извѣстно, что Пушкинъ никогда не оставлялъ своихъ произведеній въ ихъ первоначальной формѣ, въ той формѣ, въ какой они зарождались подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ впечатлѣнія: подъ вліяніемъ тщательной обработки они сглаживались и до нѣкоторой степени теряли теплоту дѣйствительности до тѣхъ поръ, пока все частное, личное, случайное, не растворялось въ той поэтической всеобщности, въ которой оно переставало быть событіемъ чьей либо единоличной жизни и дѣлалось фактомъ общечеловѣческаго бытія. При этомъ, чѣмъ глубже дѣло касалось внутренней жизни поэта, тѣмъ дольше вынашивался образъ въ его душѣ, тѣмъ больше онъ измѣнялся въ обработкѣ, тѣмъ больше удалялся отъ дѣйствительнаго содержанія (стр. 22). „Душа человѣка, говоритъ Пушкинъ въ анекдотѣ о Байронѣ, напечатанномъ въ «Литературной газетѣ» 1830 г. (см. соч. А. Пушкина, изд. Павленкова ст. 1321), есть недоступное хранилище его помысловъ: если самъ онъ таилъ ихъ, то ни коварный глазъ непріявни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ сіе хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на се-

бя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставить на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни однѣми своими странностями...“ Опираясь на эти слова поэта, авторъ считаетъ возможнымъ и необходимымъ при изученіи его произведеній отбрасывать въ нихъ все то, что наиболѣе бросается въ глаза въ жизни поэта и возможно внимательно присматриваться къ тому, что, затаенное въ глубинѣ души, только украдкою сказывалось въ его интимныхъ отношеніяхъ. Послѣ этого В. В. Никольскій переходитъ къ своей темѣ и прежде всего на основаніи всѣхъ извѣстныхъ ему данныхъ развитія Пушкина намѣчаетъ въ немъ два ясно разграниченныхъ періода, которые внѣшнимъ образомъ совпадаютъ съ границею двухъ царствованій. Нѣкоторыми изслѣдователями и біографами Пушкина уже давно отмѣчена какая то двойственность его природы при сопоставленіи Пушкина Александровской и Николаевскихъ эпохъ. Не отрицая этой внѣшней двойственности природы поэта, авторъ старается разъяснить причину такого явленія и находитъ ее въ самыхъ свойствахъ пушкинскаго развитія, которое шло чрезвычайно быстро и притомъ, если можно такъ выразиться, во всѣ стороны. Пушкинъ нерѣдко обгонялъ самого себя, и тогда, какъ перо заносило на бумагу одинъ рядъ идей, дѣйствительныя его мысли были уже далеко впереди и вовсе не похожи на тѣ, которыя читались въ его произведеніяхъ (30). Намѣтивъ, такимъ образомъ, общій планъ своего изложенія и высказавъ рядъ положеній, которыя необходимо имѣть въ виду при изученіи міросозерцанія Пушкина, авторъ въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи старается выдѣлить въ творествѣ Пушкина нѣкоторые внѣшніе элементы, какъ продукты постороннихъ, случайныхъ вѣяній и дать такимъ образомъ общую картину того міросозерцанія, которое лежитъ въ основѣ его литературной дѣятельности и составляетъ истинную сущность его

поэзіи, потому что составляет истинную сущность его собственной человеческой личности (38). Къ числу этихъ внѣшнихъ элементовъ въ міросозерцаніи Пушкина авторъ относитъ всѣ тѣ либеральныя тенденціи политическаго и религіознаго характера, которыя время отъ времени про- скалзывали въ произведеніяхъ поэта до 1825 г., объясняя ихъ вліяніемъ чисто внѣшнихъ вѣяній либеральной эпохи царствованія императ. Александра I, вихремъ которыхъ не могла не увлечься чуткая и отзывчивая натура поэта (стр. 32 и сл.). Послѣ 1825 г. въ умственномъ развитіи Пушкина шли рядомъ двѣ струи: съ одной стороны увлеченіе байронизмомъ, хотя вліяніе на Пушкина Байрона, по мнѣнію автора, было исключительно литературнымъ и не коснулось его образа мыслей, а тѣмъ болѣе убѣжденій (39)—въ слабости байронизма, говоритъ авторъ, сказывалась наша сила, на этотъ разъ воплощенная въ Пушкинѣ (38)—съ другой стороны самобытная струя, создавшая типы Черкешенки и стараго цыгана, которые есть выраженіе нравственной природы самого Пушкина и его собственнаго понятія о свободѣ—чѣмъ поэтъ еще рѣзче осудилъ байроническій идеалъ (42). До сихъ поръ поэтъ остается на почвѣ страсти, противопоставляя эгоистической страсти страсть идеальную. Основаніе, которое могло бы вызвать и облагородить страсть, обуздывать и сдерживать ее—указана поэтомъ въ «Братьяхъ-разбойникахъ»—это совѣсть. Но и она оказывается недостаточною,— и въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ выступаетъ у Пушкина новый мотивъ, который составлялъ его „душевную правду“—это образъ Маріи въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ»—и тотъ идеалъ, который создала себѣ Татьяна и воплощеніе котораго надѣялась найти въ Онегинѣ (46—52). Такимъ образомъ въ общемъ ходѣ міросозерцанія поэта можно памѣтить слѣдующіе пункты: 1) „Пушкинъ, еще

Въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволь,

старался возвести страсть къ возвышенному нравственно-

му характеру. Но страсть и облагороженная оставалась страстью“ (52). 2) Страсть съ ея буйнымъ произволомъ оныя противопоставляетъ чувству законнаго долга, которос ставить Татьяну неизмѣримо выше всего окружающаго міра и даетъ ей власть надъ нимъ (53). Татьяна научилась уважать свое нравственное достоинство и въ немъ нашла замѣну утраченнаго счастья, развившись до той свободы, гдѣ человѣкъ становится господиномъ своихъ душевныхъ движеній и гдѣ невозможно паденіе, потому что невозможно рабство страстямъ (54).—Вопросъ этотъ приводитъ автора къ вопросу о взглядѣ поэта на бракъ.

Дойдя, такимъ образомъ, до того „полюса въ міросозерцаніи Пушкина, когда, вмѣсто легкомысленнаго произвола страстей, передъ нами встала величественная идея нравственнаго долга“, авторъ говоритъ о томъ, что перемѣна въ нравственныхъ воззрѣніяхъ поэта“ не была бессознательною (стр. 29), но, напротивъ, выработывалась путемъ долгой и серьезной работы надъ своимъ нравственнымъ состояніемъ, и приводитъ рядъ доказательствъ именно такого хода умственнаго развитія поэта.

На стр. 64 мы встрѣчаемъ такое мѣсто: „конечно, не легко было Пушкину переносить свою двукратную ссылку, тѣмъ болѣе, что оныя считалъ ее незаслуженной и несправедливою; немало горечи, раздраженія, даже озлобленія вносила она въ душу поэта; но, если взглянуть на нее со спокойной исторической точки зрѣнія, нельзя не признать, что она, особенно въ михайловскомъ уединеніи, была истиннымъ для него благодѣяніемъ, дѣломъ особеннаго попеченія о немъ промысла Божія, хранившаго поэта для его будущихъ великихъ созданій“. Послѣ этого авторъ переходитъ къ вопросу о народности. Народность по представленію Никольскаго „значить прежде всего угадать предназначеніе“ своей „страны родной“, понять, что это предназначеніе она можетъ выполнить только оставаясь сама собою, только слѣдуя тѣмъ путемъ, который предначертанъ ея предыдущей исторіей, развивая тѣ начала, которыя заложены въ духѣ народа и вырази-

лись въ его бытѣ, возрѣніяхъ и убѣжденіяхъ. И что именно такое проникновеніе бытовыми и историческими началами совершилось въ Пушкинѣ въ 1825 году, доказательствомъ служить его послѣдующія произведенія и тѣ идеалы, которые въ нихъ выразились“ (66). Въ другомъ мѣстѣ своей работы авторъ, не вполне ясно, какъ намъ кажется, представляя себѣ смыслъ и значеніе заключительныхъ словъ трагедіи — „народъ безмолвствуетъ“, находитъ связь между трагедіей «Борисъ Годуновъ» и событіемъ 14-го декабря и, давая одностороннее, освѣщеніе умственному движенію русскаго общества въ царствованіе императора Александра I-го, говоритъ: „Пушкинъ не видѣлъ этого событія своими глазами, но онъ зналъ, что въ этотъ пробный день, въ который *находясь западные идеи вздумали прикоснуться къ основамъ нашего историческаго бытія*, въ этотъ день „народъ безмолвовалъ“. Отсюда авторъ переходитъ къ разсужденіямъ о гражданскомъ долгѣ, о взглядахъ Пушкина на дворянство, которое онъ понималъ не какъ право, а какъ обязанность, отношеніе его къ вопросамъ политической жизни, выраженіемъ котораго служатъ двѣ величественныя оды: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина», и говоритъ о взглядахъ поэта на импер. Петра I.

Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ вопросъ объ идеалѣ царской власти, осуществленіемъ котораго для Пушкина, по мнѣнію автора, былъ императоръ Николай, потому что лучшую и важнѣйшую сторону его царствованія составляетъ *возвращеніе къ народнымъ и историческимъ началамъ*. „Мы знаемъ, говоритъ авторъ, твердый, прямой и благородный характеръ императора и понимаемъ, что Пушкинъ не могъ его не любить.... Въ Императорѣ Николаѣ поэтъ видѣлъ осуществленіе того идеала царя, который былъ выработанъ его сознаниемъ, и это сознание онъ считалъ не своимъ только личнымъ, *какъ оно и на самомъ дѣлѣ было, общенароднымъ*, только въ немъ находившимъ своего представителя и выразителя“ (75). Отношеніе поэта къ самодержавію выяснено авторомъ, но не

вполнѣ, потому что въ основу выясненія имъ положены данныя, взятые изъ вторыхъ рукъ, какъ, на примѣръ свидѣтельство Гоголя о томъ, что Пушкинъ *такъ то говорилъ по этому* поводу, между тѣмъ какъ болѣе существенныя мѣста изъ замѣтокъ поэта оставлены безъ вниманія. Извѣстный отрывокъ изъ памятника приведенъ въ такомъ видѣ:

„И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Послѣдняя часть рѣчи посвящена „важнѣйшей сторонѣ Пушкинскихъ воззрѣнй“, его религиознымъ убѣжденіямъ. Итакъ, Пушкинъ былъ носителемъ и выразителемъ идеаловъ русскаго народа—онъ былъ истиннымъ русскимъ человѣкомъ. Но такимъ человѣкомъ онъ сдѣлался не вдругъ, а постепенно. Литературная дѣятельность Алекс. Серг. Пушкина въ Александров. эпоху есть продуктъ наносныхъ, постороннихъ, случайныхъ элементовъ въ его міросозерцаніи, которое заявило себя вполнѣ, стало на твердую почву только въ 1825 г., т. е. съ перваго же года вступленія на престолъ импер. Николая I. Тотъ переломъ въ міросозерцаніи поэта, который будто бы бросается въ глаза постороннему наблюдателю, былъ со стороны поэта сознательнымъ отвращеніемъ отъ постороннихъ вѣяній и упроченіемъ въ своемъ исконно русскомъ, національномъ міросозерцаніи, покоящемся на принципахъ православія, народности и самодержавія. Этимъ принципамъ поэтъ оставался вѣренъ всю свою жизнь. Иначе говоря, до 1825 г. Пушкинъ еще не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ своемъ міросозерцаніи, въ которомъ до этого времени было много чисто внѣшнихъ, случайныхъ элементовъ, и только въ 1825 г. поэтъ освободился отъ нихъ, вступилъ на правильный путь и, благодаря этому, сталъ истинно русскимъ человѣкомъ. Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе рѣчи Никольскаго объ „идеалахъ Пушкина“. Такимъ образомъ, намъ извѣстны два

Пушкина: первый — Пушкинъ Александровской эпохи, когда „волны жизни обдавали его своими брызгами, и слѣды ихъ пѣны остались на его произведеніяхъ; но пройдя черезъ всѣ эти искушенія (т. е. увлеченіе умственными интересами своей эпохи), отразивши на себѣ всѣ вѣянія вѣва, переболѣвши всѣми его недугами, переживши всѣ его пороки, Пушкинъ, однакоже, сумѣлъ отъ нихъ освободиться и взлетѣть на такую нравственную высоту, на которую едва могли поднять взоры многіе изъ тѣхъ, слабости которыхъ раздѣлялъ Пушкинъ“ (36), — и сдѣлался Пушкинъ — пушкинымъ Николаевской эпохи и истинно русскимъ человѣкомъ. Въ подтвержденіи своихъ соображеній авторъ приводитъ слѣдующія отрывки изъ извѣстныхъ стихотвореній Пушкина:

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ ясныхъ дней. I, 208.

Когда на память мнѣ неволью
Придетъ внушенный ими (поступками) стихъ,
Я содрагаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идиоловъ моихъ.
Къ чему несчастный я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился? III. 264 и т. д.

И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и провливаю,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строувъ печальныхъ не смываю. II. 37.

Пустыми звуками, словами
Вы сѣете разврата зло:
Пѣвцы любви, скажите сами,
Какое ваше ремесло?
Передъ судилищемъ Паллады
Вамъ нѣтъ вѣнца, вамъ нѣтъ награды

(изд. СПб. 1887. III 264).

Неужели вопросы Александ. эпохи — можно сопоставлять со всёми тѣми, что говорить Пушкинъ въ этихъ отрывкахъ? Неужели въ этихъ стихахъ Пушкинъ говорить о томъ настроеніи, которымъ онъ жилъ въ Александровскую эпоху, о своемъ отношеніи къ Радищеву и Чаадаеву, къ крестьянскому вопросу и т. д. — словомъ о томъ, что Никольскій называетъ на стран. 36 только брызгами. Пушкину незачѣмъ было дѣлаться русскимъ человѣкомъ — такимъ онъ былъ съ самой своей колыбели: тѣ идеалы, которымъ онъ служилъ въ Александровскую эпоху и которыя В. Никольскій считаетъ наноснымъ въяніемъ, — были въ таковой же мѣрѣ русскими идеалами, какъ и тѣ, которымъ Пушкинъ служилъ и въ послѣдующую свою жизнь. Онъ русскій человѣкъ не только въ извѣстную эпоху, но русскій человѣкъ всегда и всёми своимъ существомъ, онъ русскій человѣкъ въ его историческомъ развитіи. — Это составляетъ сущность дѣла, и поэтому то, собственно говоря, Пушкинъ и можетъ быть названъ „русскимъ“ человѣкомъ. Ни одной черты въ Пушкинѣ нѣтъ не русской. Какъ въ увлеченіяхъ своихъ, въ благородномъ смыслѣ этого слова, такъ и въ своемъ положительномъ міросозерцаніи Пушкинъ былъ русскимъ человѣкомъ. Абстрактный „прямой русскій человекъ“ съ очищеннымъ міросозерцаніемъ (61), котораго создаетъ себѣ г. Никольскій, есть фикція. Какъ же можно дѣятельность Пушкина разсматривать съ таковой ложной точки зрѣнія ¹⁾.

Такимъ образомъ, подъ „національностью поэзіи Пушкина“ слѣдуетъ понимать выраженіе въ ней идеаловъ — православія, самодержавія и народности въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова, которые вмѣстѣ съ тѣми были и идеалами самого поэта, какъ истинно русскаго человѣка. Такъ представляетъ себѣ „народность“ Пушкина В. В.

¹⁾ Аналогичное рѣшеніе вопроса находимъ у В. А. Пузицкаго — «Національное направленіе и религіозное настроеніе въ поэзіи Пушкина». См. — Пушкинскіе дни во Владимирѣ.

Никольскій. Этотъ же самый вопросъ разсматриваетъ и проф. А. Н. Веселовскій въ своей работѣ — „Пушкинъ національный поэтъ“ СПб. 1899 г., но подходитъ къ его рѣшенію нѣсколько иначе. Иначе въ томъ отношеніи, что онъ ставитъ вопросъ о „національности“ творчества Пушкина въ тѣсную связь съ исторіей его литературнаго развитія и на этой почвѣ памѣчаетъ въ дѣятельности поэта тѣ внѣшніе и внутренніе элементы, которые становятся все болѣе и болѣе рельефными и, наконецъ, характерными чертами національнаго направленія его творчества. Русская литература до Пушкина была чисто случайнымъ заимствованіемъ западныхъ литературныхъ направленій, отвѣчавшихъ на Западѣ итогамъ „извѣстнаго историческаго развитія и общественныхъ теченій, чему у насъ ни въ жизни, ни въ литературѣ ничто не отвѣчало“. Первая заслуга Пушкина передъ русской литературой заключается въ томъ, что онъ положилъ начало развитію русской самобытной литературы, самобытной по своимъ идеаламъ и отношенію къ дѣятельности. Вся литературная дѣятельность поэта есть „переходъ въ самосознаніи отъ безсодержательныхъ грезъ и „безыменныхъ страданій“ въ явленіямъ русской дѣйствительности“. Послѣдующая русская литература шла по пути, намѣченному Пушкинымъ, переживая въ общемъ своемъ развитіи тотъ же процессъ перехода къ явленіямъ русской дѣйствительности, тотъ же процессъ усвоенія принциповъ художественнаго реализма, какой, въ частности, переживалъ въ своемъ развитіи и самъ родоначальникъ новѣйшей русской литературы, Пушкинъ. Съ этого момента дальнѣйшее развитіе русской литературы становится въ тѣсную связь съ явленіями общественнаго развитія, и русская литература начинаетъ отвѣчать итогамъ извѣстнаго развитія и общественныхъ теченій своего народа. „Сочиненіями Пушкина, говорилъ Погодинъ студентамъ Московскаго университета по полученіи извѣстія о кончинѣ поэта, начинается новая эпоха въ русской литературѣ, эпоха національности“. Въ этой заслугѣ поэта передъ русской литературой заклю-

чается и наиболее существенная черта его национальности, и эта черта творчества поэта в связи с его отношением к русской природѣ, к русской народной поэзии и родному языку составляет высшіе элементы народности, выразившіе в поэзии Пушкина тотъ духовный подъемъ, который характеризуетъ русское общество отъ половины 10-хъ до половины 20-хъ годовъ XIX-го столѣтія. Что касается внутреннихъ элементовъ народности в творествѣ Пушкина, то эти элементы опредѣляются не какой либо общественно-философской послѣдовательной системой, какъ, между прочимъ, указываетъ В. В. Никольскій, а исключительно служеніемъ поэта своему искусству поэзии, которая была синтезомъ Пушкина, прирожденной формою его мышленія. „Поэзія бываетъ исключительною страстью непогихъ, родившихся поэтами, — выразился онъ однажды. Она объемлетъ и поглащаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія жизни“. Самъ онъ, говоритъ проф. Веселовскій, принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ, которые, призванные къ жертвѣ Аполлону, умѣютъ отвлечь отъ дѣйствительности ея жизненное содержаніе и явить его въ формахъ красоты... И въ оцѣнкахъ общественныхъ и историческихъ явленій ему случалось увлекаться мечтами поэта, идеализуя то, что осудилъ прозябшій „правды свѣтъ“, судъ исторіи, какъ, напр., величая Наполеона, онъ открывалъ въ „героѣ“ сердце:

Тьмы низкихъ истинъ, говорилъ онъ, мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ,

т. е. возвышающій обманъ идеала. Не безразличіе оппортунизма, а исканіе человѣчности въ царствѣ силы; не капризь поэта, а иллюзія человѣка, честно и серьезно работавшаго надъ вопросами личнаго и общественнаго блага — это и даетъ тонъ его творчеству... Поэзія Пушкина есть служеніе идеалу, что и дѣлаетъ ее общественною силою. Вотъ что проторило тропу, по которой будутъ ходить поколѣнія.

Аналогичную постановку вопроса „о національности“ Пушкина мы находимъ у проф. А. Е. Назимова въ его рѣчи «Общественные идеалы А. С. Пушкина». Одесса 1899 г. Указывая на естественное право, какъ на одну изъ господствующихъ политическихъ теорій начала XIX вѣка, авторъ излагаетъ въ общихъ чертахъ исторію развитія этого ученія на западѣ и въ Россіи и указываетъ отраженіе его у Руссо, Шатобриана, Байрона и Пушкина въ Кавказскомъ Пльнникѣ и Цыганахъ, которыми впервые въ русскую литературу былъ внесенъ коренной вопросъ вѣка, вопросъ о противорѣчїи современной цивилизаціи природѣ челоуѣка, вопросъ, на который раньше у насъ встрѣчались только робкіе намеки... Но «Цыгане», говорятъ авторъ, знаменуютъ уже собою поворотный пунктъ въ творчествѣ Пушкина.

Поэтъ оставляетъ мечты о естественномъ правѣ и естественномъ состояніи челоуѣка и начинаетъ смотрѣть на общественные вопросы съ исторической точки зрѣнія: беретъ свои сюжеты изъ дѣйствительной русской жизни и изъ русской исторіи. Другими словами, Пушкинъ переживаетъ тотъ же процессъ мысли, который характеризуетъ научную эволюцію XIX вѣка. Но большинство публики не поспѣвало въ своемъ развитіи за поэтомъ. Публика оставалась при своемъ старомъ міровоззрѣніи, она все просила поэмъ, въ родѣ «Кавказ. Пльнника» и «Цыганъ», и уже хуже понимала послѣдующія произведенія Пушкина.

Итакъ, сначала идеаль свой поэтъ искалъ, слѣдуя направленію своего времени, во внѣобщественномъ, первобытномъ состояніи челоуѣка, потомъ вопросъ этотъ, перенесенный въ среду русскаго общества, привелъ его къ вопросу объ общественной независимости (Евгеній Онѣгинъ)... Съ наступленіемъ реакціи, видя крушеніе своихъ общественныхъ идеаловъ, Пушкинъ, однако, не упалъ духомъ; одаренный удивительной жизненной энергіей и замѣчательнымъ политическимъ смысломъ, Пушкинъ, говоритъ проф. Назимовъ, сталъ искать въ окружающей его русской жизни элементовъ, способныхъ и теперь

поддержать его завѣтныя стремленія къ независимости. Такимъ элементомъ было тогда только русское дворянство... Вотъ въ этихъ то дворянскихъ привилегіяхъ и нашелъ свой послѣдній пріютъ гонимый идеаль общественной независимости Пушкина. Но дворянскія привилегіи были не конечною цѣлью, а лишь исходной точкой его общественныхъ стремленій. Въ дворянскомъ правѣ личной неприкосновенности, какъ бы въ зародышѣ, таилось право на общечеловѣческое достоинство. Въ дворянскомъ сословіи Пушкинъ видѣлъ естественное представительство народныхъ нуждъ передъ правительствомъ; въ дворянствѣ видѣлъ ходатая за безгласную массу русскаго народа. Заключительная часть работы проф. Назимова посвящена вопросу о широтѣ поэтической концепціи и способности поэта проникаться духомъ чуждой ему цивилизаціи и сживаться съ разноплеменными типами — какъ характерномъ признакѣ чисто русскаго склада ума поэта... Тутъ, замѣчаетъ авторъ, отражаются коренныя особенности русскаго характера: отсутствіе племенной гордости, дружелюбіе къ иноземцамъ, удивительная способность къ ассимиляціи чуждыхъ элементовъ. Особенности эти — результатъ продолжительнаго историческаго процесса приспособленія; онѣ сыграли важную роль въ нашемъ государственномъ строеніи; онѣ составляютъ нашу политическую силу; отражаясь въ поэзіи Пушкина, онѣ придаютъ ей глубоко-національный характеръ. А когда племена, о которыхъ Пушкинъ говоритъ въ своемъ «Памятникѣ», отыкнутся на его пророческій призывъ, когда передъ нами раскроется сокровищница Пушкинской поэзіи, онѣ найдутъ въ ней не узкую національную исключительность, а братскій призывъ къ вѣчнымъ началамъ правды, добра и свободы. Это случится, когда свѣтъ просвѣщенія прольется „по всему лицу земли русской“.

Вопросъ о „народности“ Пушкина затрогиваетъ отчасти и проф. И. Н. Ждановъ въ своей работѣ — „Пушкинъ о Петрѣ Великомъ“ — рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Импер. СПб. Университета 8-го февр.

1900 г. ¹⁾). Замѣчаніе о народности писателя, какъ объ извѣстномъ „образѣ мыслей и чувствованій“, отражающемся въ поэзіи, неоспоримо справедливо, говоритъ проф. Ждановъ: но не лишено значенія и мнѣніе того критика, который указывалъ на „выборъ предметовъ изъ отечественной исторіи“, какъ на одно изъ проявленій народности поэта. Правда, поэтъ можетъ быть народнымъ и при изображеніи явленій чужого быта, чужой природы, чужихъ преданій; поэтому выборъ предметовъ изъ отечественной исторіи самъ по себѣ, независимо отъ другихъ признаковъ, еще не опредѣляетъ народности писателя. Но едва ли можно отрицать, что живой интересъ, проявляемый поэтомъ къ исторіи своего народа, желаніе и умѣніе понять и художественно воспроизвести родную старину, ея быты и преданія, ея „обычаи, повѣрья и привычки“, ея „особенную фізіономію“ можетъ служить вѣрнымъ показателемъ народности писателя. Справедливость этого соображенія подтверждается литературною дѣятельностью самого Пушкина. Уже въ «Русланъ и Люд.» мы видимъ явное стремленіе поэта связать свой разсказъ съ данными русскаго былевого эпоса. „Исторія народа принадлежитъ поэту“ — писалъ Пушкинъ Гнѣдичу въ 1825 г. Исторіей русскаго народа онъ интересовался въ теченіе всей своей литературной дѣятельности и „въ родной исторіи отмежевалъ себѣ три эпохи, которыя остановили на себѣ его преимущественное вниманіе. Эти эпохи: смутное время, время Петра В., Пугачевщина. Плодомъ изученія первой изъ этихъ эпохъ явился „Борисъ Годуновъ“; изученіе Пугачевщины отразилось въ «Капитанской Дочкѣ» и въ «Исторіи Пугачевскаго бунта». Величавый же образъ Петра тревожилъ мысль и воображеніе поэта въ теченіе многихъ лѣтъ до конца жизни. Дальнѣйшее изложеніе работы проф. Жданова посвящено вопросу объ отношеніи Пушкина къ импера-

¹⁾ Напечатана въ Университетск. отчетѣ за 1889—1900, а также въ «Вѣстникѣ всемір. исторіи» за 1900 г. № 5.

тору Петру I, на которомъ для поэта сосредоточивался цѣлый рядъ психологическихъ и историческихъ задачъ; въ связи съ этимъ авторъ говоритъ и объ отношеніи поэта къ вопросу объ аристократіи и родовитости, при чемъ разсмотрѣніе намѣченныхъ вопросовъ построено имъ на сравнительной характеристикѣ литературныхъ типовъ (Петръ и Мазепа) и на сопоставленіи мотивовъ психологическаго и историческаго творчества. Подобною двойственностью задачи художественнаго творчества и объясняются всѣ колебанія Пушкина въ его сужденіяхъ о Петрѣ.

Къ разсмотрѣнному нами вопросу имѣетъ отношеніе также и работа В. Е. Якушина «Радищевъ и Пушкинъ», о которой мы уже имѣли случай говорить нѣсколько выше (см. Р. Ф. В. 1900, XLIII — 247). Постановка вопроса объ идеалахъ и настроеніи поэта въ Александр. и Николаевскую эпоху его жизни и общественно-литературной дѣятельности въ томъ видѣ, какъ ее даетъ В. Е. Якушинъ, говоря о строгой преемственности и послѣдовательномъ развитіи міровоззрѣнія поэта въ эти двѣ противоположныхъ по своему характеру эпохи, находитъ себѣ возраженіе въ статьѣ В. Мякотина «Изъ Пушкинской эпохи», напечатанной въ Сборникѣ журнала «Русское Богат.» за 1899 г. Эта интересная статья, написанная, какъ отмѣтили мы выше (Р. Ф. В. 1900 г. XLIV, 258), по поводу книги Л. Майкова, которой она касается только вскользь, ограничиваясь краткимъ обзоромъ ея содержанія, ставитъ своей задачею на основаніи этого труда, а также и другихъ, существовавшихъ уже ранѣе источниковъ, представить читателю очеркъ тѣхъ отношеній, какія связывали Пушкина съ однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ и глубокихъ идейныхъ теченій въ современной ему русской общественной жизни. Статья В. Мякотина вводитъ читателя въ исторію развитія міросозерцанія поэта въ связи съ развитіемъ главныхъ теченій русской общественной мысли его времени. Такая постановка вопроса и даетъ намъ основаніе остановиться на

этой работѣ въ обзорѣ того ряда юбилейныхъ статей, которыя посвящены „народности“ Пушкина. Не останавливаясь подробно на рассматриваемой нами работѣ В. Мякотина, мы отмѣтимъ только нѣкоторыя, наиболѣе любопытныя ея заключенія, поскольку они имѣютъ ближайшее отношеніе, во первыхъ, къ вопросу объ идеалахъ поэта и исторіи развитія его міросозерцанія, во вторыхъ, по скольку эти положенія являются возраженіемъ В. Е. Якушкину и извѣстной его теоріи „опортунизма“, которымъ онъ объясняетъ настроеніе Пушкина во второй періодъ его жизни и дѣятельности. Черезъ всю статью В. Мякотина проходитъ мысль о томъ, что Пушкинъ не былъ поэтомъ гражданиномъ, какъ это селонны утверждать многіе изслѣдователи, въ томъ числѣ и В. Якушкинъ. Съ этой точки зрѣнія авторъ и рассматриваетъ по отдѣльнымъ періодамъ жизнь и литературную дѣятельность поэта, приходя, въ концѣ концовъ, въ заключеніямъ, совершенно противоположнымъ заключеніямъ В. Е. Якушкина. Заканчивая обзоръ перваго, петербургскаго періода жизни и настроенія поэта, В. Мякотинъ говоритъ слѣдующее: „При всей своей симпатіи къ освободительнымъ стремленіямъ эпохи Пушкинъ не былъ охваченъ такимъ глубокимъ и, главное, такимъ безраздѣльнымъ увлеченіемъ общественными интересами, какое переживали нѣкоторые его сверстники. Для этого, не говоря уже о различныхъ вліяніяхъ, отвлекавшихъ его въ сторону, въ его собственной природѣ, можетъ статься, слишкомъ преобладали чисто-художественныя инстинкты, и слишкомъ сильна была жажда разнообразія жизненныхъ впечатлѣній. Соотвѣтственно этому опредѣлилась и роль гражданскихъ мотивовъ въ его творествѣ данной поры. Симпатія къ безправному крѣпостному и признаніе за нимъ челоувѣческаго достоинства, рѣзкій протестъ противъ обскурантизма и произвола, вольнолюбивыя мечты и смѣлыя надежды, — всѣ эти главные мотивы общественнаго движенія вошли и въ поэзію Пушкина, озаренные въ ней розовымъ цвѣтомъ того оптимистически настроеннаго идеализма, ка-

кой присущъ еще былъ данной эпохѣ жизни русскаго общества. Въ цѣломъ, однако, Пушкинъ этой поры едва ли могъ бы назваться поэтомъ — гражданиномъ, пѣвцомъ скорби и боли современнаго ему поколѣнія. Мотивы гражданскаго гнѣва и скорби далеко не занимали первенствующаго мѣста въ свѣтлой жизнерадостной поэзи пѣвца «Руслана и Людмилы» и сравнительно даже рѣдко звучали въ ней“.

Въ ссылкѣ Пушкина нѣкоторые изъ его современниковъ и впослѣдствіи біографовъ готовы были видѣть обстоятельство, оказавшее благотворное вліяніе на развитіе таланта поэта. Возражая противъ этого благодушнаго оптимизма современниковъ, за художникомъ забывавшаго живого человѣка и отмѣченнаго еще поэтомъ въ стихотвореніи «Отвѣтъ Анониму» — 1830 г., авторъ приводитъ и очень много любопытныхъ данныхъ, касающихся жизни, дѣятельности и настроенія поэта во время его пребыванія на югѣ Россіи и приходитъ къ заключенію, что нити, связывавшія Пушкина съ либеральной частью современнаго ему общества, не только не ослабли за время его пребыванія въ Кишиневѣ, но еще окрѣпли и увеличились въ числѣ. Помимо случайныхъ встрѣчъ со старыми знакомцами, помимо довольно рѣдкихъ письменныхъ сношеній съ немногими изъ оставшихся на сѣверѣ друзей, Пушкинъ завязалъ теперь новыя связи и знакомства въ той же самой средѣ юнаго русскаго либерализма. Въ этой средѣ онъ встрѣчалъ и признаніе своего таланта, и поощреніе въ дальнѣйшему серьезному труду, въ ней находилъ онъ сочувственный откликъ на свои запросы отъ общественной жизни, и подѣ известнымъ воздѣйствіемъ ея идей складывалось его собственное міросозерцаніе. И въ Кишиневѣ и въ Каменѣ онъ встрѣчалъ и другихъ людей этого же круга, кромѣ названныхъ нами болѣе видныхъ. Изъ Кишинева же завязалась у него переписка съ тогдашнимъ издателемъ „Полярной Звѣзды“, А. Бестужевымъ, позднѣе вовлекая его и въ переписку съ Рылѣвымъ. Въ этой перепискѣ, продол-

жавшейся до самого 1825 года, литературные вопросы нерѣдко уступали мѣсто общественнымъ, или, вѣрнѣе, разбирались въ тѣсной связи съ послѣдними. „Какъ можно, пишетъ Пушкинъ по поводу статьи Бестужева. — Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи“ — въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно...“ Въ свою очередь въ письмахъ и литературныхъ произведеніяхъ этихъ своихъ корреспондентовъ Пушкинъ находилъ рѣшительно поставленные и довольно обстоятельно аргументированныя положенія о необходимости независимости литературы и о роли гражданского элемента въ поэзіи, встрѣчалъ прямые призывы къ общественной сатирѣ и опредѣленные демократическіе взгляды, соединенные съ добродушной насмѣшкой надъ свойственной ему кичливостью своимъ дворянскимъ происхожденіемъ. Всѣ эти разсужденія и взгляды, такъ непохожіе на понятія стараго Арзамаса о чистомъ, самодовлѣющемъ искусствѣ, вводили мысль на новые пути и образовывали лишнюю связь между поэтомъ и покинутымъ имъ въ Петербургѣ общественнымъ движеніемъ¹⁾. ...Поэзія Пушкина и теперь не стала поэзіей гражданской, тѣмъ менѣе политической, но въ ней прорывались въ эту пору болѣе рѣзкіе и страстные звуки, чѣмъ когда бы то ни было... Но скоро всѣ заключенныя Пушкинымъ связи снова были порваны, и въ обстановкѣ его жизни послѣ-

---

¹⁾ Слишкомъ строгій взглядъ автора на Арзамасъ, проскальзывающій и въ другихъ мѣстахъ его статьи, кажется намъ, менѣе справедливъ, сравнительно съ тѣмъ представленіемъ объ Арзамасѣ, какое могутъ дать новѣйшіе матеріалы, касающіеся исторіи этого общества, въ числѣ членовъ котораго было очень много, несомнѣнно, свѣтлыхъ и благородныхъ личностей. См. по этому поводу указанную нами выше брошюру проф. М. Халавскаго, а также, какъ дополненіе, новѣйшую его замѣтку «Къ вопросу о вліяніи Вас. Львов...». Харьк. 1900. и матеріалы въ «Русск. Стар.» за 1899 г.

довала еще болѣе крупная и суровая перемена, чѣмъ въ 1820 г. Въ послѣдней части своей работы В. Мякотинъ, согласно намѣченному плану, касается вопроса о настроеніи поэта въ послѣдній періодъ его жизни и дѣятельности, вопроса, который различно рѣшался въ нашей литературѣ и въ настоящее время пока остается открытымъ. Наиболѣе удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса далъ всетаки, несомнѣнно, В. С. Якушкинъ въ своей статьѣ «Радищевъ и Пушкинъ», напечатанной имъ еще въ 1886 г. и перепечатанной въ его сборникѣ статей о Пушкинѣ 1899 г. ¹⁾.

В. Мякотинъ не соглашается съ В. Е. Якушкинымъ въ томъ, что Пушкинъ въ послѣдній періодъ своей жизни не испыталъ никакой существенной перемены въ своихъ убѣжденіяхъ, а являлся выразителемъ и носителемъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ, что онъ, разочаровавшись въ возможности иныхъ путей, стремился теперь идти вмѣстѣ съ правительствомъ и черезъ его посредство содѣйствовать просвѣщенію. Несомнѣнно, говоритъ авторъ, обще-гуманное направленіе, развитое сознание личнаго достоинства, признаніе общественнаго блага цѣлью всякой власти, всѣ эти особенности, выработанныя Пушкинымъ при дѣятельномъ участіи той среды, гдѣ „уваженіе къ человѣку вообще“ ставилось руководящимъ принципомъ, навсегда остались его принадлежностью, какъ человѣка и писателя. Но на этомъ общемъ фонѣ съ теченіемъ времени выдѣлились и такіе взгляды на конкретные вопросы русской жизни, которые значительно отъ него отличались. И если не слишкомъ тѣсная связь поэта

---

¹⁾ Можно пожалѣть, замѣчаетъ, между прочимъ, В. Мякотинъ, что г. Якушкинъ, перепечатавъ въ этомъ сборникѣ свою статью «Радищевъ и Пушкинъ» 1886 г. съ нѣкоторыми лишь мелкими дополненіями, не потрудился посчитаться съ новыми и солидными работами А. Н. Пыпина, А. М. Скабичевского и В. Д. Спасовича.

съ кружками начала 20-хъ годовъ не помѣшала ему сохранить теплое чувство по отношенію къ личностямъ, входившимъ въ ихъ составъ, то, быть можетъ, именно недостаточная прочность этой связи не давала ему возможности всегда вѣрно оцѣнить, гдѣ начинается рѣшительное уклоненіе отъ основныхъ идей этихъ кружковъ“. Въ концѣ концовъ, принявъ во вниманіе нѣкоторые, иногда и очень существенные, факты изъ исторіи развитія настроенія поэта за послѣдній періодъ его жизни и дѣятельности, авторъ заключаетъ, „что считать Пушкина въ Николаевскую эпоху выразителемъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ было бы неправильно. И въ предшествующую эпоху къ Пушкину было бы не вполне приложимо подобное опредѣленіе, а еще менѣе возможнымъ стало оно въ 30-хъ годахъ, когда самъ Пушкинъ не мало измѣнился. Для современниковъ, какъ и для потомства, Пушкинъ былъ важенъ прежде всего великимъ художественнымъ значеніемъ своей поэзіи, въ цѣломъ всегда сохранявшей высокой и благородный характеръ. Общія идеалы поэта, въ ней выражавшіяся и тѣсно связанные съ тою общественной средой, какая окружала его юность, несомнѣнно, оказывали воспитательное вліяніе на дальнѣйшія поколѣнія. Но нельзя было бы сказать, что чисто-публицистическія воззрѣнія поэта, особенно выражавшіяся въ 30-хъ годахъ, составляли передаточное звено между общественнымъ движеніемъ 20-хъ и 40-хъ годовъ: для этого они были слишкомъ сложны и неопредѣленны и въ нихъ верались слишкомъ замѣтныя уступки духу времени“.

Такимъ образомъ, взявъ тѣ-же самые факты изъ послѣдняго періода жизни и дѣятельности поэта, какіе, несомнѣнно, имѣлъ въ виду и г. Якушинъ, В. Мясотинъ возражаетъ г. Якушину и приходитъ къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ, т. е., одному и тому же факту два изслѣдователя даютъ два различныхъ освѣщенія, въ силу чего, конечно, ни то ни другое изъ нихъ не можетъ быть безусловною правдой. Намъ кажется, что

тѣхъ фактовъ изъ исторіи развитія поэта, на которые обратилъ вниманіе и В. Е. Якушкинъ и возражавшій ему впослѣдствіи В. Мясотинъ еще не достаточно для правильного рѣшенія поставленнаго ими вопроса, а слѣдовательно и для болѣе или менѣе удовлетворительнаго освѣщенія тѣхъ фактовъ, которые даютъ основаніе одному создавать теорію „оппортунизма“, а другому говорить объ измѣнѣ поэта своимъ идеаламъ. Въ общемъ же статья В. Мясотина, безусловно, является обстоятельной и несомнѣнно лучшей въ юбилейной литературѣ характеристикой исторіи развитія міровоззрѣнія и настроенія поэта въ связи съ развитіемъ главныхъ теченій умственной жизни нашего общества начала XIX вѣка ¹⁾). Итакъ, мы привели рядъ работъ изъ пушкинской юбилейной литературы, посвященныхъ одному изъ очень интересныхъ, но, кажется, одному изъ наиболѣе темныхъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ Пушкина. Большинство изъ разсмотрѣнныхъ нами работъ, за немногими исключеніями, не даетъ ничего ни новаго, ни оригинальнаго для рѣшенія стараго вопроса о „народности“ творчества Пушкина; другая же половина этихъ работъ при всемъ интересѣ своего изложенія, оригинальности постановки вопроса и попытокъ его рѣшенія все же, въ концѣ концовъ, не выходитъ изъ предѣловъ условно-субъективнаго толкованія термина, стараясь выдвинуть тѣ моменты въ исторіи жизни и творчества поэта, которые тому или другому ислѣдователю кажутся наиболѣе существенными, наиболѣе отвѣчавшими современнымъ поэту теченіямъ общественной жизни. Не-

---

¹⁾ Къ вопросу объ идеалахъ Пушкина имѣетъ отношеніе также статья Л. П. Максимова «Міровоззрѣніе А. С. Пушкина»; см. Сборникъ Кіевск. Уч. Окр. II, 194; «О личности Пушкина и его поэзіи» В. Богданова; см. Jahresbericht der Deutschen Hauptschule zu S. Petri; «Пушкинъ, какъ человекъ и гражданинъ»—С. Мельниковъ-Разведенковъ. Сбор. Кавк. Учебн. Окр., стр. 163.

опредѣленностью понятія „народность“ и различіемъ пониманія этого термина — съ одной стороны, и различіемъ исходныхъ точекъ зрѣнія (психологической и исторической) при попыткахъ рѣшенія этого вопроса — съ другой, — и объясняется та неопредѣленность рѣшеній и разнообразіе взглядовъ, которое господствуетъ по этому вопросу въ юбилейной литературѣ.

Въ тѣсную связь съ вопросомъ о „народности“ Пушкина можно поставить вопросъ объ отношеніи Пушкина къ славянскимъ народностямъ. Юбилейная литература не оставила безъ вниманія этого пункта въ литературной дѣятельности поэта, и въ цѣломъ рядѣ своихъ работъ дала довольно подробную его разработку.

Говоря о „національности“ Пушкина, очень многіе критики и изслѣдователи отмѣчали способность поэта входить непосредственно въ какую угодно народность, характеръ и эпоху, называя очень часто эту способность отличительною чертою чисто русскаго характера. Насколько правильно подобное заключеніе, мы ужъ говорили раньше; что же касается способности поэта проникаться чужимъ міросозерцаніемъ, способности одинаково свободно чувствовать себя въ какой угодно обстановкѣ, т. е., что касается отзывчивости поэта, которую послѣ Достоевскаго принято называть способностью поэта къ перевоплощенію своего духа въ духъ чужихъ народовъ, то она, несомнѣнно, составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ творчества Пушкина, являясь, думается намъ, не столько слѣдствіемъ чисто русскаго склада ума поэта, сколько слѣдствіемъ силы и широты его поэтическаго дарованія и художественнаго развитія. И эту отзывчивость поэтъ проявилъ, между прочимъ, и въ отношеніи къ славянскимъ народностямъ, къ поэзіи и политическому ихъ состоянію. Пушкинъ интересовался славянскимъ вопросомъ тогда, когда о южныхъ и западныхъ славянахъ нигде у насъ не считалъ нужнымъ и говорить, полагая, что многіе изъ нихъ, какъ, напр., чехи, живя въ самыхъ неблагопріятныхъ

условіяхъ своего политическаго существованія, самую судьбой предназначены къ поглощенію болѣе сильной окружающей ихъ нѣмецкой средою, и поэтому не могутъ возбуждать никакого интереса. Пушкину, такимъ образомъ, въ исторіи русской литературы принадлежитъ честь одного изъ первыхъ пионеровъ славянской идеи въ русскомъ обществѣ. Обращаясь къ литературѣ, назовемъ прежде всего небольшую замѣтку библиографическаго характера А. Степовича въ сборникѣ Кіевс. Пед. Общест.— «Пушкинъ у Славянъ». Приводя рядъ заглавій произведеній Пушкина, на которыя обратили вниманіе славянскіе поэты, авторъ иногда дѣлаетъ сопоставленія оригинала съ переводомъ, стараясь такимъ путемъ выяснить, въ какой мѣрѣ тотъ или другой поэтъ, переводя Пушкина, оставался вѣренъ своему подлиннику. Тотъ же авторъ въ Юбил. сбор. Университета св. Владиміра помѣстилъ двѣ статьи: «Пушкинъ и Славянство»—рѣчь, читанная имъ въ торжественномъ собраніи Кіевскаго Педагогическаго Общества 28-го мая 1899 г. въ актовомъ залѣ Университ. св. Владиміра, и вторая статья—«Изъ Пушкинской юбилейной литературы у Славянъ. Литературные отголоски пушкинскаго столѣтняго юбилея». Первая изъ этихъ статей посвящена вопросу объ отношеніи Пушкина къ славянству, а также вопросу объ отношеніи славянской поэзіи къ Пушкину. Въ заключеніи статьи (IV и V гл.) читатель можетъ найти прекрасную характеристику міросозерцанія Пушкина и его политическихъ воззрѣній. Во второй изъ названныхъ нами статей г. Степовичъ подробно сообщаетъ о юбилейныхъ литературныхъ чествованіяхъ Пушкина у Славянъ въ Вѣнѣ, въ Краковѣ, у чеховъ, у болгаръ, у сербовъ и другихъ славянскихъ народностей¹⁾. Въ этомъ же университетскомъ сборникѣ

¹⁾ См.: 1) «Ruškiniana. Новые чешскіе переводы произведеній А. С. Пушкина. Статьи, посвященные его жизни и творчеству». В. Францевъ «Рус. Фил. В.» 1900, т. XLIII; 2) «Ruškin i Hrvati» проф. М. Шрепеля въ Ljetop. jugoslav. Akad.

помѣщена рѣчь проф. Флоринскаго «Пушкинъ и Челяковскій» ¹⁾. Говоря объ отношеніи Пушкина къ славянской поэзіи и славянъ къ поэзіи Пушкина и о юбилейной литературѣ, посвященной этому вопросу, нельзя не остановиться на одной очень интересной брошюрѣ, изданной въ Петербургѣ вскорѣ послѣ юбилейныхъ дней Пушкина— «Русско-Польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина». Цѣль названной брошюры—содѣйствовать взаимному ознакомленію и сближенію обществъ польскаго и русскаго. Выясненію этой цѣли и средствъ къ ея достиженію посвящена первая часть брошюры; вторая часть представляетъ отчетъ о чествованіи въ Петербургѣ и за границу, который былъ напечатанъ на польскомъ языкѣ въ «Краѣ» и перепечатанъ въ брошюрѣ на русскомъ яз., для того чтобы широкій кругъ русскихъ читателей имѣлъ возможность ознакомиться съ тѣмъ настроеніемъ, которое

1899 г. Пушкинъ въ переводахъ на хорватскій яз.; 4) см. также изданіе «Puškinova izabrana djela u hrvatskoj knjizi», которому предпослана статья того же проф. Шренеля; 5) «Русск. Фил. В.» т. XLIII, стр. 283, статья «Славянскія лит. новости». Болѣе подробныя библиографическія указанія см. въ обширной статьѣ В. В. Сиповскаго «Критико-библиографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899 г.» Ж. М. Н. Пр.» 1901, февраль.

1) Рѣчь эта была произнесена 16-го мая въ торжественномъ годичномъ собраніи членовъ Кіевскаго Славянскаго благотворительнаго общества. Въ первой части своей рѣчи авторъ говоритъ объ идеалахъ и задачахъ славянскаго благотворительнаго общества, вторая часть посвящена вопросу объ отношеніи Пушкина къ славянству. Говоря о значеніи Пушкина для всего славянскаго міра, проф. Флоринскій вспоминаетъ и другого славянскаго дѣятеля, сверстника Пушкина, чешскаго поэта Челяковскаго (1799—1852), одного изъ выдающихся представителей чешскаго національнаго возрожденія, и посвящаетъ ему третью часть своей рѣчи. Оба славянскіе поэта, говоритъ авторъ, не будучи лично знакомы, на двухъ противоположныхъ концахъ славянскаго міра совершали одно общее дѣло: закладывали первые камни будущаго величественнаго зданія славянской взаимности и солидарности....

въ данную минуту переживаетъ польское общество въ своихъ отношеніяхъ къ русскому обществу и правительству. Въ этомъ сборникѣ помѣщены, между прочимъ, всѣ юбилейныя телеграммы, прочтенныя редакторомъ «Края» на торжественномъ обѣдѣ 23 мая, письмо Сенкевича къ редактору «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и цѣлый рядъ весьма интересныхъ рѣчей В. Спасовича, А. Θ. Кони, Л. Полонскаго, С. А. Андреевскаго, Н. И. Карѣва и многихъ другихъ представителей науки и литературы. Каждый изъ ораторовъ въ своихъ рѣчахъ старался въ общихъ чертахъ охарактеризовать благородную личность друга Мицкевича, провозглашая тосты за тѣ идеалы добра и правды, которымъ служилъ нашъ поэтъ своею литературною дѣятельностью и которые должны лечь въ основу мирнаго культурнаго единенія славянскихъ народовъ.

Для знакомства съ переводами произведеній Пушкина на славянскіе языки проф. Пл. Кулаковскій издалъ къ юбилею сборникъ «Стихотворенія А. С. Пушкина въ славянскихъ переводахъ». Варшава 1899. Не претендуя на полноту изданія, сборникъ проф. Кулаковскаго имѣетъ въ виду, приводя нѣкоторые переводы стихотвореній Пушкина на славянскіе языки, наглядно показать читателю, что Пушкинъ извѣстенъ славянству. Въ концѣ сборника помѣщенъ текстъ: *Le Morlague à Venise* изъ извѣстнаго изданія Просп. Мериме—*La Guzla ou le choix des poésies illyriques recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégovine* (1827), откуда Пушкинъ заимствовалъ сюжетъ для 11 своихъ стихотвореній (Пѣсни Запад. Славянъ). Въ этомъ же сборникѣ помѣщены—стихотвореніе Пушкина «Влахъ въ Венеціи» и Мицкевича «*Morlach w Wenecyji*» — оба передѣлка текста Мериме, очень интересныя для сравнительной характеристики творчества обоихъ поэтовъ.

Въ XVII т. «Русскаго Ф. В.» за 1899 г. помѣщена рѣчь того же автора—«Славянскіе мотивы въ творествѣ Пушкина». Здѣсь проф. Кулаковскій обращаетъ вниманіе

читателей на вопросъ, почему Пушкинъ могъ интересоваться славянами, почему его чудная лира дала отзвуки на извѣстные опредѣленные мотивы, сдѣлавъ свой опредѣленный выборъ среди множества сюжетовъ... и объясняетъ это тѣмъ, что время развитія Пушкина совпало съ временемъ общаго движенія въ славянскомъ мѣрѣ, съ эпохой возрожденія славянскихъ народовъ, во главѣ которыхъ стояли уже извѣстные тогда Карагеоргіевичъ, пріѣзжавшій въ Петерб. и возбуждавшій своею личностью всеобщій интересъ и симпатіи, и Вузь-Караджичъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ въ 1819 г., отличенный за свои труды Російской Академіей Наукъ. На югѣ Россіи Пушкинъ, будучи лично знакомъ съ такими личностями, какъ Ипсиланти, имѣлъ возможность еще ближе ознакомиться съ славянскимъ міромъ. Липранди рассказываетъ, что Пушкинъ у него въ домѣ встрѣчался съ сербскими воеводами, жившими въ Кишиневѣ (Вучичемъ, Ненадовичемъ, Живковичемъ), и при этомъ записывалъ отъ нихъ сербскія народныя пѣсни и значеніе отдѣльныхъ словъ, необходимыхъ ему для переводовъ. Ризничъ, женою котораго увлекался поэтъ въ Одессѣ, былъ родомъ изъ Далматіи—сербо-хорватъ. Ко времени пребыванія поэта въ Бессарабіи относится нѣсколько его стихотвореній, посвященныхъ предводителю сербскаго возстанія—Кара-Георгію и его дочери. Но поэтъ не только интересовался сербскою поэзіею,—онъ зналъ сербскій языкъ, о чемъ свидѣлствуютъ его переводы изъ сборника В. Караджича. Значительную же часть своихъ «пѣсенъ западныхъ Славянъ» Пушкинъ, какъ извѣстно, заимствовалъ изъ мистификаціи Мериме, при чемъ переводы и передѣлка его, очень часто касающіяся повидимому мелочей, свидѣлствуютъ о глубокомъ пониманіи поэтомъ народа, его жизни, возрѣній и поэзіи, что особенно ярко сказывается въ его переводахъ съ польскаго—стихотвореній Мицкевича. Авторъ предполагаетъ, что Пушкинъ былъ знакомъ съ польскимъ яз., что будто бы доказываютъ его черновыя те-

тради, въ которыя имъ внесено нѣсколько стихотвореній Мицкевича.

Въ юбилейной пушкинской литературѣ мы находимъ также небольшую замѣтку М. Славинскаго, посвященную вопросу «о дружбѣ Пушкина и Мицкевича». (См. «Жизнь» 1891, V). Авторъ замѣтки говоритъ о первой встрѣчѣ и дальнѣйшемъ знакомствѣ поэтовъ, о ихъ бесѣдахъ, о лекціяхъ Мицкевича въ Collège de France, посвященныхъ Пушкину, объ отношеніи Пушкина къ поэзіи Мицкевича и о ихъ воздѣйствіи другъ на друга. Ниже, въ этомъ же журналѣ помѣщена извѣстная статья А. Мицкевича «Александръ Пушкинъ», впервые напечатанная имъ во французской газетѣ «Globe» (25 мая 1837 г.), за подписью «Одинъ изъ друзей Пушкина».

Такое же мѣсто, какъ и вопросъ о „народности“, въ изученіи литературной дѣятельности Пушкина занимаетъ и другой, стоящій съ нимъ въ тѣсной связи, вопросъ, на который юбилейная литература дала цѣлую массу самыхъ разнообразныхъ отвѣтовъ; это—вопросъ о значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы. Переходя къ обзорѣнью юбилейной литературы, посвященной этому вопросу, остановимся прежде всего на работахъ болѣе общаго характера и въ ряду этихъ работъ назовемъ сначала статью Г. В. Александровскаго—«Поэтъ-эхо» (напечатана въ Ежег. Коллегіи П. Галагана въ Кіевѣ 1899 г.).

Не всегда правильное отношеніе къ личности поэта и его общественнымъ и литературнымъ взглядамъ создало цѣлый рядъ всякаго рода предразсудковъ, часто неосновательныхъ и почти всегда бросающихъ тѣнь на личность поэта. Извѣстное стихотвореніе Пушкина «Чернь», разсматриваемое внѣ связи и съ тою эпохою въ жизни поэта, когда оно было написано имъ, и съ другими его произведеніями, затрагивающими тотъ же самый вопросъ, для многихъ критиковъ и изслѣдователей, съ легкой руки Бѣлинскаго, сдѣлалось характернымъ для заключеній о поэтическомъ profession de foi Пушкина. Опираясь на это стихотвореніе, какъ на вполне достаточное основаніе,

стали строить цѣлую теорію художественнаго индифферентизма поэта, стали обвинять его въ томъ, что, уйдя въ область художественнаго творчества, онъ отвернулся отъ общества, отъ дѣйствительной жизни съ ея радостями и горемъ. Самъ поэтъ, говоря о своей отзывчивости на всѣ явленія обружающей его дѣйствительности и о своемъ одиночествѣ среди этой отзывчивости, сравнивалъ себя съ эхомъ, и правильность этого сравненія подтверждается всей его литературной дѣятельностью. Выясненію вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ Пушкинъ былъ сторонникомъ такъ называемаго чистаго искусства и поскольку его поэзія, дѣйствительно, была эхомъ на явленія текущей нашей общественной жизни, и посвящена рѣчь Г. В. Александровскаго. Разсматривая жизнь и литературную дѣятельность поэта и обращая вниманіе на такія стихотворенія, какъ, напр., «Лицинію» — сатира въ ювеналовомъ духѣ, которую современники, не задумываясь, приурочили къ Арапчееву, «Уединеніе» — элегія, доказывающая, какъ сильно было уже тогда развито у поэта пониманіе окружающей жизни и негодованіе на темныя стороны ея, затѣмъ, останавливаясь и на другихъ, болѣе крупныхъ произведеніяхъ поэта, авторъ всюду находитъ черты, рѣзко отражающія текущую общественную жизнь, активнымъ дѣятелемъ которой поэтъ всегда хотѣлъ стать, особенно въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда онъ мечталъ объ изданіи политическаго органа. Пушкинъ, заключаетъ авторъ, въ теченіе своей короткой литературной дѣятельности никогда не стоялъ внѣ общественныхъ интересовъ, наоборотъ, они всегда глубоко захватывали его и находили себѣ отраженіе въ его поэтическихъ созданіяхъ. Черты общестственности настолько ярко выступаютъ въ литературной дѣятельности Пушкина, что только по какому то странному недомыслию можно называть его, вслѣдъ за Писаревымъ, поэтомъ чистаго искусства ²⁾).

---

¹⁾ Къ такому же заключенію о характерѣ творчества Пушкина приходитъ и А. К. Бороздинъ въ своей брошюрѣ

Если же поэзія Пушкина есть отзывъ живой дѣйствительности, если притомъ онъ вѣрно воссоздавалъ русскую дѣйствительность, то, какъ поэтъ, Пушкинъ является лучшимъ историкомъ русской жизни. Каждый талантливый писатель, замѣчаетъ по этому поводу проф. М. Н. Бережковъ (см. юбилейный сборникъ Истор. Фил. Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, рѣчь проф. Бережкова «Пушкинъ, какъ историкъ русской жизни»), правдиво записавшій свои жизненные впечатлѣнія, по тому самому есть въ извѣстной мѣрѣ историкъ своего времени; если же этотъ наблюдатель обладаетъ даромъ художественнаго выраженія своихъ мыслей, то онъ становится еще болѣе цѣннымъ писателемъ въ отношеніи историческомъ, онъ описываетъ жизнь не только съ умомъ и искренностью, но еще съ искусствомъ живописца. Въ частности Пушкинъ обладалъ качествами, особенно выгодными для правильного изображенія жизни. Поэтъ съ пламеннымъ творческимъ воображеніемъ, полнымъ образомъ и картинъ,

---

«А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности», С.-Пб. 1899 г. Разсматривая отношеніе Пушкина къ нѣкоторымъ вопросамъ русской общественной жизни за первый и второй періодъ его литературной дѣятельности и отмѣчая всегда отзывчивое отношеніе его къ живой дѣйствительности, авторъ замѣчаетъ, что Пушкинъ всегда былъ поэтомъ дѣйствительности, какъ въ первый періодъ своей дѣятельности, такъ и во второй, болѣе зрѣлый. „Отрѣшонности отъ жизни нѣтъ, говоритъ А. К. Бородинъ, а напротивъ, благодаря, прежде всего Пушкину, литература наша сближается съ жизнью, становится точнымъ и правдивымъ ея воспроизведеніемъ, истолковательницею, выразительницею ея лучшихъ стремленій, и поэтъ дѣлается ея пророкомъ, ведущимъ людей впередъ, къ свѣту и правдѣ. Своей лирой, чуждой фальшивыхъ нотокъ нашихъ прежнихъ литературныхъ направленій, Пушкинъ дѣйствительно пробуждалъ въ людяхъ добрыя чувства; руководясь своимъ неподкупнымъ, не подчиняющимся никакимъ вѣшнимъ силамъ, вдохновеніемъ, онъ указывалъ людямъ тѣ цѣли, къ которымъ они должны стремиться; говорилъ имъ, чѣмъ они живы; онъ и теперь это дѣлаетъ, и такъ будетъ, «доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хоть одинъ пѣтъ...»“.

онъ въ то же время былъ вполне трезвый созерцатель, спокойно разбиравшійся въ своихъ впечатлѣнїяхъ и образахъ; выходило такъ, что поэтическіе образы, зародясь въ его горячей душѣ, принимали окончательную отдѣлку въ ясномъ и спокойномъ умѣ съ помощью образованнаго литературнаго вкуса, по здоровой теорїи искусства... И одно это обстоятельство, т. е. всегда художественное впечатлѣніе отъ поэзіи Пушкина, уже служить намъ ручательствомъ за то, что его поэзія есть вѣрное изображеніе дѣйствительности; вѣдь по самой своей сущности изящное есть то-же, что истинное и правдивое. Другое ручательство за правдивость поэзіи Пушкина—простота созерцанія имъ жизни; эта простота, иначе прамодушіе и честность, была у нашего поэта природнымъ и еще больше, быть можетъ, воспитаннымъ его качествомъ, т. е. слѣдствіемъ серьезнаго размышленія и всегда честныхъ поступковъ въ жизни.. Для историка пушкинскіе типы—настоящая находка; вѣдь историкъ также стремится къ тому, чтобы обобщать явленія, возводя единичное и частное къ общему, иначе типическому, вся исторія могла бы стать наукой о типахъ или о типичномъ въ жизни.

Такимъ образомъ, характеръ творчества поэта и его отношеніе къ явленіямъ обрѣзавшей дѣйствительности ставить его произведенія въ ряду несомнѣнно цѣнныхъ историческихъ документовъ, на основаніи которыхъ можно воссоздавать болѣе или менѣе правильную картину частной и общественной жизни извѣстной исторической эпохи. Какими же путями, какими движеніями мысли поэтъ создалъ то, что для насъ является въ настоящее время художественно историческимъ памятникомъ и предметомъ наивысшаго эстетическаго наслажденія? Какія задачи ставилъ себѣ самъ поэтъ и какъ рѣшилъ для себя самаго? Рѣшеніе этихъ вопросовъ вводитъ изслѣдователя литературной дѣятельности поэта въ область психологїи художественнаго творчества, какъ особаго вида работы мысли. Обзоръ поэтической дѣятельности Пушкина съ таковой, психологической точки зрѣнія даетъ проф. Д. Н. Овсянико-

Куликовскій въ своей статьѣ—«А. С. Пушкинъ—какъ художественный гений». (См. юбилейный сборникъ журнала «Жизнь» стр. 3—43). Обобщающіе процессы мысли (результаты ихъ—понятіе, законъ, принципъ), говоритъ проф. Овсян.-Куликовскій, упорядочивая разнообразіе впечатлѣній, группируя, классифицируя ихъ и подводя подъ общія нормы, могутъ быть по праву названы аккумуляторами умственной энергіи, центральными источниками умственного свѣта, откуда лучи мысли свѣтятъ въ разныя стороны. Гений мысли отличается отъ не-генія прежде всего тѣмъ, что онъ—отличный аккумуляторъ умственной энергіи, сберегающій и накаплиющій огромную силу мысли, между тѣмъ, какъ умъ обыкновенный сберегаетъ и накапливаетъ ея сравнительно немного... — Великіе художники вообще и поэты въ частности суть такіе же аккумуляторы: они создаютъ художественныя обобщенія, типичные образы, — своего рода очаги умственного свѣта, откуда лучи свѣта распространяются на огромные районы фактовъ дѣйствительности. Гениальные художники это—тѣ, которые создали наиболѣе широкіе художественные типы, имѣющіе или могущіе имѣть значеніе общечеловѣческое (17). Анализъ и ближайшее опредѣленіе ума и дарованія поэта, ихъ относительной глубины и силы, ихъ правъ на титулъ гениальности—и составляетъ задачу разсматриваемой статьи проф. Овсянко-Куликовскаго. Переходя къ анализу творчества поэта, авторъ, на основаніи нѣкоторыхъ замѣчаній Пушкина, изъ его переписки намѣчаетъ двѣ сферы дѣятельности мышленія Пушкина: сферу сознательнаго и бессознательнаго творчества. Движеніе бессознательнаго... въ сферу сознанія есть... вдохновеніе. На этой почвѣ, прежде всего, создалась фигура лѣтописца Пимена съ его бессмертными монологами (12). Уже раннія произведенія Пушкина оставляютъ на себѣ вниманіе психолога, какъ первые показатели или симптомы гениальности Пушкина, какъ продукты его юнаго, еще незрѣлаго, но уже вдохновеннаго творчества... Не только «Бахчисарайскій Фонтанъ» и «Кавказскій Плѣнникъ», но

даже «Русланъ и Людмила» были плодомъ не холоднаго сочинительства, а результатомъ полученныхъ и „переваренныхъ“, т. е. переработанныхъ въ бессознательной сферѣ впечатлѣній, воспоминаній и мыслей. Ихъ незначительность и слабость зависѣли отъ того, что сама то бессознательная сфера у юнаго поэта была тогда еще не богата содержаніемъ, фактическимъ и идейнымъ.

Поэма «Цыгане» въ цѣломъ есть ни что иное, какъ превосходно удавшійся опытъ ясной, точной и сильной формулировки въ терминахъ «Алеко», «Цыгане», «Старикъ» одной изъ важныхъ и популярныхъ въ свое время европейскихъ идей. Найти краткую и исчерпывающую формулу для сложной и неясной идеи — значитъ явить блестящій примѣръ умѣнія экономизировать мысль. Въ «Цыганахъ» эта экономизація такъ велика, что умъ, ее совершившій, уже можетъ быть заподозрѣнъ въ геніальности. Но такъ какъ самая то „формула“ въ данномъ случаѣ дана въ образахъ схематичныхъ и условныхъ, а не въ художественныхъ типахъ, то она, не взирая ни на какія „красоты“ стиха и описаній, не можетъ быть признана художественной въ тѣсномъ смыслѣ (16).— Нѣсколько выше авторъ говорилъ о томъ, что идея «Цыганъ» — противопоставленіе первобытной правды неправдѣ цивилизованнаго общества, въ связи съ идеализаціей „дикой доли“ сдана въ архивъ исторіи, поэтому и столь яркое и сильное выраженіе ея въ «Цыганахъ» для насъ теперь уже почти реторика. Изъ разсмотрѣнія поэмы авторъ дѣлаетъ такой выводъ: творчество, результатомъ котораго явилась эта поэма, не было индуктивнымъ въ собственномъ смыслѣ,—въ немъ слишкомъ много мѣста занимало движеніе мысли отъ общаго къ частному, отъ идеи къ образу. Этотъ путь не свойственъ истинному художественному творчеству, которое чѣмъ индуктивнѣе, тѣмъ художественнѣе. Какъ истинный художникъ, Пушкинъ долженъ былъ скоро повинуть несвойственный его генію путь отъ общаго, отъ идеи и перейти къ настоящему художественному творчеству, отъ фактовъ къ обобщеніямъ.

Это путь наблюдений надъ дѣйствительностью; результаты такихъ наблюдений принимаютъ форму художественныхъ типовъ; типы, обобщая дѣйствительность, даютъ намъ ея истолкованіе; изъ отношеній различныхъ типовъ другъ къ другу и всѣхъ ихъ — въ дѣйствительности сама собой выдѣляется идея, въ которой раскрывается намъ какая либо сторона души человѣческой или осмысливается въ частяхъ или въ цѣломъ внутренняя жизнь общества, народа, эпохи, человечества (17). Дальнѣйшій ходъ художественнаго развитія поэта, начиная съ первыхъ двухъ главъ романа «Евгенія Онѣгина», и представляетъ собою этотъ процессъ постепеннаго перехода въ наблюденію дѣйствительности и созданію художественныхъ обобщеній, или типичныхъ образовъ, какими были образы Евгенія Онѣгина, Татьяны, національные по укладу своей психики, опредѣлившіе собою всю послѣдующую эволюцію аналогичныхъ литературныхъ типовъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ намѣчаетъ черты геніальности поэта въ созданіи имъ общечеловѣческихъ типовъ, общечеловѣческихъ не въ томъ смыслѣ, что они лишены національнаго пріуроченія, а въ томъ, говоритъ авторъ, что ихъ національность не является въ нихъ предметомъ художественнаго воспроизведенія, потому что задачей, поставленной и рѣшенной художникомъ, служатъ здѣсь извѣстныя душевныя явленія, равно принадлежащія всѣмъ національностямъ, независимыя отъ той или иной національной формы. Проблемы, поднятыя и рѣшенныя поэтомъ въ этихъ типахъ, слѣдующія: 1) психологія скупости; 2) психологія хищной мужской любви; 3) психологія зависти таланта и труженника къ генію и въ связи съ этимъ вопросъ о геніи, какъ натурѣ, характерѣ. Эти три страсти и еще психика генія, не только представлены въ образахъ, но и психологически истолкованы (28). И это художественное истолкованіе и широкое обобщеніе извѣстныхъ явленій души человѣческой, данныя Пушкинымъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ цѣннымъ вкладомъ въ науку. Но такъ какъ Пушкинъ былъ поэтомъ-лирикомъ,

то для правильного рѣшенія вопроса о гениальности поэта, необходимо рассмотреть также, что такое лирика, и какъ понимать гениальность въ лирикѣ. Этому вопросу посвящена заключительная часть работы проф. Овсяннико-Куликовскаго. Рѣшеніе его приводитъ автора, прежде всего, къ рѣшенію вопроса о томъ, что такое эстетическое чувство, то чувство, которое вызывается въ насъ воспріятіемъ художественныхъ типовъ и которое, вѣроятно, въ гораздо сильнѣйшей степени, сопутствуетъ процессу ихъ созданія, и ощущается самимъ поэтомъ, какъ „вдохновеніе“. Подходя къ рѣшенію поставленнаго выше вопроса о гениальности въ лирикѣ и намѣчая рѣшеніе тѣсно связаннаго съ нимъ второго вопроса—объ эстетическомъ чувствѣ, авторъ указываетъ первоисточникъ этого чувства въ томъ чувствѣ умственнаго удовлетворенія, которое сопутствуетъ процессу мышленія, когда оно протекаетъ безпрепятственно и успѣшно. Въ процессѣ спеціально художественнаго мышленія (въ отличіе отъ научнаго и философскаго) чувство умственнаго удовлетворенія перерабатывается и превращается въ нѣчто новое и болѣе сложное силою другого ощущенія, ему сопутствующаго и съ нимъ сливающагося; это другое, по моему разумѣнію, говоритъ авторъ, есть воспріятіе того ритма, который присущъ художественной мысли по преимуществу, какъ въ ея внутреннемъ механизмѣ, такъ и въ ея внѣшнихъ выраженіяхъ. Въ этихъ внѣшнихъ выраженіяхъ (въ такъ называемой внѣшней формѣ искусства),— въ языкѣ, стилѣ, построеніи образовъ и ихъ сочетаніяхъ въ поэзіи, въ гармоніи красокъ, свѣта и тѣни въ живописи, гармоніи линий въ архитектурѣ, музыкальныхъ элементовъ въ музыкѣ и т. д. ярко и, такъ сказать, „осязательно“ проявляется внутренній ритмическій строй процессовъ художественной мысли... Воспріятіе этой внутренней гармоніи, присущей самому процессу художественной мысли, входитъ въ составъ эстетическаго чувства. Если это воспріятіе настолько энергично, что является не только спутникомъ художественной мысли, но и однимъ изъ факто-

ровъ въ ней, одною изъ дѣятельностей, ее слагающихъ, то оно становится — лирикой, лирическимъ (въ широкомъ смыслѣ) мышленіемъ, причемъ все равно — найдетъ ли оно, или нѣтъ, выраженіе себѣ во внѣшней формѣ... Лирика, въ тѣсномъ смыслѣ, есть чувство гармоніи въ сочетаніи съ какимъ нибудь другимъ чувствомъ определенной категоріи (грусть, радость, любовь, скорбь, религиозное умиленіе, негодованіе и т. д., и т. д.). Лирическая поэзія возможна только при участіи въ движеніи чувствъ воспріятія внутренней гармоніи или ритма мысли, что обыкновенно называютъ „эстетической эмоціей“. Этимъ терминомъ психологи называютъ воспріятіе сознаниемъ ритма бессознательнаго броженія мысли, т. е. то, что поэты называютъ „вдохновеніемъ“. Проф. Овсянико-Куликовскій предлагаетъ оставить за этимъ процессомъ его собственное названіе — „воспріятіе внутренней гармоніи“. Геніальный лирическій поэтъ — это тотъ, у котораго упорядоченіе чувствъ силою внутренняго ритма возведено на высшую ступень. Геніальность въ лирикѣ, это — достиженіе той совершеннѣйшей гармоніи въ сферѣ чувствъ, каковы бы они ни были, любовныя или „гражданскія“, которая заставляетъ насъ, воспринимая ее, повторять слова Сальери:

„Какая глубина,
Какая смѣлость и какая стройность!“ (43).

Пушкинъ обладалъ въ высшей степени развитою способностью экономизировать мысль и создавать художественныя типы, и упорядоченіе силою внутренняго ритма въ немъ возведено было на высшую ступень; объ этихъ психическихъ особенностяхъ натуры поэта свидѣлствуютъ многіе факты изъ его литературной дѣятельности и общій характеръ его художественнаго творчества. Эти особенности психики и творчества и даютъ намъ основанія говорить о художественной геніальности нашего поэта ¹⁾.

---

¹⁾ См. «Міръ Б.» за 1899 г. № 7 въ библиограф. отдѣлѣ

Остановившись въ общихъ чертахъ на работахъ Александровскаго, Бережкова и Овсяннико-Куликовскаго, мы этимъ самымъ отмѣтили тѣ основные вопросы, исходя изъ которыхъ можно говорить о значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы. Вопросы эти: художественная отзывчивость, или широта творчества, соотвѣтствіе его живой дѣйствительности, или художественная правда и типологическій характеръ творчества. Всѣ же эти вопросы въ свою очередь сливаются въ одинъ болѣе общій вопросъ, въ вопросъ о художественномъ реализмѣ творчества Пушкина, которымъ и опредѣляется, собственно говоря, его существенное значеніе въ исторіи русской литературы. Вопросъ о значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы всегда былъ однимъ изъ наиболѣе любимыхъ вопросовъ критической литературы о Пушкинѣ и его произведеніяхъ, и послѣдней юбилейной литературѣ въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Но, поражая своимъ количествомъ мелкихъ работъ, посвященныхъ вопросу о значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы, юбилейная литература въ то же время отличается полнымъ отсутствіемъ болѣе крупныхъ, оригинальныхъ работъ по этому вопросу, хотя очень много такого рода работъ мы имѣли случай отмѣтить въ обзорѣ литературы по вопросу, напр., о предшественникахъ Пушкина въ русской и западноевропейской литературѣ, о байронизмѣ Пушкина и т. д. Т. е. въ то время, какъ большинство вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ Пушкина, повидимому, перешли въ руки специалистовъ изслѣдователей, вопросъ о значеніи Пушкина въ исторіи литературы оставался предметомъ работъ болѣе мелкихъ изслѣдователей, которые въ большинствѣ случаевъ не могли, конечно, претендовать на „свое слово“ и должны были ограничиться повтореніемъ и разъясненіемъ того, что было уже извѣстно и

замѣтку о сборникѣ журнала «Жизнь» и о статьѣ проф. Овсяннико-Куликовскаго.

раньше. Не свидѣтельствуешь ли такое положеніе вещей о новомъ направленіи и новой эпохѣ въ исторіи изученія пушкинскаго текста, тѣсно связанной съ столѣтнимъ юбилеемъ поэта, когда историко-литературное изслѣдованіе, прежде чѣмъ дѣлать болѣе общія заключенія, обратилось къ научному изслѣдованію отдѣльных, болѣе частныхъ вопросовъ, связанныхъ съ именемъ Пушкина и его литературной дѣятельностью.

Переходя къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ работъ, посвященныхъ вопросу о значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы, остановимся опять сначала на тѣхъ статьяхъ, которыя помѣщены въ сборникѣ Кіевскаго Учебнаго Округа.

Л. В. Головки въ своей работѣ «Главные черты поэтической дѣятельности Пушкина» (III, 106), назвавъ Пушкина поэтомъ великимъ и давъ краткую его біографію, въ краткихъ чертахъ намѣчаетъ общія свойства поэтической дѣятельности Пушкина: правдивость, нравственную чистоту и красоту творчества, которое любило преимущественно эстетическую сторону дѣйствительности, народность въ широкомъ смыслѣ слова, самобытность творчества, религиозность, любовь къ родинѣ, его славѣ и его пользѣ, признательность мѣсту воспитанія, благодарность учителямъ и любовь къ товарищамъ.

Другой авторъ, В. С. Александровичъ, въ статьѣ «Значеніе литературной дѣятельности Пушкина» (II, 195) „въ краткихъ, но рѣзкихъ и опредѣленныхъ чертахъ“ отмѣчаетъ главнѣйшія заслуги Пушкина въ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Заслуги эти слѣдующія: во первыхъ, пройдя черезъ строй иноземныхъ вліаній, Пушкинъ первый сталъ самостоятельнымъ русскимъ поэтомъ, провозгласившимъ полную свободу художественнаго творчества, право генія идти „свободною дорогой, куда влечетъ его свободный умъ“, т. е. Пушкинъ—родоначальникъ новаго самобытнаго направленія въ исторіи русской литературы. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является и творцомъ новаго литературнаго языка. Въ третьихъ,—

какъ эстетикъ, какъ мастеръ формы и стиха, „Пушкинъ содѣйствовалъ эстетическому развитію русскаго читателя, пробуждая сочувствіе въ поэзіи въ массѣ русскаго общества. Въ четвертыхъ, онъ является національнымъ писателемъ, такъ какъ въ его поэзіи нашли себѣ правдивое и художественное изображеніе всѣ стороны русской дѣйствительности—и русская природа, и народная жизнь съ ея психологіей, и жизнь высшихъ слоевъ общества, и, наконецъ, главнѣйшіе моменты нашей исторіи; онъ способствовалъ сознанию нашего прошлаго и настоящаго и, по справедливости, можетъ быть названъ нашимъ величайшимъ національнымъ поэтомъ, къ „неруководному памятнику“ втораго „не зарастаетъ народная тропа“. Но Пушкинъ былъ не только національнымъ поэтомъ: онъ былъ многообъемлющій гений, обладающій поразительной способностью переноситься фантазіей во всевозможныя эпохи и страны и рисовать съ удивительной правдой и художественностью самыя разнообразныя картины природы — вообще перевоплощаться въ чужую національность и усваивать чужое міросозерцаніе, даръ, которымъ Пушкинъ превосходитъ всѣхъ европейскихъ поэтовъ. Въ-пятыхъ, Пушкинъ первый положилъ начало тому здоровому поэтическому слладу, который сдѣлался теперь отличительнымъ признакомъ русской поэзіи и который прежде всего бросается въ глаза иностранцамъ, — именно, тому русскому реализму, который такъ рѣзко отличается отъ реализма европейскаго — и онъ же своей поэзіей намѣтилъ тѣ пути, по которымъ пошли его преемники, унаслѣдовавшіе навсегда вультъ Пушкина и видѣвшіе въ личности своего геніальнаго руководителя предметъ настоящаго поклоненія. Наконецъ, Пушкинъ — поэтъ учитель, „пробуждающій въ нашихъ чувствахъ добрыя чувства и призывающій милость къ падшимъ“.

О тѣхъ же заслугахъ Пушкина въ исторіи русской литературы и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ говорятъ: И. П. Андріевскій въ статьѣ — «Заслуга Пушкина для русской литературы» (II, 240), О. М. Дворянскій въ ста-

тъѣ — «Значеніе А. С. Пушкина въ русской литературѣ» (II, 265), Ѳ. Н. Ивановъ въ статьѣ — «Значеніе литературной дѣятельности А. С. Пушкина» (II, 285), М. И. Благоразумовъ — «Значеніе литературной дѣятельности Пушкина» (II, 326), И. Н. Александровъ — «О литературныхъ заслугахъ А. С. Пушкина» (II, 354), А. Н. Ходиковъ — «Значеніе и заслуги Пушкина» (II, 357), и т. д. и т. д. Повтореніе того же самаго о заслугахъ Пушкина можно найти и у С. Назарьева — «Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы», Николаевъ 1899 г. и у Ф. А. Витберга — «А. С. Пушкинъ», рѣчь, читанная на женскихъ педагогическихъ курсахъ, въ Импер. Общ. благородныхъ дѣвиць и въ Никол. Инженер. училищѣ. С.-Пб. 1899 г.

Въ майской книжкѣ журнала «Міръ Божій» за 1899 годъ помѣщена публичная лекція В. П. Острогорскаго — «Наванунѣ столѣтія», посвященная вопросу о заслугахъ и значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы. Остановимся на этой работѣ нѣсколько подробнѣе для того, чтобы судить о томъ, какъ тотъ же самый вопросъ о значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы рѣшался болѣе компетентными изслѣдователями. Разсматривая этотъ вопросъ, авторъ обращаетъ вниманіе прежде всего на красоту языка, формы, стиха и образа. „Такой красоты формы, говоритъ онъ, въ соединеніи съ простотой, опредѣленностью, ясностью, музыкальностью и притомъ, съ такой именно русской національностью языка, еще не видѣлъ ни русскій стихъ, ни проза, и уже одна эта эстетическая сторона его произведеній, доставляющая сама по себѣ наслажденіе, даже независимо отъ содержанія, ставитъ Пушкина на ряду съ величайшими, мировыми поэтами...“. Но Пушкинъ — „не только чистый эстетикъ, бряцающій на кимвалѣ красивые, ласкающіе слухъ мотивы и тѣшущій праздное воображеніе красивыми образами, онъ — пророкъ, вѣщающій Божьи глаголы, народный поэтъ, въ памятнику котораго не зарастаетъ народная тропа, и всегда, пока будетъ стоять Русь, будетъ этому народу любезенъ не только тѣмъ, что былъ полезенъ жи-

вой прелестью стиха. Пушкинъ своими сочиненіями открылъ Россіи ее самое. Воспользовавшись преданіями старины глубокой въ пѣсняхъ и сказкахъ, онъ прозрѣлъ эту старину и изобразилъ ее въ «Русланѣ», сказкахъ и записанныхъ или обработанныхъ имъ пѣсняхъ, чего у насъ до него не было. Онъ прозрѣлъ въ „дѣла давио минувшихъ дней“ и изъ дыма столѣтій извлекъ образы и картины изъ нѣсколькихъ, существеннѣйшихъ и знаменательнѣйшихъ моментовъ нашей исторіи, которой до Пушкина мы не знали... На ряду съ картинами прошлаго у Пушкина мы находимъ цѣлый рядъ богатыхъ картинъ современности, картинъ русской природы отъ Кавказа и Крыма до бѣдной деревушки, языкъ картинъ народной жизни, и жизни высшаго общества — все это разнообразіе могъ представить намъ только одинъ Пушкинъ, первый и никѣмъ не превзойденный до сихъ поръ національный русскій писатель, обладавшій ему одному свойственнымъ талантомъ... Это даетъ право назвать Пушкина первымъ поэтомъ художникомъ — бытописателемъ и лѣтописцемъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ — онъ „первая наша художественная творческая великая душа, первая серьезная наша поэтическая дума, первое наше русское сердце, — и вѣрно сказалъ о Пушкинѣ Тютчевъ:

Тебя, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!

„..... Подобно Гёте, Пушкинъ облетѣлъ крылатою мыслью весь современный ему русскій міръ и съ поразительной яркостью и силой отразилъ въ своихъ стихахъ и вольнолюбивыя мечты своего времени, и лучшія чувства, и лучшія человѣческія движенія. Но не одно всеобъемлющее сердце, не одно жизнерадостное чувство видимъ мы въ поэтѣ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ первый у насъ поэтъ серьезной думы, — думы глубоко-скорбной, заставляющей „мыслить и страдать“. Пушкинъ еще при жизни пользовался глубокими симпатіями русскаго общества, которое зачитывалось его произведеніями и съ жадностью набрасыва-

лось на каждую строчку, подписанную именемъ Пушкина, и его поэзія, являясь выраженіемъ идеаловъ гуманности, не могла не оставить слѣда на современномъ обществѣ... Общество начало мыслить, начало чувствовать; въ грубо-матеріальную, холодную, мертвую жизнь отъ солнца Пушкина проникъ лучъ гуманизирующей поэзіи и нашель себѣ отраженіе во всѣхъ сферахъ умственной и духовной жизни русскаго общества первой четверти XIX столѣтія. Поэзія Пушкина вдохновила цѣлый рядъ русскихъ композиторовъ и художниковъ, которые своими трудами положили начало національно-реалистическому направленію въ музыкѣ и живописи.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ устанавливаетъ связь между историко-литературными и этнографическими трудами Пушкина и развитіемъ русской этнографіи и національной науки въ трудахъ Сахарова, Кирѣевскаго, впоследствии — Соловьева, Костомарова, Кавелина, Аксаковыхъ, Безсонова, Рыбникова, Буслаева, Тихонравова и друг. изслѣдователей русской старины. Не отрицая значенія Пушкина въ исторіи русской литературы и въ этомъ отношеніи, мы однако не можемъ вполне согласиться съ постановкой вопроса о Пушкинѣ и національной наукѣ, предлагаемой В. П. Ост-имъ. Кажется намъ, что болѣе правильно было бы разсматривать Пушкина только какъ одно изъ звеньевъ общаго теченія русскаго самосознанія, которое со второй половины XVIII стол. подъ вліяніемъ различныхъ явленій и внутренней и внѣшней политической жизни русскаго общества твердо вступило на путь изученія родной дѣйствительности, такъ что дѣятельность Пушкина въ исторіи научно-философскаго развитія русскаго общества представляется намъ въ большей мѣрѣ пассивной, если можно такъ выразиться, чѣмъ активной, т. е. Пушкина слѣдуетъ разсматривать, прежде всего, какъ одно изъ явленій научно-философскаго развитія общества, но не какъ явленіе, которое своею дѣятельностью *положило начало* дальнѣйшему развитію національныхъ теченій въ русской наукѣ, потому что дѣятельность поэта,

оказывая известное влияние, в то же время зависит и от явлений исторической жизни общества так же, как и от явлений частного психического порядка. Поэтому болѣе правильно было бы дѣятельность Пушкина и его преемниковъ, какъ въ области научно-философской, такъ и въ области литературной, разсматривать въ связи съ общимъ ходомъ развитія національныхъ теченій въ русской мысли, а не какъ дѣятельность, которая, въ прошломъ не имѣя никакой основы, опредѣлила собою дальнѣйшее развитіе известнаго теченія общественной и научной мысли русскаго общества. Мы позволили себѣ сдѣлать это замѣчаніе при разсмотрѣніи работы В. П. Острогорскаго только какъ возраженіе противъ того представленія о дѣятельности Пушкина, которое невольно выносятся изъ его лекціи. Вторая часть этой лекціи посвящена вопросу о роли Пушкина въ послѣдующей русской литературѣ. Здѣсь же вмѣстѣ съ тѣмъ дается и характеристика отдѣльныхъ эпохъ въ исторіи изученія Пушкина.

Для оцѣнки значенія Пушкина, говоритъ Р. И. Сементковскій въ своемъ очеркѣ «Значеніе Пушкина»¹⁾, нельзя брать ту или другую критическую, философскую или эстетическую теорію, всѣ эти, такъ называемыя, послѣднія слова мнимой науки или философіи, надо занять другую точку зрѣнія — историческую, потому что самъ Пушкинъ — одно изъ великихъ созданій нашей исторической жизни. Пушкинская муза глубоко коренится въ прошломъ нашей исторіи и литературы и, только питаясь

---

¹⁾ Напечатанъ въ юбилейномъ альбомѣ въ память столѣтія со дня рожденія поэта — «Алек. Серг. Пушкинъ», изданномъ редакціей журнала «Нива», С.-Пб. 1899 г. Въ этомъ же альбомѣ, кромѣ очерка Сементковскаго, помѣщены — «Жизнь Пушкина» — біограф. очеркъ В. Я. Свѣтлова (съ 54 портретами, видами, картинами и рисунками), «Произведенія Пушкина» — замѣтка по поводу нѣкоторыхъ произведеній поэта къ иллюстраціямъ, помѣщеннымъ въ альбомѣ, и, наконецъ, на внутренней сторонѣ обертки альбома напечатаны отрывки «Изъ воспоминаній о Пушкинѣ».

соками нашей народной жизни, она могла превратиться въ могучее, вѣтвистое, широко раскинувшееся дерево. Отъ ствола этого дерева пошли многочисленныя побѣги, сами превратившіеся постепенно въ мощныя вѣтви, изъ которыхъ каждая по силѣ и величинѣ равняется доброму дереву. Мы всѣ знаемъ эти вѣтви. Это Гоголь, Гончаровъ, Тургеневъ, Полонскій, Майковъ, Фетъ, Толстой. Пушкинъ своими произведеніями намѣтилъ тѣ пути, по которымъ пошла вся дальнѣйшая русская литература. Нѣтъ въ ней теченія, которое не было бы ясно указано или намѣчено Пушкинымъ. ...Струны, звучація на его лирѣ, такъ многообразны, что не знаешь, какой стороны русской жизни или какихъ движеній человѣческой души онѣ не затрагиваютъ. Его лирика не только достигла необычайнаго совершенства по формѣ,—совершенства, остающагося до сихъ поръ недослагаемымъ, но по содержанію своему охватила всю русскую жизнь со всѣми ея теченіями. Въ ней воплотилась... и мощь Россіи и скорбь ея; она раскрыла намъ съ необыкновенною полнотою душу русскаго человѣка, чуждающуюся всего неяснаго, лживаго, туманнаго, преданную общественной правдѣ (?)... въ немъ (въ Пушкинѣ) слились и получили небывалое по художественной красотѣ выраженіе мысли и чувства его предшественниковъ и современниковъ, и смерть его обратила впервые вниманіе всего образованнаго міра на русскую литературу... Онъ (т. е. Пушкинъ) — поэтъ и больше ничего; онъ приблизился къ самому средоточію русской жизни; значеніе его пророческое. Да, онъ — поэтъ, онъ — писатель въ истинномъ значеніи этого слова; никто глубже его не позналъ русской жизни, потому что онъ въ своихъ дивныхъ произведеніяхъ сумѣлъ выразить сокровеннѣйшія ея думы; ни одинъ писатель на Руси не имѣлъ таковаго пророческаго значенія, потому что вся повѣйшая русская литература вступила на путь, указанный Пушкинымъ.

Вопросу о вліяніи Пушкина на поэтовъ позднѣйшаго времени посвящена спеціальная работа А. М. Лобо-

ды — «Отзвуки Пушкинской поэзии въ послѣдующей русской литературѣ» (см. Сбор. Унив. св. Влад.). Не претендуя на полное и независимое рѣшеніе слишкомъ серьезнаго и обширнаго вопроса, авторъ даетъ характеристику литературной дѣятельности такихъ поэтовъ и писателей, какъ: Фетъ, Полонскій, Майковъ, Некрасовъ, Плещеевъ, Гончаровъ, Тургеневъ, Толстой, дѣлаетъ рядъ сопоставленій и указываетъ отношеніе каждаго изъ нихъ къ тому художественно-литературному наслѣдію, которое оставилъ послѣ себя Пушкинъ. Въ его поэзии, заключаетъ авторъ, впервые выступили черты того натурализма, который живетъ въ нашей литературѣ до послѣднихъ дней.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы стоитъ цѣлый рядъ другихъ болѣе частныхъ работъ, какъ то:

1) О воспитательномъ значеніи Пушкина. См.:

1. «О воспитательномъ значеніи поэзии Пушкина» — рѣчь Н. Иванова, Юрьевъ 1899 г.
2. «Воспитательное значеніе поэзии А. С. Пушкина», С.-Пб. 1899 г. А. К. Бароздина.
3. «Воспитательное значеніе поэзии А. С. Пушкина» — рѣчь В. П. Ляскоронскаго. Сб. К. Уч. Окр. II, 398.
4. «Нравственное воспитательное значеніе сочиненій Пушкина» — рѣчь Т. Е. Балаша. Сб. К. Уч. Окр. III, 93.
5. «Образовательное и воспитательное значеніе поэзии А. С. Пушкина» — рѣчь Г. Дорофеева. Сбор. Кавказ. Уч. Окр. Тиф. 1899, стр. 36 и др. въ томъ же сборникѣ.

2) О значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы, какъ историка. См.:

1. Рѣчь Н. А. Маклакова въ изданіи Владимирской Архивной комиссіи — «Пушкинскіе дни въ губ. гор. Владимирѣ (26—29 мая 1899 г.), г. Владимиръ 1899 г.

2. Рѣчь И. А. Сребнидкаго—«Пушкинъ и русская исторія» въ Сбор. Историко-фил. инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, стр. 8—19.

3) Значеніе Пушкина въ исторіи русскаго языка. См. «Къ вопросу о значеніи А. С. Пушкина въ исторіи русскаго литературнаго языка», статья проф. Некрасова въ сбор. журн. «Жизнь».

4) Значеніе Пушкина въ исторіи русскаго искусства. См.:

1. «А. С. Пушкинъ и его музыкальные истолкователи» А. Степовича въ Сборникѣ Кіевск. Педагог. Общ.
2. «Значеніе поэзіи А. С. Пушкина въ русской музыкѣ» проф. Н. Кашкина въ Сбор. «Жизни», стр. 130.
3. «Поэзія А. С. Пушкина и русское пластическое искусство»—П. Н. Ге въ томъ же Сборникѣ, стр. 174.

Говоря о нравственно-воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина, всѣ изслѣдователи, какъ раньше, такъ и теперь, всегда останавливались болѣе подробно на вопросѣ о гуманныхъ мотивахъ въ творествѣ поэта, какъ на одномъ изъ существеннѣйшихъ воспитательныхъ элементовъ его поэзіи. Но „гуманные мотивы“ творчества, прежде всего, и ближайшимъ образомъ, связаны съ мотивами личной жизни, которые, несомнѣнно, служили „конвою блестящихъ узоровъ творческой фантазіи“. Объ этихъ „мотивахъ жизни“, лучше всего, конечно, можно говорить, имѣя въ виду переписку поэта, въ которой онъ является „не столько поэтомъ, рожденнымъ для вдохновенія, для звуковъ сладкихъ и молитвъ, сколько подвижникомъ мысли, неустанно искавшей путей къ свѣту и истинѣ, неустанно стремившейся освободиться отъ тисковъ неправды и рабства“. Вопросу о мотивахъ жизни поэта посвящена статья Евг. Ляцкого въ сбор. Русск. Богат.—«А. С. Пушкинъ и его письма», въ которой авторъ даетъ характеристику настроенія поэта въ различные періоды его жиз-

ни, дѣятельности и общественныхъ отношеній, поскольку эти настроенія нашли себѣ выраженіе въ его перепискѣ ¹⁾).

Переходя къ работамъ, посвященнымъ вопросу о гуманныхъ мотивахъ творчества Пушкина, укажемъ прежде всего статью А. П. Кадлубовскаго въ Сборн. Ист.-филол. Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ — «Гуманные мотивы въ творествѣ Пушкина». Гуманное настроеніе поэта нашло много и притомъ весьма яркихъ выраженій въ его творествѣ, начиная съ самихъ раннихъ шаговъ Пушкина на литературномъ поприщѣ. Разсматривая съ этой точки зрѣнія развитіе литературной дѣятельности поэта, авторъ отмѣчаетъ въ немъ постепенный ростъ гуманнаго настроенія, которое, „разростаясь въ ширь и глубь, все болѣе проникало его творчество, доходя до широкаго, всеобъемлющаго чувства благоволенія къ людямъ“. Всеобщающая любовь и прощеніе, доброе и благожелательное отношеніе къ ближнему, радость прощенія, вниманіе и участіе къ слабымъ и незамѣтнымъ людямъ, желаніе даже въ горѣ видѣть прежде всего человѣка и цѣнить въ немъ по преимуществу тѣ стороны героизма, въ которыхъ находили себѣ выраженіе чисто человѣческія черты, достойныя художественнаго воспроизведенія и сочувствія и въ самыхъ простыхъ, низко стоящихъ на общественной лѣстницѣ людяхъ — вотъ тѣ основные мотивы гуманности, выраженіемъ которыхъ служить вся литературная дѣятельность Пушкина. И несомнѣнно, заключаетъ авторъ, что русское общество, восхищаясь и плѣняясь художественною красотою и изумительною отдѣлкою поэтическихъ образовъ великаго поэта, невольно, можетъ быть, безсознательно проникалось и высокимъ, истинно гуманнымъ содержаніемъ ихъ и лежащимъ въ ихъ основѣ чисто человѣчнымъ, братскимъ отношеніемъ къ людямъ; этимъ онъ много сдѣлалъ для воспитанія и развитія этихъ чувствъ въ русскомъ обществѣ вообще, а тѣмъ самымъ

---

¹⁾ См. также статью П. Г. Богдановича — «Личность Пушкина по его письмамъ и замѣткамъ». Сб. К. Уч. Окр.

въ частности по отношенію къ деревнѣ и къ крестьянину. И я убѣжденъ, что Пушкину, тому Пушкину, котораго такъ много и сильно порицали са его олимпійское равнодушіе къ вопросамъ жизни, — что ему мы должны приписать и крупную роль въ дѣлѣ уврачеванія недуговъ русской жизни, въ развитіи въ русскомъ обществѣ сознанія „неправды черной“ и „ига рабства“, и что, далѣе, его вліаніе отозвалось и въ тѣхъ великихъ законодательныхъ актахъ, которые обновили русскую жизнь, особенно же въ величайшемъ гуманномъ актѣ нашей исторіи, освобожденіи крестьянъ. В. Н. Мочульскій въ своей рѣчи: «Вліаніе поэзіи Пушкина на развитіе самосознанія русскаго народа»¹⁾, указывая тѣ же самые мотивы гуманности въ творчествѣ Пушкина, какіе намѣчены и А. П. Кадлубовскимъ, рассматриваетъ ихъ въ связи съ вопросомъ о вліаніи поэзіи Пушкина на развитіе самосознанія русскаго народа. Но прежде чѣмъ говорить о томъ, какія чувства выражалъ Пушкинъ, которыя могли бы оказывать благотѣльное вліаніе на наше развитіе и развитіе нашего самосознанія, авторъ останавливается на вопросѣ, какимъ образомъ поэтъ, выражая извѣстныя мысли и чувства, можетъ вліять на развитіе самосознанія и исходной точкой этого вліанія указываетъ поэзію, въ сущности которой хоятся тѣ психологическіе моменты, въ силу которыхъ поэтъ становится избраннымъ сосудомъ, вмѣщающимъ въ себѣ все лучшее, что природа дала человѣку и какъ продуктъ среды, отражающимъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, мысли, чувства и настроенія окружающаго его общества. „Доволя до яснаго сознанія смутно бродящія въ обществѣ мысли и чувства, поэтъ становится путеводной звѣздой на широкомъ и необъятномъ пути народнаго развитія, а воплощая свои мысли и чувства въ конкретные образы и осязаемые звуки, поэтъ становится, наво-

---

¹⁾ Одесса 1900 г. Рѣчь эта была произнесена авторомъ въ торжественномъ засѣданіи Одесскаго Славянскаго Общества 11 мая 1899 г.

нецъ, орудіемъ самосознанія среди того же окружающаго его народа“. Затронувъ вопросъ о вліяніи поэзіи Пушкина на развитіе народнаго самосознанія и намѣтивъ въ творчествѣ поэта тѣ идеалы, мысли и чувства гуманнаго настроенія, которые могли оказывать наибольшее воздѣйствіе на развитіе этого самосознанія, какъ то: чувство уваженія человѣческой личности или идея нравственной свободы личности, которая, между прочимъ, служить основнымъ мотивомъ лирической поэзіи Пушкина, чувство дружбы и любви, а въ связи съ этимъ благородно-идеальное отношеніе къ женщинѣ и т. п., авторъ оставляетъ, однако, совершенно безъ вниманія кругъ соціально-политическихъ воззрѣній нашего поэта, но вмѣсто этого приписываетъ ему такіе идеалы, которые даже при всей своей гуманности все таки какъ то не вяжутся съ представленіемъ о Пушкинѣ, да и врядъ ли имѣютъ подъ собою какія либо фактическія основанія. Вотъ, напр., что говоритъ В. Н. Мочульскій: „Вмѣстѣ съ тѣмъ съ поэзіей Пушкина въ наше сознаніе проникла и та мысль, что широкіе планы и высокіе замыслы не всегда бывають по плечу русскому народу, а намъ нужно малое, но вѣрное дѣло, которое вело бы русскій народъ по прямому пути культурнаго развитія, а съ нимъ — къ истинному народному благосостоянію. Этимъ сознаніемъ мы также обязаны отчасти Пушкину. Эта великая заслуга Пушкина передъ русскимъ обществомъ, заключаетъ авторъ, одѣниваемая нашимъ общественнымъ самосознаніемъ, и объясняетъ ту лихорадочную подготовку къ торжественному чествованію, каковое дружно готовитъ вся Россія своему любимому поэту“.

Въ сборникѣ «Русск. Богат.» подъ общимъ заглавіемъ «Алекс. Серг. Пушкинъ» помѣщены двѣ статьи П. Ф. Гриневича: 1) «Пушкинъ въ сознаніи русской литературы» и 2) «Пѣвецъ гуманной красоты». Въ этой второй своей статьѣ П. Ф. Гриневиичъ также старается дать опредѣляющую характеристику Пушкина, какъ поэта, его воззрѣній на міръ и на жизнь, его морали, всего умствеп-

наго и душевнаго облика. Такимъ образомъ, и въ только что названной статьѣ П. Гриневича мы встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ вопросомъ о мотивахъ творчества Пушкина, какому были посвящены работы А. П. Кадлубовскаго и В. Н. Мочульскаго. Для рѣшенія намѣченнаго вопроса авторъ прежде всего дѣлаетъ апріорное заключеніе о томъ, что духу Пушкина менѣе всего была свойственна поэзія борьбы и политическихъ страстей, и съ этой точки зрѣнія предлагаетъ разсматривать только типичныя черты поэзіи Пушкина, „оставляя въ сторонѣ все случайное, мимолетное, менѣе характерное для автора“. Уже въ этой апріорности точки зрѣнія, думается намъ, кроется начало неудовлетворительной постановки вопроса, потому что то, чѣмъ была поэзія Пушкина, не всегда то, чѣмъ она могла бы быть, потому что, говоря именно о Пушкинѣ, слишкомъ трудно отождествлять то, чѣмъ была его поэзія, съ тѣмъ, что было на самомъ дѣлѣ свойственно ея духу. Кажется, Пушкинъ больше, чѣмъ кто либо другой изъ русскихъ поэтовъ всегда жаловался на „муки слова“¹⁾ и другія, слишкомъ извѣстныя, обстоятельства своей жизни и дѣятельности. Но еще болѣе авторъ не правъ, когда, ставя своей задачей дать опредѣляющую характеристику Пушкина, какъ поэта, его воззрѣній на міръ и на жизнь, его морали, всего умственнаго и душевнаго облика, предлагаетъ разсматривать только типичныя черты поэзіи Пушкина, оставляя въ сторонѣ все случайное, мимолетное, менѣе характерное для автора, при чемъ къ числу этихъ менѣе характерныхъ чертъ относить стихотворенія «Клеветникамъ Россіи», «Бородинская годовщина», «Чернь» и извѣстную статью о книгѣ Радицева, припоминая слова Добролюбова, сказанныя имъ о послѣднемъ періодѣ дѣятельности Пушкина, что „направленіе, принятое имъ въ послѣдніе годы, вовсе не исходило изъ естественной потребности души его, а было

---

¹⁾ См. статью А. Г. Горнфельда — «Муки слова» въ томъ же Сборникѣ.

только слѣдствіемъ слабости характера, не имѣвшаго внутренней опоры въ серьезныхъ, независимо развитыхъ убѣжденіяхъ, и потому скоро павшаго отъ утомленія въ борьбѣ съ вѣшними вліяніями...“; потому что характеристика писателя, основанная на извѣстномъ только подборѣ фактовъ или умышленно устраняющая нѣкоторыя обстоятельства, не можетъ быть характеристикой вполнѣ правильной даже въ томъ случаѣ, если она не стремится быть всеисчерпывающей, а только опредѣляющею характеристикую поэта, которая должна считаться лишь съ его типическими чертами, оставляя въ сторонѣ все случайное, мимолетное, менѣе характерное для автора; такая характеристика не можетъ быть правильна потому, что она исходитъ изъ чисто случайнаго субъективнаго впечатлѣнія, а не изъ исторіи развитія умственнаго кругозора и настроенія изучаемаго поэта. Что касается словъ Добролюбова, на которыя опирается П. Гриневицъ въ своемъ изслѣдованіи, то они, въ виду множества новыхъ фактовъ и ихъ разработки у болѣе близкихъ къ намъ изслѣдователей, при всей своей компетентности, не могутъ все таки считаться рѣшающими извѣстнаго вопроса о двойственности настроенія поэта въ Александровскую и Николаевскую эпохи его жизни и дѣятельности, вопроса, который и теперь еще остается далеко не рѣшеннымъ. Что же касается вообще статьи П. Гриневица о „пѣвцѣ гуманной красоты“, то она даетъ прекрасную характеристику идейнаго содержанія нѣкоторыхъ произведеній Пушкина, въ которыхъ онъ по широтѣ и возвышенности своихъ воззрѣній на жизнь и на человѣка выступаетъ такимъ же гениальнымъ поэтомъ, каковы Шекспиръ, Гете и Байронъ. У каждаго изъ нихъ, говоритъ авторъ, найдутся, конечно, свои индивидуальныя особенности, которыми не обладалъ Пушкинъ, но такія же, свойственныя только ему одному, особенности есть и у нашего великаго поэта. Шекспира по преимуществу интересовала психологія страстей, Гете — ненасытность стремленія современнаго человѣка къ знанію, Байрона — идея политической свободы;

Пушкинъ является пѣвцомъ человѣчности въ лучшемъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ безконечнаго уваженія къ достоинству человѣка, какъ человѣка. Изъ этого именно чувства исходятъ всѣ взгляды Пушкина на важнѣйшія проблемы бытія и счастья. Разсмотрѣніе произведеній поэта съ этой точки зрѣнія приводитъ автора къ заключенію, что гуманная красота составляетъ главный предметъ поэзіи Пушкина.

Весьма интересною для общей характеристики поэта является статья А. Θ. Кони (въ Вѣст. Евр. 1899 г., октябрь) «Нравственный обликъ Пушкина».

А. Θ. Кони въ своей статьѣ останавливается преимущественно на правовыхъ взглядахъ Пушкина. Но такъ какъ, говоря о правовыхъ воззрѣніяхъ Пушкина, трудно избѣжать необходимости ознакомиться съ его нравственными воззрѣніями и его отношеніемъ къ вопросамъ вѣры, то авторъ прежде всего останавливается на вопросѣ о религіозности поэта, затѣмъ на вопросѣ объ его отношеніи къ людямъ, о нравственныхъ требованіяхъ, которыя поэтъ предъявлялъ прежде всего къ себѣ, говорить о вдумчивомъ проникновеніи поэта въ сущность разумныхъ условій человѣческаго существованія, о взглядѣ его на главнѣйшія проявленія справедливости, какъ осуществленія общественной совѣсти, выражающіяся въ правосудіи и законодательствѣ, о разумной свободѣ, построенной на уваженіи къ правамъ личности, на признаніи правъ организованной совокупности личностей общества, какъ общественныхъ идеалахъ поэта, говорить объ отношеніи Пушкина къ вопросу о преступленіи и наказаніи; къ вопросу о судѣ и т. д. и т. д. Все это совершенно новые вопросы, которые въ статьѣ А. Θ. Кони нашли себѣ весьма интересную разработку и освѣщеніе.

Кромѣ статей, посвященныхъ тому или иному вопросу, связанному съ изученіемъ Пушкина, юбилей далъ цѣлый рядъ работъ общаго біографическаго и историко-литературнаго характера, посвященныхъ Пушкину и его памяти. Въ одномъ сборникѣ Киев. Уч. Окр. напечатано

16 такихъ работъ; въ «Русск. Филол. Вѣст.» за 1899 г. три работы: 1) «А. С. Пушкинъ» біографическій очеркъ, первоначально напечатанный въ нѣскольکو измѣненномъ видѣ въ книгѣ «Въ память столѣтія годовщины А. С. Пушкина, біографическій очеркъ и избранныя произведенія поэта», изданной по распоряженію Попечителя Варш. Уч. Окр. для учениковъ и ученицъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и составленной спеціальной комиссіей подъ предсѣдательствомъ проф. А. И. Смирнова. Варш. 1899 г. ¹⁾ 2) А. И. Смирновъ: «Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни и литературной дѣятельности А. С. Пушкина — очеркъ критико-литературныхъ и религіозныхъ воззрѣній поэта». 3) его же «О поэтическихъ произведеніяхъ А. С. Пушкина», рѣчь, сказанная въ Варшавскомъ Русскомъ собраніи 4-го іюня 1880 г. Эти три работы были изданы затѣмъ авторомъ въ видѣ отдѣльнаго оттиска изъ «Русск. Фил. Вѣст.» подъ заглавіемъ «Три рѣчи объ А. С. Пушкинѣ». Варш. 1899 г. Сюда же можно отнести: 1) работу П. О. Морозова «Пушкинъ (къ столѣтію со дня рожденія)» въ «Образованіи» за 1899 г. № 5—6 и слѣд.; 2) рѣчь И. С. Крылова «О поэзіи А. С. Пушкина» въ изданіи Влад. Уч. Архивной Ком. 3) «Пушкинъ, какъ человекъ поэтъ», рѣчь А. Д. Алферова въ Отчетѣ Моск. Училища ордена св. Екатерины за 1898—99 уч. г. М. 1899; 4) «А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ» П. Черняева. Казань 1899 г. 5) «Пушкинъ и война», замѣтка С. Ашевскаго Мир. Бож. 1899 г. Іюнь VI; 6) «Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина» — критическій очеркъ Б. В. Никольскаго. С.-Пб. 1899 г.; 7) «Директоръ Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардтъ и его питомцы» — рѣчь Б. О. Кобеко на торжественномъ актѣ въ память А. С. Пушкина въ Имп. Александровскомъ Лицеѣ 28-го мая 1899 г. (напечатана въ «Вѣст. всемір. Исторіи» 1900 г. № 1);

¹⁾ Одновременно и такимъ же порядкомъ былъ изданъ отдѣльный сборникъ для учащихся младшаго возраста.

8) Обширный сборникъ статей и замѣтокъ, составленный А. С. Суворовымъ — «Поддѣлка» — «Русалки» Пушкина¹⁾ по поводу извѣстной записи «Русалки» Пушкина, сдѣланной Д. П. Зуевымъ, и изслѣдованія академика Ѳ. Е. Корша²⁾; 9) «Муки слова» А. Г. Горнфельда въ «Сб. Русс. Б.»; 10) «А. С. Пушкинъ» — изслѣдованіе проф. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ 1900 г. Этотъ трудъ проф. Сумцова является переработаннымъ изданіемъ «Этюдъ», первоначально напечатанныхъ имъ въ «Русск. Филолог. Вѣст.» за 1893—1897 г. и отдѣльно въ пяти выпускахъ. Проф. Владимировъ въ своей послѣдней работѣ, посвященной памяти А. С. Пушкина — «Отношеніе къ Пушкину русской критики» (Сборникъ Универ. св. Владиміра. Кіевъ 1899) говоритъ слѣдующее о трудахъ проф. Сумцова: «Этюды объ А. С. Пушкинѣ» проф. Н. Ѳ. Сумцова — это историко-литературные комментаріи въ небольшимъ стихотвореніямъ Пушкина, задачу которыхъ авторъ опредѣляетъ необходимостью „отмѣчать сходныя черты въ другихъ Пушкинскихъ стихотвореніяхъ и слѣдить по отношенію къ нѣкоторымъ стихотвореніямъ, какъ въ душѣ поэта постепенно формировался и развивался художественный образъ и какъ улаживались и варіировались въ сознаніи Пушкина поэтическіе мотивы, заимствованные имъ изъ вѣдръ русской народной поэзіи и изъ литературъ народовъ иноплеменныхъ... Этюды проф. Сумцова, безъ сомнѣнія, будутъ полезны и для біографа Пушкина и для критики его произведеній. Но общая точка зрѣнія, заключаетъ авторъ, возможна только для изслѣдователя, который овладѣетъ всѣмъ литературнымъ матеріаломъ, относящимся къ Пушкину“. Проф. Сумцовъ собралъ всѣ свои „этюды“ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ вмѣстѣ и напелъ удобнымъ измѣнить и самое заглавіе своего труда:

¹⁾ Замѣтку по поводу этого сборника см. въ «М. Б.» за 1900 г. № 7.

²⁾ Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. 1898 г. т. III, кн. 3; 1899 г. т. IV. кн. 1 и 2.

вмѣсто „этиудовъ“ онъ называлъ его „ислѣдованіями“, мотивируя это измѣненіе тѣмъ, что заглавіе—какъ болѣе солидное и вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе отвѣтственное—ближе и точнѣе выражаетъ содержаніе и построеніе всего труда. Ислѣдованіе проф. Н. Θ. Сумцова захватываетъ далеко не всѣ произведенія нашего поэта, хотя это нисколько не уменьшаетъ ихъ интереса. Ислѣдуя тотъ или другой Пушкинскій мотивъ, авторъ старается привлечь какъ можно болѣе данныхъ для того, чтобы объяснить развитіе этого мотива. Но при таковой постановкѣ вопроса очень легко бываетъ совершенно неожиданно упустить изъ виду другое, не менѣе важное обстоятельство—качество того матеріала, который привлекается изслѣдователемъ для освѣщенія или объясненія затронутого имъ вопроса. Для примѣра остановимся на статьѣ проф. Сумцова о «Пророкѣ» (ислѣд. 5—20). Въ этомъ изслѣдованіи авторъ прежде всего рассматриваетъ вопросъ о томъ, что предшествовало «Пророку», т. е. что было подготовительною работою для «Пророка». Здѣсь онъ останавливается прежде всего на мнѣніи Н. И. Чернаева о томъ, что Коранъ привелъ Пушкина къ Библии... Опровергая мнѣніе г. Чернаева, авторъ, между прочимъ, ссылается на записки Смирновой... Характеризируя древне-библейскаго пророка, авторъ ссылается на Пютца (сборн. историческихъ очерковъ I, 36, изъ Деллингера и Гуттенштейна).

Послѣ характеристики библейскаго пророка, какъ общественнаго дѣятеля, авторъ дѣлаетъ сопоставленіе библейскаго повѣствованія (VI глава книги пророка Исаи) съ обработкой сюжета у Пушкина и приходитъ къ заключенію, что Пушкинъ не воспользовался всѣмъ содержаніемъ VI главы, но взялъ только часть его и обработалъ по своему. „Въ образѣ“ «Пророка», говоритъ пр. Сумцовъ, въ грандіозной формѣ выражена та духовно-нравственная пылкость, которая проявляется многими выдающимися лицами, и которая часто бываетъ связана съ переломомъ дурныхъ привычекъ...“ при этомъ авторъ ссы-

ляется на свидѣтельство В. И. Даля въ его воспомина-
ніяхъ о Пушкинѣ (Л. Майковъ, Пушкинъ 419). Затѣмъ
проф. Сумцовъ опять обращается къ запискамъ А. О.
Смирновой, опровергая подлинность слѣдующихъ, якобы,
пушкинскихъ словъ: „Я читалъ Библію отъ доски до до-
ски въ Михайловскомъ, когда находился тамъ въ ссылкѣ.
Читалъ даже нѣкоторыя главы своей Аринѣ. Но и ранѣе
я много читалъ Евангеліе“, а также слѣдующихъ: „Хо-
тите ли, говорить будто бы Пушкинъ Смирновой, чтобы
я сдѣлалъ „вамъ одно признаніе?“—На счетъ чего? спра-
сила Смирнова;—моего «Пророка»—„Говорите, я не буду
нескромною“ — и т. д. Говоря о празднословіи и лукав-
ствѣ,—черты характера пророка до преобразования — ав-
торъ опять оппонируетъ г. Черняеву, который въ своей
статѣ о «Пророкѣ» Пушкина высказался противъ проф.
Сумцова. Въ виду занимательности отрывка этого мѣста
въ изслѣдованіи проф. Сумцова привожу его цѣликомъ—
„Г. Черняевъ въ статѣ о «Пророкѣ» Пушкина говоритъ:
изъ того, что пророкъ называетъ свой прежній языкъ
празднословнымъ и лукавымъ, г. Сумцовъ дѣлаетъ заклю-
ченіе, что до встрѣчи пророка съ Серафимомъ, онъ былъ
празднословнымъ и лукавымъ человѣкомъ. Слѣдуя такой
же логикѣ, можно дойти до вывода, что одинъ изъ вели-
чайшихъ аскетовъ и подвижниковъ, св. Ефремъ Сиринъ,
написавшій дивную молитву «Господи и Владыко живота
моего», былъ крайне невоздержаннымъ, болтливымъ и лѣ-
нивымъ человѣкомъ, ибо онъ просилъ Бога избавить его
отъ духа праздности и празднословія и ниспослать ему
духъ цѣломудрія“. Далѣе г. Черняевъ говоритъ, что люди,
томимые духовной жаждой, относятся къ себѣ съ край-
ней строгостью и что пророкъ „невольнo преувеличивалъ
свои недостатки“. Но г. Черняевъ, осуждая мое мнѣніе,
впадаетъ въ прямое противорѣчіе съ тѣмъ несомнѣннымъ
фактомъ, который онъ же самъ выдвигаетъ въ началѣ
своей статьи, что мы имѣемъ дѣло уже съ перерожден-
нымъ пророкомъ, что, повторяемъ собственныя выраженія
г. Черняева, „общій тонъ пророка величественно спокоенъ“,

что „такъ можетъ говорить человѣкъ, вспоминающій далеко минувшее прошлое“. Съ какой же статьи ему нужно было „преувеличивать?“ Всякое преувеличеніе есть ложь. Весьма странно было бы такое преувеличеніе въ устахъ пророка послѣ духовнаго перерожденія, послѣ работы надъ нимъ серафима, послѣ того, какъ онъ исполнился волей Божіей для того, чтобы глаголомъ своимъ жечь сердца людей. Мы должны безусловно повѣрить пророку, что празднословіе и лукавство были существенными его недостатками до перерожденія. Оставляемъ въ сторонѣ вводную мысль г. Черняева, что люди, томимые духовной жаждой, вообще преувеличиваютъ свои недостатки. Такое положеніе сильно ослабляетъ цѣнность всякаго раскаянія и очищенія...“

Переходя къ вопросу объ ошибочности или односторонности истолкованія «пророка» въ смыслѣ приуроченія его къ понятіямъ о поэтѣ или къ понятіямъ о библейскихъ пророкахъ, авторъ приводитъ мнѣніе Спасовича (Собр. Соч. II, 335 — 337), возражаетъ г. Черняеву, который, воспользовавшись мнѣніемъ проф. Кіевск. дух. акад. Ф. А. Тарновскаго, высказаннымъ имъ въ 1883 г. въ сочиненіи «Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ», отождествляетъ пушкинскаго «Пророка» съ Магометомъ. Здѣсь же авторъ возражаетъ свящ. Троицкому (Кіевскій Сборникъ 1899 г.), который осуждаетъ Пушкина съ „строго религіозной точки зрѣнія“ за отступленія въ «Пророкѣ» отъ библейскаго текста и говоритъ, что къ «Пророку» Пушкина нельзя примѣнять ни религіозной точки зрѣнія, ни точки зрѣнія реально-бытовой. «Пророкъ» — это исключительно литературное достояніе, лишь художественный поэтическій образъ, но такого захвата, который выходитъ далеко за предѣлы какихъ либо частныхъ историческихъ или бытовыхъ рамокъ. Сущность и сила такого произведенія, какъ «Пророкъ», заключается не въ томъ или другомъ частномъ его истолкованіи, частномъ примѣненіи—къ Библии, исторіи, литературѣ, а въ глубинѣ образа, въ неисчерпаемо-возмож-

номъ его содержаніи“. Въ интересахъ полноты изслѣдованія авторъ останавливается на объясненіи пророчества, какъ помѣшательства, какъ психической болѣзни; припоминая Ламброзо и его сочиненіе «Геніальность и помѣшательство», въ которомъ дѣлая глава (X) посвящена вопросу о пророчествѣ, и Макса Нордау, который въ число сумашедшихъ зачислилъ, между прочимъ, гр. Л. Н. Толстого и Вагнера. Здѣсь же по поводу „здравомыслія“ Ламброзо и Макса Нордау припоминается Шевченко, какъ представитель иного рода здравомыслія, который въ 1760 г. написалъ стихи:

И день иде, и ничь иде...
И голову схопывши въ руки,
Дывуешся—чому не йде
Апостоль правды и науки?

Начало стихотворенія Пушкина «Пророкъ» указываетъ на такое же тревожное состояніе духа, какъ и начало «Божественной комедіи» Данте. У Пушкина человѣкъ, томимый духовной жаждой, влачится въ пустынь. Нужно думать, что человѣкъ этотъ не первой молодости, потому что онъ многое испыталъ въ жизни, пока дошелъ до жажды духовной, но и не старецъ, такъ какъ ему предложено обойти моря и земли, проповѣдуя новое слово истины и добра. Это человѣкъ среднихъ лѣтъ. Согласно съ этимъ у Данте:

Nel mezzo del camin di nostra vita
Mi ritrovaj per una selva oscura,
Que la diritta via era smarrita.

Поэтъ по серединѣ своей жизни потерялъ прямой путь и очутился въ темномъ лѣсу (мрачной пустынь). Это одно изъ психологическихъ совпаденій, весьма возможныхъ на тернистомъ пути человѣческой жизни, внѣ какихъ либо національныхъ или хронологическихъ приуроченій...“ и т. д.; въ этомъ же родѣ авторъ продолжаетъ характеристику пророка и его перерожденія. Возрожденіе «Пророка»

Пушкина, замѣчаетъ авторъ, совершается ровно и послѣдовательно. Не видно, сколько времени оно продолжалось... Рисуя картину перерожденія пророка, авторъ вспоминаетъ извѣстныя слова Баратынскаго въ стихотвореніи на смерть Гете:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
 Ручья разумѣлъ лепетанье,
 И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
 И чувствовалъ травъ прозябанье...

Здѣсь же припоминаются кстати новѣйшіе успѣхи знанія въ области слуховыхъ ощущеній, какъ, напр., микрофонографъ Дюссо—по этому поводу дѣлается ссылка на «Міров. Отголоски» 1897 г. № 32 прилож. Отсюда авторъ переходитъ къ вопросу о зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣніяхъ самого Пушкина. У Пушкина, говорить онъ, зрительныя и слуховыя впечатлѣнія были чрезвычайно сильны. Въ его время такимъ могуществомъ впечатлѣній отличался еще другой славянскій поэтъ, другъ его Мицкевичъ. При этомъ дѣлается ссылка на свидѣтельство польскихъ ученыхъ, на Немоевскаго (въ «Жизни» за 1899 г., IV, 178) и на стихотвореніе «Азербайджанскія степи» въ переводѣ вв. А. Кугушева въ «Вѣст. Евр.» 1898, III, 289. При объясненіи картины замѣны „лукаваго языка жалою мудрой змѣи“, авторъ ссылается на древній культъ змѣи, который имѣлъ широкое распространеніе у разныхъ народовъ земного шара. Остановливаясь на объясненіи выраженія „жги сердца людей“, авторъ приводитъ одно сѣверное сказаніе (А. Веселовскій, три главы, 163) и одинъ рассказъ о турьоманскомъ поэтѣ—Махдунъ Кули (тамъ же). При объясненіи четвертаго акта—замѣны трепетнаго сердца горящимъ углемъ, авторъ, возражая г. Черняеву, который считаетъ эту картину метафорой, называетъ ее живымъ историко-культурнымъ образомъ и 1) приводитъ преданіе, связанное съ дѣтствомъ Магомета (Washington Irving, 'The life of Mahomet, 19—20), 2) упоминаетъ о статьяхъ В. П. Герье въ «Вѣст.

Европы» 1892 г., о Францискѣ Ассизскомъ и Катаринѣ Сиенской, въ которыхъ находятъ „все что подходящее для объясненія нѣкоторыхъ деталей «Пророка», въ смыслѣ возможнаго историческаго освѣщенія ихъ“. Здѣсь же мы находимъ упоминаніе о пророческой стигматизаціи и о научномъ объясненіи этого явленія съ ссылкой на Ламброзо. Затѣмъ привожу цѣликомъ отрывокъ (стр. 21), какъ весьма характерный для научнаго изслѣдованія „... пророкъ не претерпѣвалъ никакихъ страданій, когда серафимъ вынималъ у него сердце перстами легкими, какъ сонъ. Г. Черняевъ не соглашается съ этимъ мнѣніемъ и полагаетъ, что встрѣча пророка съ серафимомъ „сопровождалась для пророка не только глубокимъ нравственнымъ потрясеніемъ, но и тяжелыми, хотя и непродолжительными физическими страданіями“ (35, 36). Хотя споръ на эту тему отзывается чѣмъ то схоластическимъ, я считаю умѣстнымъ, говорить проф. Сумцовъ, разъ возможно разномысліе въ этомъ отношеніи, отстаивать свое прежнее мнѣніе объ отсутствіи физическаго страданія. Такое страданіе унижало бы серафима и несовмѣстимо съ представленіемъ о всемогуществѣ и благодати Бога. Хотя работа серафима имѣетъ въ себѣ нѣчто анатомическое („десница вровая“), но боли тутъ все таки не могло быть. Если слабый человѣкъ знаетъ и пользуется анестезирующими средствами (хлороформъ, кокаинъ и др.), если болѣзненные операціи возможны при гипнозѣ, то странно было бы допустить физическое страданіе надъ легкими, какъ сонъ, перстами серафима. На сторонѣ серафима должна быть и сила большаго значенія, и утѣшительная всѣ боли прелесть очарованія“.

При объясненіи выраженія — „какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ...“ авторъ опять ссылается на Ламброзо и приводитъ случай съ основателемъ секты квакеровъ — Георгомъ Фоксомъ, который повинулъ семью, облекся въ бѣдную одежду и услышалъ голосъ: „Иисусъ Христосъ тебя понимаетъ“. Послѣ этого онъ пробылъ двѣ недѣли какъ бы въ летаргическомъ снѣ, при чемъ тѣло его оста-

валось неподвижнымъ, точно у мертваго, а мозгъ продолжалъ работать. Обративши вниманіе читателя еще на одинъ аналогичный случай съ сектантомъ Лазаретти, авторъ указываетъ на то, что Пушкинъ по своей гениальной прозорливости уловилъ извѣстный психологическій моментъ и выразилъ въ своемъ «Пророкѣ», гдѣ также есть „шумъ и звонъ“ и паденіе замертво.

При объясненіи словъ — „исполнись волею моею“ авторъ припоминаетъ замѣчаніе средневѣковаго богослова Бернарда Клервосскаго (+ 1153) объ отношеніи божественной воли къ волѣ человѣческой (изъ Робертсона и Герцога, Исторія христ. церкви. II, 219). При указаніи историческихъ комментаріевъ и параллелей къ «Пророку» авторъ припоминаетъ апостола Павла, пользуясь Фаррамомъ — «Жизнь св. ап. Павла», не соглашаясь съ допущеніемъ св. Троицкаго (Сбор. Кіев. И. Общ.), который находитъ, что св. Іоаннъ больше другихъ воплощаетъ въ себѣ типъ «Пророка». вмѣсто ап. Іоанна проф. Сумцовъ указываетъ ап. Павла и приводитъ одно мѣсто (XIII гл.) изъ перваго посланія ап. Павла въ Коринѳянамъ, гдѣ говорится слѣдующее: „если имѣю даръ творчества и знаю всѣ тайны, всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто...“. Здѣсь же авторъ припоминаетъ проф. Друммонда, который въ рѣчи — «Какъ преобразить жизнь», развивая идею о подражаніи Христу, между прочимъ, высказываетъ одно положеніе, примѣнимое и къ Пушкинскому «Пророку»: „Религія бездѣятельнаго поклоненія можетъ быть религіей для ангеловъ, а не для людей. Не въ благоговѣйномъ созерцаніи, а въ живой и серьезной работѣ заключается истинная надежда, не въ сферахъ воображенія, а въ личной сферѣ дѣйствительности совершается истинная жизнь; не въ области идеаловъ, а среди близкихъ осязаемыхъ вещей вырабатывается освященіе человѣка. Твердая рѣшимость, настойчивость, упорный и тяжелый трудъ, приобрѣтають теперь все свое значеніе“ (московск. изд. 1893 г., стр. 36). „Пушкинъ, говоритъ авторъ, даетъ въ

«Пророкъ» положительный типъ, и въ этомъ отношеніи его пророкъ стоитъ неизмѣримо выше Лермонтовскаго, разочарованнаго, байроническаго. Пусть люди не велики; но великъ міръ, велико человѣчество, и самъ милосердный Богъ выдвигаетъ великихъ дѣятелей, надѣляетъ ихъ благодатью любви, силой знанія, несокрушимой волей и даромъ могучаго, огненнаго слова“.

Наконецъ, слѣдуетъ объясненіе отдѣльныхъ словъ, при чемъ авторъ приводитъ параллельныя мѣста изъ другихъ произведеній Пушкина, привлекая иногда аналогичныя мѣста изъ другихъ писателей, напр. Тютчева, автора «Слова о Полку Игоревѣ», Кюхельбекера, вн. Вяземскаго и другихъ. Здѣсь же Сумцовъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній по поводу славянскихъ переводовъ, изданныхъ проф. П. А. Кулаковскимъ.

Оставаясь безусловно интереснымъ въ виду массы сообщаемаго матеріала, изслѣдованіе проф. Сумцова, все-таки, иногда утомляетъ читателя слишкомъ большими отвлеченіями, не всегда имѣющими прямое и непосредственное отношеніе къ разсматриваемому вопросу. Страницы изслѣдованія, напоминающія своимъ характеромъ вышеприведенныя нами, при всей своей научной цѣнности невольно производятъ на читателя впечатлѣніе какъ будто случайно набраннаго матеріала безъ предварительной проверки его важности и пригодности для даннаго вопроса.

Заканчивая свой, далеко не полный, обзоръ Пушкинской юбилейной литературы, назовемъ рядъ работъ, посвященныхъ исторіи критики и изученія произведеній Пушкина. Исторія критики Пушкинскаго текста смѣло можетъ быть названа исторіей литературнаго развитія русскаго общества XIX в. за послѣднія сто лѣтъ его жизни. Пушкинъ, говоритъ Бѣлинскій, принадлежитъ къ вѣчно живущимъ и движущимся явленіямъ, не останавливающимся на той точкѣ, на которой застала ихъ смерть, но продолжающимъ развиваться въ сознаніи общества. Каждая эпоха произноситъ о нихъ свое сужденіе и какъ бы

невѣрно поняла она ихъ, но всегда ставитъ слѣдующей за нею эпохѣ сказать что нибудь новое и болѣе вѣрно, и ни одна и никогда не выскажетъ всего... „Да, замѣчаетъ по этому поводу Е. А. Соловьевъ въ статьѣ «А. С. Пушкинъ въ потомствѣ» (Сборн. «Жизни» 1899 г., стр. 45—107), Бѣлинскій былъ правъ: оцѣнки Пушкина мы не имѣемъ, зато „своихъ сужденій“—сколько угодно“.

Намъ кажется, что каждое „свое сужденіе“ есть уже извѣстная оцѣнка и никакой другой оцѣнки не можетъ быть: это вытекаетъ изъ тѣхъ же самыхъ словъ Бѣлинскаго, отмѣтившаго вѣчно живущее и движущееся явленіе... Въ этой жизненности Пушкина и заключается величіе его таланта. Если бы прекратились „свои сужденія“, на которыя такъ сѣтуетъ Е. Соловьевъ, Пушкинъ давно пересталъ бы быть вѣчно живущимъ, движущимся, продолжающимъ развиваться въ сознаниі общества явленіемъ, и Бѣлинскій въ своихъ словахъ вовсе не возражаетъ противъ „своихъ сужденій“, а только говоритъ о неизбѣжности именно такой оцѣнки Пушкина. Намъ кажется, что Евг. Соловьевъ нѣсколько иначе толкуетъ слова Бѣлинскаго и, возражая съ принципіальной точки зрѣнія противъ „своихъ сужденій“, высказываетъ только „свое сужденіе“, а не мысль Бѣлинскаго. Какъ бы то ни было, Евг. Соловьевъ въ ожиданіи „оцѣнки“ посвящаетъ свою статью «А. С. Пушкинъ въ потомствѣ» обзору „своихъ сужденій“, начиная его своимъ собственнымъ сужденіемъ о томъ, что наши дни совсѣмъ не соотвѣтствующая обстановка для поэзіи Пушкина, потому что съ нами Пушкинъ уже не можетъ имѣть такой органической связи, которая единственно и обусловливаетъ любовь, какую онъ имѣлъ съ 20 годами. Мало того, говоритъ авторъ, я нисколько не отрицаю, что, быть можетъ, настанетъ день, и значеніе Пушкина станетъ еще большимъ, чѣмъ въ то далекое отъ насъ время... Пушкинъ—поэтъ прошлаго и, надѣюсь, будущаго, но для того, чтобы быть поэтомъ настоящаго, въ его „лирѣ“ недостаетъ многихъ и многихъ струнъ. Мнѣ кажется, замѣчаетъ Евг. Соловьевъ, что же-

ланіе сдѣлать его „руководителемъ“ и вызывало десятки разъ прямо отрицательное и жестоко несправедливое отношеніе къ нему и со стороны Полевого, и Добролюбова, и Чернышевскаго, и Писарева, и отчасти даже со стороны Бѣлинскаго!... Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ даетъ характеристику отношеній въ Пушкину общества и критики 20-хъ годовъ, Бѣлинскаго, Достоевскаго, Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и Вл. Сер. Соловьева, подробно останавливаясь на его брошюрѣ «Судьба Пушкина».

Очень интереснымъ, хотя и сжатымъ, но сердечно и горячо написаннымъ очеркомъ развитія отношеній къ Пушкину критики и общества, исторію признанія поэта обществомъ, Россіей, картину борьбы за Пушкина даетъ проф. М. Н. Сперанскій въ своей рѣчи «Друзья и враги Пушкина въ литературѣ» (см. Сборн. Инст. кн. Безбородко, стр. 20—43), останавливаясь на главныхъ моментахъ въ исторіи критики Пушкина, отмѣчаемыхъ рядомъ именъ писателей критиковъ: Бѣлинскаго, Надеждина, Мартынова, Чернышевскаго, Оскоченскаго, Писарева и Аполлона Григорьева.

Въ Сборникѣ Унив. св. Владимира помѣщена статья проф. Владимірова «Отношеніе къ А. С. Пушкину русской критики». Статья носитъ библиографическій характеръ. Авторъ даетъ перечень книгъ и статей, сопровождая иногда ихъ краткими замѣчаніями, слѣдуя за книгами въ хронологическомъ порядкѣ, т. е. слѣдуя за ними по мѣрѣ ихъ постепеннаго появленія въ свѣтъ, начиная съ 1820 года, когда въ журналѣ Каченовскаго («Вѣстникъ Европы») впервые появились жестокія нападки на первое крупное произведеніе Пушкина — поэмѣ «Русланъ и Людмила», и кончая юбилейной литературой 1899 года.

Очень интересную характеристику главныхъ теченій русской критической литературы о произведеніяхъ Пушкина даетъ и г. Гриневицъ въ первой изъ двухъ своихъ вышеназванныхъ нами статей, озаглавленной — «Пушкинъ въ сознаніи русской литературы». Статья посвящена раз-

смотрѣнію вопроса о томъ, что сдѣлано по отношенію къ великому поэту его комментаторами. Рѣшеніе этого вопроса, по мысли автора, необходимо для правильного пониманія самой пушкинской поэзіи, къ характеристикамъ которой онъ и переходитъ во второй статьѣ — «Пѣвецъ гуманной красоты».

Вопросу объ отношеніи къ поэту его сверстниковъ и современниковъ—поэтовъ Дельвина, Кюхельбекера, Баратынскаго, кн. Вяземскаго и другихъ, лицъ какъ одного, такъ и различныхъ съ нимъ направленій, посвящена статья Вл. Каллаша «Поэтическая оцѣнка Пушкина» (въ Р. М. 1899 № № 5, 7). Часть этой статьи «Поэтическая оцѣнка Пушкина современниками», какъ актовая рѣчь, помѣщена въ «Отчетъ Московскаго Учи-ща Орд. св. Екатерины за 1898—99 учеб. годъ». М. 1899 г. Изъ этой же статьи выросъ и сборникъ того же автора «Русскіе поэты о Пушкинѣ». М. 1899 г. Къ разсматриваемому нами вопросу можетъ имѣть, наконецъ, отношеніе статья В. С. Рыбинскаго — «Пушкинская плеяда» (Сбор. К. П. О. 256—284), посвященная обзору литературной дѣятельности А. А. Дельвига, Ев. А. Баратынскаго и Н. М. Языкова. Разсматривая литературную дѣятельность каждаго изъ этихъ поэтовъ въ связи съ ихъ отношеніемъ къ Пушкину авторъ отмѣчаетъ слѣдующее явленіе: каждый изъ этихъ поэтовъ отдавалъ предпочтеніе какому нибудь одному изъ видовъ поэзіи, нашедшихъ себѣ выраженіе въ многостороннемъ творествѣ Пушкина. Такъ, Языковъ разрабатывалъ преимущественно сюжеты романическіе, Баратынскій —элегическіе, а Дельвигъ—народно-идиллическіе. Другіе, болѣе мелкіе поэты плеяды, говоритъ авторъ, тоже могутъ быть подведены подъ указанные рубрики. Патриотическія—романическія думы Рылѣва приближаютъ его къ Языкову, кн. Вяземскій и Плетневъ по своимъ стихотвореніямъ, такъ же какъ и по критическимъ наклонностямъ примыкаютъ къ Дельвигу, Веневитиновъ, преждевременно скончавшійся юноша—поэтъ, любимецъ Пушкина, по любви къ философскимъ мотивамъ нѣсколько подходитъ къ

Баратынскому. Почти всѣ поэты плеяды таѣ или иначе близко стояли къ Пушкину не только въ поэзіи, но и въ жизни. Связь между ними поддерживалась и личнымъ общеніемъ и перепиской. Вмѣстѣ съ Пушкинымъ плеяда своей литературной дѣятельностью наносила сокрушительные удары отжившему свой вѣкъ классицизму и распространяла новые романическіе мотивы поэзіи. Въ этомъ главная заслуга поэтовъ плеяды для русской литературы. Носители идеаловъ пушкинской поэзіи, они оставались имъ вѣрными до конца дней своихъ. Самостоятельности въ творествѣ они большею частью лишены. Продолжать движеніе, сообщенное литературѣ Пушкинымъ, не имъ было суждено. Они исключительно жили завѣтами пушкинской эпохи и потому въ новомъ поколѣніи были либо забыты, либо, подобно Баратынскому, осуждены критикой. „Они, по словамъ г. Пыпина, могли хранить пушкинское преданіе, но лишь въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ сами его принимали: предоставленные сами себѣ, они (за рѣдкими исключеніями) не въ состояніи были понять того литературнаго движенія, которое наступило уже вскорѣ по смерти Пушкина, въ сороковыхъ годахъ“. Къ числу членовъ пушкинской плеяды, на ряду съ Дельвигомъ, Баратынскимъ и др. писателями, иногда причисляютъ также и Ѳ. Ив. Тютчева, современника Пушкина, который радушно встрѣтилъ его поэзію и съ 3-го тома своего «Современника» въ 1836 г. началъ печатать его стихотворенія. Послѣ смерти Пушкина новый редакторъ «Соврем.», Плетневъ продолжалъ ежегодно вплоть до 1840 г. помѣщать стихотворенія Тютчева. Некрасовъ, Тургеневъ, Хомяковъ, И. С. Аксаковъ сочувственно и даже съ восторгомъ отзывались о поэзіи Тютчева, предсказывая ему вѣчную славу въ потомствѣ. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ въ своей брошюрѣ «А. С. Пушкинъ и Ѳ. И. Тютчевъ» (Харьк. 1900) ставитъ вопросъ, основательно ли однако Тютчевъ причисляется къ пушкинской пледѣ и, давая сравнительную характеристику литературныхъ сюжетовъ у Тютчева и Пушкина, приходитъ къ заключенію, что зависимость

Тютчева отъ Пушкина ограничивается очень незначительными мелочами, но различіе между ними такъ велико, что мы не имѣемъ никакихъ основаній причислять Тютчева къ послѣдователямъ Пушкина. Изъ всѣхъ современниковъ Пушкина Тютчевъ менѣе всего заботился о чистотѣ стиха, а по языку онъ стоитъ особнякомъ отъ писателей пушкинской плеяды. Принимая во вниманіе лучшія стихотворенія Тютчева по философіи природы, можно за нимъ признать право на самостоятельное мѣсто въ исторіи русской поэзіи, не особенно, правда, видное, но достаточное для закрѣпленія за Тютчевымъ почтенной извѣстности ¹⁾. Работа проф. Сумцова интересна въ томъ отношеніи, что она въ безпристрастномъ освѣщеніи даетъ прекрасную характеристику творчества Тютчева и указываетъ его мѣсто въ исторіи русской литературы.

Этимъ мы и закончимъ свой очеркъ пушкинской юбилейной литературы. Очень многое не нашло себѣ въ немъ мѣста. Но, думается намъ, что даже тотъ, сравнительно небольшой, матеріалъ, о которомъ мы могли говорить въ своей замѣткѣ, даетъ нѣкоторые основанія для общихъ заключеній о пушкинской юбилейной литературѣ. Несомнѣнно, юбилейная литература 1899 г. въ сравненіи съ тѣмъ, что мы имѣли раньше въ подобныхъ случаяхъ, папр. при открытіи памятника поэту въ Москвѣ или въ пятидесятилѣтній юбилей со дня смерти поэта, — является наиболѣе богатой и по объему, и по широтѣ затронутыхъ вопросовъ, и даже по научной разработкѣ литературнаго матеріала. Разсматривая юбилейную литературу, посвященную тому или другому вопросу, можно легко убѣдиться въ томъ, что, повторяя въ большинствѣ случаевъ старое, подводя какъ бы итоги и резюмируя то, что было сдѣлано раньше, юбилейная литература всякій разъ при-

---

¹⁾ Лучшая біографія Тютчева принадлежитъ И. С. Аксакову, который приходился ему зятемъ (напечатана въ Русск. Архивѣ 1874 г.) и очень высоко ставилъ и поэзію Тютчева и его философію.

бавляла и нѣчто новое, или давая оригинальное освѣщеніе прежнимъ вопросамъ, или же ставя ихъ рѣшеніе въ совершенно новыя рамки научнаго изслѣдованія. Юбилейной литературой 1899 г. въ исторіи изученія пушкинскаго текста вмѣстѣ съ первымъ научнымъ его изданіемъ начинается у насъ новый періодъ изученія Пушкина, періодъ научной разработки того матеріала, который до сихъ поръ въ рукахъ критики и всякаго рода любителей литературы былъ предметомъ болѣе или менѣе остроумныхъ заключеній, тѣсно связанныхъ для каждой эпохи изученія Пушкина съ ея злободневными вопросами. Можно ли удивляться тому, что до сихъ поръ мы имѣемъ только массу „своихъ сужденій“, но не имѣемъ „оцѣнки“ Пушкина. Такая оцѣнка возможна только при строго научномъ отношеніи къ его литературной дѣятельности, а такого отношенія къ Пушкину до сихъ поръ у насъ не было. Последній юбилей впервые, если мы не ошибаемся въ своемъ заключеніи, привлекъ къ изученію пушкинскаго текста тотъ историко-сравнительный методъ научнаго изслѣдованія, который во всѣхъ отрасляхъ знанія привелъ къ такимъ цѣннымъ результатамъ и какимъ до сихъ поръ широко пользовался всякій изслѣдователь литературнаго творчества, не рѣшаясь, однако, примѣнять его въ изученіи Пушкина. Вспомнимъ наиболѣе интересныя работы изъ юбилейной литературы, напр., работы проф. Дашкевича, Владимірова, Халанскаго, Анучина, Сумцова, Сиповскаго и т. д., и мы согласимся съ тѣмъ, что съ 1899 г. начинается научное изслѣдованіе пушкинскаго текста и изученіе исторіи его литературной дѣятельности. Такое изученіе Пушкина, можетъ быть, вскорѣ и приведетъ въ тому, что выше было названо „оцѣнкой“, которая съ теченіемъ времени все таки должна стать только „своимъ сужденіемъ“, требующимъ новой провѣрки для новой „оцѣнки“, потому что Пушкинъ „вѣчно живущее, движущееся, продолжающее развиваться въ сознаніи общества явленіе. Во всякомъ случаѣ мы вполне присоединяемся къ мнѣнію тѣхъ изслѣдователей юбилейной литературы,

которые, подобно В. В. Сиповскому ¹⁾, называютъ правдннѣ 1899 г. „академическимъ“ ²⁾, потому что центральное мѣсто на немъ занимаютъ не литераторы и публицисты, какъ было раньше, а представители науки. Ихъ, немногими сравнительно, работами опредѣляется въ исторіи изученія Пушкина и значеніе всей юбилейной литературы 1899 г.

Обширная юбилейная литература, затронувшая массу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ Пушкина, внесла массу новыхъ точекъ зрѣнія, новыхъ мнѣній и новыхъ сужденій, расширила наше поле зрѣнія пушкинской литературной дѣятельности, поставила новыя и болѣе широкія задачи ея изученія, сообщила намъ очень много, хотя и не всегда одинаково цѣннаго, но въ большинствѣ случаевъ весьма любопытнаго для изученія Пушкина и біографическаго и историко-литературнаго матеріала ³⁾ и дала цѣлый рядъ новыхъ изданій его произведеній.

Способствуя, такимъ образомъ, болѣе широкому знакомству и болѣе правильному пониманію Пушкина, юбилейная литература, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще выше поставила поэта въ сознаніи русскаго общества, такъ широко и сердечно отелннннвшася на празднованіе столѣтняго юбилея со дня рожденія своего великаго Пушкина, въ которомъ такъ тѣсно уживались „страстный призывъ къ чистымъ привязанностямъ—и злорадная усмѣшка чувственности и зависти; городый влнкъ свободы и вольныя и невольныя цѣпи рабства“, который „всю жизнь свою пѣлъ свободу, святую вольность—и цѣлую жизнь оставался не-

---

1) См. его «Критико-бібліографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899 г.» Ж. М. Н. Пр. 1901 г. № 2.

2) Ж. М. Н. Пр. 1901 г. февраль, стр. 457.

3) Библіографическому обзору «матеріаловъ» посвящена II-ая глава работы В. В. Сиповскаго «Критико-бібліографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1890—1900 гг.» Ж. М. Н. Пр. 1901 г. мартъ, стр. 180, а также отдѣльное изданіе.

вольникомъ любви, невольникомъ дружбы, невольникомъ закона, и, наконецъ, умеръ невольникомъ чести“¹⁾).

Итакъ, пушкинская юбилейная литература 1899 г. открываетъ собою періодъ научнаго отношенія и широкаго изученія литературной дѣятельности Пушкина, вносить почти въ каждый вопросъ, связанный съ изученіемъ его, новую точку зрѣнія, предлагаетъ новое освѣщеніе прежде извѣстныхъ фактовъ, сообщаетъ много новаго матеріала, касающагося жизни и литературной дѣятельности поэта, даетъ цѣлый рядъ новыхъ изданій его произведеній, начиная съ академическаго и кончая изданіемъ для раздачи ученикамъ народной школы, соединяетъ самые противоположные лагеря и убѣжденія въ единодушномъ признаніи общественно-литературныхъ заслугъ поэта и, приближая его все больше и больше къ тому идеалу народной извѣстности, который былъ всегдашней мечтой поэта, ставитъ его еще выше въ сознаніи русскаго общества и литературы европейскихъ народовъ.

---

¹⁾ См. И. А. Ливниченко — «Жизненная драма Пушкина». Одесса 1899 г.